

КОНТРОЛЬ

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5
1981

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

5

1981

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кремпа И.</i> (ЧССР). Б. Шмераль — революционер, патриот и интернационалист	3
<i>Волков В. К., Гибианский Л. Я.</i> Фундаментальное издание документов (К выходу в свет шеститомной публикации «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.»)	8
<i>Фрейдзон В. И.</i> К теории этнических процессов. В связи с выходом книги: Ю. В. Бромлей. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории)	23
<i>Бритовшек М.</i> (СФРЮ). Взгляды академика Бориса Зихерла на словенскую историографию	30
<i>Бычкова М. Е.</i> Польские традиции в русской генеалогии XVII века	39
<i>Верещагин Е. М.</i> К интерпретации одного темного места в переводческом наследстве Иоанна Экзарха Болгарского	51
<i>Габовштяк А.</i> (ЧССР). Проблема происхождения словацкого языка с точки зрения лексики	61

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ БОЛГАРИСТИКИ

<i>Марков Д. Ф.</i> Болгаристика как комплекс научных дисциплин	77
<i>Валев Л. Б.</i> Изучение вопросов истории Болгарии в Советском Союзе	80
<i>Злыднев В. И.</i> Изучение болгарской литературы в Советском Союзе. Итоги и перспективы.	89
<i>Демина Е. И.</i> Основные направления разысканий в области болгарского языка и письменности в трудах советских ученых	97

МОСКВА

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Ольшанский П.</i> St. Sl. Niceja. Julian Leszczyński-Leński. Biografia	106
<i>Песчаный Д. Г.</i> М. А. Бирман. Формирование и развитие болгарского пролетариата (1878—1923)	110
<i>Ряжова М. И.</i> Исследования, посвященные Отону Жупанчичу	112
<i>Исаевич Я. Д.</i> Трилогия об Иване Федорове	114
<i>Григорьев А. П.</i> Evliya Celebi. Kniha ciest. Cesty po Slovensku	117
<i>Беллева В. И.</i> Historiografie v Ceskoslovensku. 1970—1980. Vyběrová bibliografie	119
<i>Зайцева Н. И.</i> В. М. Мокиенко. Чешский язык. Учебное пособие по развитию разговорной речи	122

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Морозова О.</i> Годовщина польского восстания 1830—1831 годов	124
<i>Калужская И.</i> Симпозиум по античной балканистике	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), Л. Б. ВАЛЕВ, В. А. ДБЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
 В. Д. КОРОЛЮК, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. В. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069 Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.
 Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

КРЕМПА И.

Б. ШМЕРАЛЬ — РЕВОЛЮЦИОНЕР, ПАТРИОТ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ

Деятельность и теоретическое наследие Богумира Шмералья, одного из основателей и руководителей Коммунистической партии Чехословакии, видного деятеля международного рабочего движения, патриота и интернационалиста, еще до конца не изучены.

В данной статье хотелось бы коснуться одного, чрезвычайно важного аспекта этой проблематики. Богумир Шмераль всей своей жизнью и деятельностью олицетворял дружбу, связывающую народы Чехословакии и Советского Союза.

Как возникли эти глубокие и в полном смысле слова кровные узы, связывающие Богумира Шмералья с советскими людьми? Как Богумир Шмераль, один из ведущих деятелей довоенной чешской социал-демократии, сумел преодолеть идейное и политическое наследие прошлого и всем сердцем и умом принять первое в мире государство рабочих и крестьян, стать его верным и самоотверженным другом?

Уже в шестнадцать лет Богумир Шмераль связал свою жизнь с рабочим движением. Благодаря своим способностям, трудолюбию и энергии он стал одним из руководителей Чехославянской социал-демократической рабочей партии.

Накануне и в годы первой мировой войны идейно-политическая атмосфера, царившая в рабочем движении Австро-Венгрии под воздействием так называемого австромарксизма, реформистских идей и оппортунистической практики, оказывала влияние и на Б. Шмералья. Он преувеличивал значение парламентаризма и питал иллюзии относительно возможности преобразования Австро-Венгрии в демократическую федерацию равноправных народов. Однако несмотря на это многое принципиально отличало его от других лидеров чешской (а также австрийской) социал-демократии. Шмераль считал марксизм единственной научной теорией развития общества, которая придает рабочему движению смысл и уверенность в достижении конечной цели — свержении капитализма. Он вел непримиримую борьбу против национализма, ему был органически присущ пролетарский интернационализм.

В период, предшествующий первой мировой войне, Б. Шмераль не был знаком с ленинизмом, идейно-политической и практической деятельностью большевистской партии. Так же как и подавляющее большинство социал-демократов Центральной и Западной Европы он не понимал принципиального значения идейного, а затем и организационного размежевания в рабочем движении России, образования революционной партии нового типа — партии большевиков. Несмотря на это, он с огромной за-

интересованностью и глубокой симпатией следил за развитием русской революции, предвидел всемирно-историческое значение ее победы.

Принципиально важным рубежом в жизни Шмералья, в его идейно-политическом развитии явилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Великий Октябрь показал, что существует альтернатива оппортунистической и националистической политике правых лидеров социал-демократии, которые в годы мировой империалистической войны привели II Интернационал к полному краху. Победа пролетарской революции в России знаменовала собой начало новой исторической эпохи — эпохи перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе. Октябрь положил начало коренному повороту в идеологии и организации рабочего класса, начало процессу размежевания в международном рабочем движении. Оценивая международное значение Великой Октябрьской социалистической революции, В. И. Ленин писал, что оно проявляется в двух формах: в воздействии на революционное движение в других странах и в неизбежности повторения основных ее черт в международном масштабе. Процесс размежевания в рядах международного рабочего движения затронул чешское и словацкое рабочее движение и не завершился с распадом Австро-Венгрии и созданием Чехословацкой республики.

В сложном процессе формирования и становления Марксистской левой — революционной фракции чехословацкой социал-демократической рабочей партии, ее постепенного перехода на позиции коммунизма особо важную роль сыграла плеяда подлинно революционных руководителей, решительно порвавших со своим социал-демократическим прошлым, освоивших марксистско-ленинскую теорию, воспринявших Великий Октябрь не только как гигантское историческое событие переломного значения, но и как призыв к чехословацкому рабочему движению следовать ее примеру.

Из видных деятелей Чехословацкой социал-демократической рабочей партии именно Б. Шмераль своей преданностью рабочему классу, верностью марксизму, честностью, самой масштабностью своей личности был призван стать во главе формирующейся Марксистской левой. Под руководством Б. Шмералья проходило идейно-политическое созревание Марксистской левой, а вместе с ней идейно-политически рос, усваивая ленинизм, и сам Б. Шмераль.

Огромную роль в становлении Шмералья — вождя революционного рабочего класса Чехословакии сыграли его прямые контакты с первым в мире рабоче-крестьянским государством и его руководителями. Б. Шмераль посетил Советскую Россию весной 1920 г. Он почувствовал бурный, всепоглощающий ритм пролетарской революции, дважды встречался с В. И. Лениным. Домой он возвращался с твердым убеждением, что Октябрь и созданное им государство рабочих и крестьян указывают путь трудящимся всего мира. Это убеждение Б. Шмераль выразил в ставшем сегодня уже классическим предисловии к своей книге «Правда о Советской России» следующими словами: «Я вернулся из Советской России. Каждый, кто меня встречает, устремляет на меня вопрошающий взгляд: как там? Что ты видел, что пережил? Отвечаю просто и кратко: я пришел из другого мира, пришел другим человеком. То, что происходит в России, огромно, головокружительно, благородно, разумно, необходимо, неодолимо. *Novum rerum nobis nascitur ordo*. Новых вещей рождается ряд!» [1]. Из Советской России Б. Шмераль вернулся глубоко убежденный в том, что необходимым условием победы чехословацкого рабочего класса является его сплочение на коммунистических позициях.

Роль Шмералья в переходе чехословацкого пролетариата на сторону идей Великой Октябрьской социалистической революции, на сторону

Коммунистического Интернационала, в создании Коммунистической партии Чехословакии трудно переоценить. Б. Шмераль тесно и неразрывно связал свою жизнь с революционной борьбой чехословацкого рабочего класса, борьбой пролетариата всего земного шара. Он связал ее также с центром мировой пролетарской революции — Советским Союзом, его народом, Коммунистической партией Советского Союза. Именно в первой в мире рабоче-крестьянской стране он нашел в полном смысле слова свою вторую родину. Он видел в Советском Союзе опору, надежду рабочих всего мира, цитадель мировой пролетарской революции, центр международного рабочего движения, которому он отдал всю свою жизнь. Б. Шмераль стоял у колыбели Союза друзей СССР, был основателем журнала «Свет Совету», несшего чехословацкой общественности правду о СССР. Он являлся блестящим и вдохновенным пропагандистом успехов строительства социализма в СССР, о чем свидетельствуют такие его публикации, как «Что было сделано в рамках первой пятилетки», «Что должен знать избиратель о СССР», «Самая демократическая конституция в мире» и др. И в наши дни они служат непревзойденным образцом в решении одной из важнейших задач нашей агитационно-пропагандистской работы — воспитания и укреплении чувства любви, уважения и дружбы самых широких слоев нашей общественности к Союзу Советских Социалистических Республик, его народу, его Коммунистической партии.

Выдающаяся публицистическая деятельность Шмерала сопровождалась неустанной лекционной работой, нацеленной на ознакомление чехословацкой общественности с жизнью советского народа. В начале 30-х годов он предпринял несколько поездок с лекциями по республике. В огромном пражском зале Люцерна читал лекцию «Социалистическое строительство в Советском Союзе и международная солидарность пролетариата»; на эту же тему он выступал в Брно, Остраве, Колине, Немецком Броде, Либерце, Хомутове, Братиславе, Жилине и других городах. Переполненные аудитории, затаив дыхание, слушали его двух, а то и трехчасовые лекции, каждая из которых становилась крупным политическим событием.

Блестящие выступления Шмерала вызывали у слушателей бурю восторга, часто заканчивались спонтанным чествованием Советского Союза. Его речам были свойственны такой подъем и динамичность, что никто не мог даже предположить, с каким предельным напряжением воли заканчивал докладчик свои выступления. В это время Б. Шмераль был уже тяжело болен, но зная, что его ждут сотни и тысячи слушателей, он не хотел упускать возможности познакомить их с жизнью советских людей, пробудить в них интерес к великому историческому делу государства Ленина и продолжал свое лекционное турне.

Б. Шмераль был убежденным интернационалистом и патриотом. Нападки буржуазной и реформистской пропаганды, предъявлявшие ему обвинения в «непатриотичности», «национальном нигилизме» были либо лживыми, либо свидетельствовали об ограниченности авторов этих наветов. Интернационализм Шмерала не противоречил его патриотизму. Более того, именно тесная связь с судьбой своего народа привела его к неопровержимому выводу: самостоятельность чехов и словаков и независимость Чехословацкой республики может прочно обеспечить и гарантировать только международное движение за прогресс, демократию и социализм, движение, центром и оплотом которого является Союз Советских Социалистических Республик. С момента образования Чехословацкой республики Шмераль предостерегал, что внешнеполитическая ориентация буржуазной Чехословакии на западные «версальские» державы ошибочна и не может дать чехам и словакам длительной гарантии их го-

сударственной независимости и национального развития. Он утверждал, что такая ориентация может привести к новому вестфальскому миру, имея в виду тот исторический факт, что вестфальский мир, которым завершилась тридцатилетняя война, полностью проигнорировал жизненные интересы чешского народа, отдав его на произвол габсбургской монархии.

Тридцатые годы, особенно период после прихода к власти в Германии Гитлера, подтвердили правомерность опасений и проницательность Шмерала. Когда над республикой начинают сгущаться тучи смертельной опасности, он отдает все свои силы ее защите: ведет борьбу за последовательное развитие и реализацию системы коллективной безопасности и прежде всего за последовательный союз Чехословацкой республики с СССР, который перед лицом гитлеровской угрозы являлся для Чехословакии единственным надежным союзником. В апреле 1936 г. в Комитете по иностранным делам сената Национального собрания республики Б. Шмераль подчеркнул: «... у того, кто оценивает положение чешского народа с точки зрения исторической эпохи, именно в результате последних событий, я думаю, окрепнет убеждение, что в буре, которая может разразиться в сравнительно близкое время, спасение народа без прочной опоры на Советский Союз очень трудно себе представить. Наше отношение к Советскому Союзу в нашей национальной ситуации не может быть конъюнктурным» [2].

Б. Шмераль становится в первые ряды защитников республики. Он призывал всех антифашистов к решительной защите республики в рядах единого фронта, подчеркивая при этом, что Советский Союз готов оказать помощь Чехословакии.

23 сентября, в критические для республики дни, Б. Шмераль вновь обращает внимание на ключевое значение союза с СССР и настоятельно требует от руководителей чехословацкого государства обратиться к нему с просьбой о помощи. Он пишет: «Вопрос, который больше всего интересует общественность, заключается в том, может ли Советский Союз прийти к нам на помощь и в том случае, если не выступит Франция? На этот вопрос есть ответ: да, может. Но что необходимо для того, чтобы он пришел к нам на помощь? Каждый поймет, что для этого в качестве совершенно понятного и естественного необходимо одно: чтобы чехословацкое правительство попросило помощи у великого Советского государства. Но произошло ли это? Отнюдь нет. Вчера Литвинов в Женеве на пленарном заседании Лиги Наций сделал следующее официальное заявление: „Только третьего дня чехословацкое правительство впервые запросило советское, готово ли оно в соответствии с чехословацким пактом оказать действительную помощь Чехословакии в случае, если Франция, верная своим обязательствам, окажет такую же помощь“. Что это означает? Это означает, что чехословацкое правительство еще на этой неделе, еще в понедельник ставило перед Советским Союзом вопрос о помощи только в связи с помощью Франции. И это не случайно. Еще когда подготавливался чехословацкий пакт взаимопомощи, в него был внесен пункт, связывающий советскую помощь с помощью Франции. Это было сделано не по требованию Литвинова, а предложено Чехословакией в качестве условия заключения договора. Чехословацкое правительство боялось скомпрометировать себя непосредственной связью с Советским Союзом. Уже одно то, что вопрос о помощи был поставлен еще в понедельник на этой неделе, показывает, что правительство не отказалось от этой точки зрения даже в нынешней тяжелой ситуации» [3].

Предательство западных союзников и капитуляция чехословацкой буржуазии привели к мюнхенскому диктату, наступил мрачный период

в истории народов Чехословакии. Трагедия любимой родины стала трагедией и для Богумира Шмерала. Но положение не виделось ему безнадежным. Он знал, что история на этом еще не кончается. После Мюнхена Б. Шмераль ведет борьбу с депрессией и растущей деморализацией части населения. Позже, 16 ноября 1938 г., он выезжает в Советский Союз и работает в Москве в заграничном руководстве Коммунистической партии. Сотрудничая с Клементом Готвальдом, он вносит свой вклад прежде всего в разработку политики партии применительно к новым условиям. Новая политическая линия предусматривала, что рабочий класс под руководством Коммунистической партии возглавит борьбу против оккупантов, станет руководящей силой в национально-освободительной борьбе. В ходе национально-демократической революции рабочий класс должен будет осуществить такие экономические, социальные и политические преобразования, которые откроют путь к перерастанию революции демократической в революцию социалистическую. В выработку политики, которая привела КПЧ к историческому Словацкому национальному восстанию, майскому восстанию чешского народа, к освобождению нашей страны Советской Армией внес свой значительный вклад и уже тяжело больной Богумир Шмераль. Ему не суждено было увидеть реализацию этой линии. 8 мая 1941 г. его жизнь оборвалась.

Б. Шмераль умер в трагический период всемирной истории. Его родная страна стонала под гнетом нацистских оккупантов, фашистские орды готовились напасть на его вторую родину — Союз Советских Социалистических Республик. И все же несмотря на весь трагизм обстановки, в этот период зарождалась и большая надежда. Богумир Шмераль не сомневался в том, что в историческом испытании социалистическая система, утвердившаяся на одной шестой части земного шара, выстоит, что о ее гранитные устои разобьется коричневая чума. Он верил в то, что его родина не останется навечно под нацистским сапогом и что ее возрожденная свобода будет связана с победой Страны Советов, с победой социализма. Он был убежден более чем когда-либо в том, что свобода чешского и словацкого народов, независимость государства чехов и словаков немыслима без союза с СССР. И после смерти Шмерала чехословацкие коммунисты всегда помнили его пророческие слова, произнесенные в 1936 г.: «Союз с Советским Союзом, настоящая дружба с ним необходимы, и мы, представители трудового народа, будем делать все, чтобы быть носителями этого союза и дружбы даже в том случае, если все остальные будут готовы капитулировать перед Гитлером и по каким-либо причинам ослабить или даже оставить эту позицию действительно прочной дружбы и союза с СССР» [2].

Эти слова Шмерала и сегодня сохранили в своих мыслях и сердцах чехословацкие коммунисты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Smeral B. Pravda o sovětovém Rusku. Praha, 1920, s. 3.*
2. *Rude pravó, 1936, 23 IV.*
3. *Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 3. М., 1978, с. 531—532.*

ВОЛКОВ В. К., ГИВИАНСКИЙ Л. Я.

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ДОКУМЕНТОВ

(К выходу в свет шеститомной публикации
«Советский Союз на международных конференциях
периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.»)

Названная шеститомная серия сборников документов выпущена Министерством иностранных дел СССР в 1978—1980 гг.¹ Ее выход в свет — важное явление в нашей исторической науке, имеющее огромное значение для исследования как внешней политики СССР, так и вообще политической и дипломатической истории второй мировой войны. Богатейший документальный материал новой публикации чрезвычайно важен, в частности, и для исследования советской политики военных лет в отношении стран Центральной и Юго-Восточной Европы, для анализа всего комплекса весьма сложных отношений между СССР и западными союзниками в годы войны по поводу восточноевропейских проблем, занявших одно из центральных мест в политике антигитлеровской коалиции.

Выпуск шеститомника явился продолжением большой работы, проводимой Историко-дипломатическим управлением МИД СССР и другими учреждениями, по изданию документов и материалов о внешнеполитической деятельности Советского Союза и его отношениях с зарубежными странами периода войны.

Уже в первые послевоенные годы были выпущены сборники документов советской внешней политики 1941—1945 гг., в которых собраны воедино и хронологически систематизированы официальные заявления, дипломатические акты и информационные материалы, публиковавшиеся в советской печати во время Великой Отечественной войны [1; 2]. С середины 50-х годов началось издание архивных документов. С тех пор выпущен целый ряд публикаций документов внешней политики СССР, полностью или частично охватывающих период войны. Среди них, в частно-

¹ Т. I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19—30 октября 1943 г.). М., 1978; т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). М., 1978; т. III. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.). М., 1978; т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). М., 1979; т. V. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). М., 1980; т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). М., 1980. Главная редакционная комиссия: А. А. Громыко — главный редактор, И. Н. Земсков, В. А. Крючков, Ш. П. Сапаков, П. П. Севостьянов — ответственный секретарь, С. Л. Тихвинский, К. У. Черненко.

сти, важное место занимает серия документальных изданий об отношениях между СССР и отдельными европейскими странами, главным образом странами Центральной и Юго-Восточной Европы — они подготовлены совместно с дипломатическими, архивными, научными учреждениями зарубежных европейских социалистических государств [3; 4; 5; 6; 7]. Особое внимание было уделено изданию документов о деятельности СССР по укреплению антигитлеровской коалиции, о его отношениях с главными партнерами по коалиции — США и Великобританией. Эти сюжеты нашли отражение в уже упоминавшихся сборниках первых послевоенных лет, причем материалы конференций трех стран и Европейской консультативной комиссии вышли тогда же и отдельно [8]. Отношениям СССР, США и Англии были посвящены публикации документов из советских архивов. Здесь следует назвать прежде всего двухтомную переписку главы Советского правительства с главами правительств США и Великобритании во время Великой Отечественной войны, выпущенную МИД СССР двумя изданиями [9], и советские записи переговоров руководителей трех держав на Тегеранской, Крымской и Потсдамской конференциях, опубликованные первоначально в журнале «Международная жизнь» [10], а затем составившие сборник «Тегеран — Ялта — Потсдам» [11].

В отличие от этого сборника новый шеститомник охватывает, помимо трех конференций руководителей СССР, США и Великобритании, также Московскую конференцию трех министров иностранных дел, конференцию в Думбартон-Оксе, где были заложены основы создания ООН, и учредительную конференцию ООН в Сан-Франциско. Если сборник «Тегеран — Ялта — Потсдам» состоял из записей переговоров только между руководителями трех держав (некоторое исключение представляли лишь тегеранские документы), то в соответствующих томах шеститомника наряду с этими записями, публикуемыми более полно, содержатся также советские записи происходивших одновременно переговоров министров иностранных дел, военных представителей, документы, которыми обменивались в ходе данных конференций делегации СССР и западных союзников. Во все тома шеститомника включен широкий круг документов, не только отражающих сами переговоры на конференциях (как это было в сборнике «Тегеран — Ялта — Потсдам»), но и касающихся подготовки к конференциям, фиксирующих весь — подчас очень обширный, с многочисленными протоколами и приложениями — комплекс принятых решений и других итоговых материалов. Поэтому данное издание представляется особенно ценным и интересным.

Нельзя не упомянуть и тщательности подготовки шеститомника. Каждый том снабжен обстоятельными вступительными статьями, обширными примечаниями, в ряде случаев также содержащими важный документальный материал, и необходимыми указателями. Как отмечено в самом издании, советские записи переговоров были сопоставлены с опубликованными ранее госдепартаментом США в официальной серии «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers» американскими записями Московской, Тегеранской, Крымской, Потсдамской конференций и конференции в Думбартон-Оксе, а также с хранящимися в государственном архиве Великобритании английскими записями, открытыми для исследователей в начале 70-х годов, и в русский перевод выступлений представителей США и Англии были внесены необходимые исправления². Таким образом, как по тематическому охвату, широте документального состава, так и по

² Документы конференции в Сан-Франциско были опубликованы на английском языке в 22 томах информационной службой ООН в 1945—1955 гг.

уровню подготовки шеститомник представляет собой фундаментальное научное издание.

Не касаясь тематической характеристики всего круга документов новой публикации (отошлем читателя к уже появившимся обстоятельным рецензиям на отдельные тома [12]), сосредоточимся на рассмотрении того, как отражены в шеститомнике проблемы, связанные со странами Центральной и Юго-Восточной Европы.

Указанные проблемы занимают в нем весьма большое место. Это отражает их реальную роль в политике и взаимоотношениях ведущих держав антигитлеровской коалиции, во внешнеполитической деятельности СССР, который прилагал энергичные усилия, чтобы помочь освобождению стран Центральной и Юго-Восточной Европы от фашистского господства, оказать поддержку развернувшемуся там революционному движению, возглавленному коммунистическими и рабочими партиями, осуществлению радикальных общественно-политических перемен, возникновению и становлению народно-демократических государств. Материалы, касающиеся восточноевропейских стран, содержатся в пяти из шести томов публикации. Названные проблемы не затрагивались лишь на конференции в Думбартон-Оксе.

Существенная роль этих проблем характерна уже для Московской и Тегеранской конференций в связи с планированием союзнической стратегии дальнейшего ведения войны и с обсуждением вопросов политического развития, основ послевоенного устройства в Европе.

На Московской конференции в ответ на выдвинутый советской стороной вопрос о необходимости запланированного открытия второго фронта в Европе путем вторжения англо-американских армий в Северную Францию делегация Англии и США, несмотря на разного рода оговорки, тем не менее подтвердили, что план вторжения в Северную Францию весной 1944 г. остается в силе (т. I, док. № 96, с. 366, 368—376). Но всего месяц спустя в Тегеране британская сторона, выражая общее согласие с проведением операции через Ла-Манш, стала, однако, усиленно ратовать за развертывание активности западных союзников в средиземноморской зоне, в частности в Восточном Средиземноморье и районе Балкан. При этом премьер-министр Англии У. Черчилль, утверждая, что предлагаемые действия на средиземноморско-балканском направлении существенно ослабят Германию и фашистский блок и будут тем самым содействовать успешной высадке во Франции, оговаривал возможность того, что они вызовут «некоторую отсрочку» открытия второго фронта. Английская делегация оправдывала такой вариант (т. II, док. № 53, с. 97—99; док. № 55, с. 104—105; док. № 57, с. 124—127, 129—130; док. № 58, с. 135). Как показывают документы шеститомника, это вызвало напряженную дискуссию, оказавшуюся в центре тегеранских переговоров.

Не исключая определенных усилий западных союзников в районе Средиземного моря в целях ослабления гитлеровцев и оказания помощи освободительным движениям на Балканах, прежде всего в Югославии, советская сторона решительно выступала против превращения таких усилий в конкурирующие с открытием второго фронта (т. II, док. № 53, с. 96—97, 100, 101; док. № 55, с. 110—111; док. № 57, с. 127—128). Документы, помещенные в шеститомнике, показывают сложность однозначной характеристики позиции США. Президент Ф. Рузвельт, открывая Тегеранскую конференцию, выдвинул вопрос, не следует ли предпринять действия в зоне Средиземного моря, в частности десантные операции в Восточном Средиземноморье и районе Адриатики. В течение всей конференции он неоднократно указывал, подобно Черчиллю, что это, возможно, приведет к отсрочке открытия второго фронта на 2—3 месяца, но,

в отличие от британского премьера, постоянно оговаривал нежелательность отсрочки вторжения через Ла-Манш (т. II, док. № 53, с. 94—95, 101; док. № 57, с. 129, 132—133). Во вступительной статье к тому эта позиция определяется как «колеблющаяся» (т. II, с. 22), а В. М. Кулиш в свое время выразил мнение, что она включала и американскую, и английскую точки зрения, соответствуя, таким образом, компромиссной основе переговоров с СССР в Тегеране, принятой перед тем на встрече западных союзников в Каире [13, с. 303]. Таким образом, остается под вопросом, шла ли речь о колебаниях по существу дела или об определенной тактике. Остается также не разрешенной и уже возникавшая в литературе дилемма: с какой целью Рузвельт особо упомянул о возможности, как зафиксировано в советской записи, «произвести десант в районе северной части Адриатического моря, с тем чтобы поддержать партизанские войска Тито, в то время как советские армии подошли бы к Одессе» (т. II, док. № 53, с. 99). Объяснение Кулиша, полагавшего, что это «по существу отражало главную идею Черчилля», но связывавшего данное высказывание президента с замыслом проникновения в Австрию [13, с. 304—306], вряд ли можно считать удовлетворяющим: соображение об Австрии плохо согласуется с непосредственным содержанием высказывания Рузвельта как в приведенной выше советской записи, так и в тех версиях, которые даны в опубликованной американской записи и в мемуарах Черчилля, где, как отметил сам Кулиш, речь идет о движении от вершины Адриатики «на северо-восток к Дунаю», либо конкретно в Румынию. Во всяком случае, опубликованные в шеститомнике документы показывают, что вопрос об американской позиции требует дальнейшего всестороннего исследования.

Вместе с тем документальный материал шеститомника убеждает, что последовательная позиция СССР на конференции сыграла важнейшую роль в том, что британский замысел потерпел в Тегеране неудачу. Существенное значение имело и сделанное Сталиным заявление, что после разгрома гитлеровской Германии Советский Союз вступит в войну против Японии (т. II, док. № 53, с. 95). Это сильно стимулировало заинтересованность США в максимальном приближении победы в Европе, укрепило американскую тенденцию отдать предпочтение открытию второго фронта, что констатировал в беседе со Сталиным Черчилль (т. II, док. № 58, с. 137). В итоге военные решения конференции предусматривали проведение высадки в Северной Франции в мае 1944 г. с поддержкой ее десантом в Южной Франции; о комплексе средиземноморско-балканских операций не упоминалось. Предусматривалась поддержка партизан в Югославии «снабжение и снаряжением в возможно большем размере, а также операциями „командос“» (мы еще остановимся ниже на освещении югославского вопроса документами шеститомника) и указывалось на желательность вступления Турции в войну на стороне союзников до конца 1943 г. (т. II, док. № 64, с. 13).

Как видно из документов, опубликованных в шеститомнике, еще при подготовке Московской конференции английское правительство, стремившееся вовлечь Турцию в фарватер своей политики и использовать ее в качестве важного инструмента для осуществления своих военно-политических планов в Восточном Средиземноморье и балкано-дунайском регионе, предложило в повестку дня конференции пункт «Совместная политика в отношении Турции». Имелось в виду «обсуждение вопроса о желательности или нежелательности вступления Турции в войну в качестве активной воюющей стороны, либо сейчас, либо в более поздний момент, и о том, каким образом Турция может оказать наибольшее содействие военным усилиям Объединенных Наций, не будучи воюющей стороной» (т. I, док. № 10, с. 48; док. № 27, с. 73). Со своей стороны, Советский Союз в свое предло-

жение о мероприятиях по сокращению сроков войны в Европе, помимо основного пункта о вторжении в Северную Францию, включил также дополнительные меры, одной из которых было обращение к турецкому правительству от имени трех держав о немедленном вступлении Турции в войну (т. I, док. № 41, с. 97; док. № 58, с. 275). На самой конференции американская сторона заявила, что не считает целесообразным вступление Турции в войну в настоящее время. Самое большее, что предлагали США, это выяснить возможность предоставления Турцией, как нейтральным государством, в аренду союзникам авиабаз и транспортных средств (т. I, док. № 53, с. 233, 236; док. № 87, с. 326). Английская позиция плохо согласовалась с инициативой Лондона в постановке турецкого вопроса: заявив, что в принципе разделяет мнение о желательности скорейшего вовлечения Турции в войну, британская сторона, однако, подчеркивала сомнительность возможности побудить Анкару к этому немедленно. Выдвинутое Лондоном альтернативное предложение практически совпадало с американским: добиваться от Анкары предоставления западным союзникам аэродромов, что, в отличие от США, интерпретировалось как возможность сдвинуть Турцию «с позиции нейтралитета на позицию невоюющей стороны», чтобы затем «выработать пути перехода ее с позиции невоюющей стороны к активному участию в войне» (т. I, док. № 42, с. 110—111; док. № 44, с. 132; док. № 53, с. 232—236; док. № 80, с. 317—318).

В нашей историографии, включая сравнительно недавнюю работу А. Г. Чевтаева, специально посвященную политике США и Англии в турецком вопросе в указанный период [14], фактически еще нет исследований, которые бы давали аргументированный ответ на вопрос, чем руководствовалось британское правительство, с одной стороны, выдвигая на Московской конференции проблему вступления Турции в войну, а с другой — заняв затем изложенную выше позицию по отношению к советскому предложению. Документы шеститомника делают очевидной задачу разработки данной проблемы. Вместе с тем они свидетельствуют, что советская позиция оказала в ходе конференции значительное воздействие на Англию в пользу принятия предложения СССР. С советской стороны указывалось, что лишь немедленным прямым вступлением Турции в войну, которое в следующем году будет уже не нужным, могут быть оправданы осуществляемые западными союзниками поставки ей вооружения и ее участие в будущей мирной конференции (т. I, док. № 44, с. 132—133; док. № 53, с. 233—236). В последний день конференции британская сторона, получившая к тому времени сообщение о желании Анкары провести англо-турецкие переговоры, заявила, что склоняется к советской точке зрения, но поскольку США оставались на прежней позиции, конференция не приняла никакого определенного решения (т. I, док. № 55, с. 257—258; док. № 96, с. 367).

Через день после окончания Московской конференции, 1 ноября 1943 г. министры иностранных дел СССР и Великобритании подписали опубликованный в шеститомнике «Протокол о Турции», предусматривавший обращение к Турции с совместным предложением обеих стран о ее вступлении в войну на стороне Объединенных Наций до конца 1943 г. 10 ноября правительство США уведомило о своем присоединении к данному протоколу (т. I, примеч. 100, с. 407—408).

Вопрос о Турции вновь встал на Тегеранской конференции, но на сей раз в позициях трех держав произошли изменения. Британская сторона, несмотря на полученный к тому времени отрицательный ответ Анкары, выступила энергично за вступление Турции в войну, рассматривая это в качестве одной из важнейших составных частей своего средиземноморско-балканского плана. США придерживались теперь той линии, какую

англичане занимали на Московской конференции: заявляли, что в принципе вступление Турции в войну желательно, но сопряжено с необходимостью оказать ей такую помощь, которая приведет к оттяжке открытия второго фронта. Советская сторона подтвердила свою позицию в пользу выступления Турции против Германии до конца 1943 г., но выразила мнение, что это неосуществимо ввиду ясного нежелания Анкары сделать такой шаг (т. II, док. № 53, с. 97—100, 102; док. № 55, с. 104—105; док. № 57, с. 125—128, 130—131; док. № 60, с. 146—149). В западной историографии выдвинута в данной связи версия о «радикальном повороте» политики СССР по турецкому вопросу в сравнении с Московской конференцией и получили хождение различного рода домыслы о причинах изменения советской точки зрения (см. об этом [15, р. 196—205; 16, р. 184—187]). Документы, помещенные в шеститомнике, показывают, что советская сторона в Тегеране по-прежнему выражала готовность добиваться вступления Турции в войну и указала, что СССР изменил свою позицию лишь в том смысле, что сомневался теперь, может ли это быть осуществлено ввиду отрицательного турецкого ответа после Московской конференции. Вместе с тем советская делегация подчеркнула, что если вступление Турции в войну связывается западными союзниками с дальнейшей отсрочкой открытия второго фронта, то СССР будет против вовлечения Турции в войну. В итоге решения конференции констатировали, «что с военной точки зрения крайне желательно, чтобы Турция вступила в войну на стороне союзников до конца года» (1943. — *авт.*). Одновременно конференция «приняла к сведению заявление маршала Сталина о том, что, если Турция окажется в войне с Германией и если в результате этого Болгария объявит войну Турции или нападет на нее, Советский Союз немедленно окажется в состоянии войны с Болгарией» (т. II, док. № 64, с. 173)³.

Как видно из документов шеститомника, важный комплекс проблем, связанных со странами Центральной и Юго-Восточной Европы, выдвинулся на Московской и Тегеранской конференциях в связи с обсуждением перспектив послевоенного урегулирования. Инициатива принадлежала западным державам, уже давно разрабатывавшим свои планы будущего положения на европейском континенте.

Особую активность развивало английское правительство, строившее проекты различных объединений (федераций и конфедераций) стран Центральной и Юго-Восточной Европы, которые были рассчитаны на реставрацию в этом регионе довоенных общественно-политических порядков и обеспечение Великобритании доминирующего влияния на континенте. Британская сторона поставила в повестку дня Московской конференции пункт «Будущее Польши, Дунайских и Балканских стран, включая вопрос конфедераций» и предложила проект декларации трех правительств в пользу объединений европейских государств. Обсуждение проблемы федераций связывалось также Лондоном с будущим Австрии и внесенным англичанами в повестку дня «вопросом о совместной ответственности за Европу в противоположность вопросу об отдельных районах ответственности» основных участников антигитлеровской коалиции (т. I, док. № 10, с. 48—49; док. № 16, с. 56—57; док. № 24, с. 70—71). Делегация США поддержала принцип совместной ответственности за Европу, но высказалась против английского предложения об отдельных районах ответственности, а в вопросе о федерациях заняла уклончивую позицию (т. I, док. № 50, с. 190—191). Советская делегация отметила, что правительство СССР никогда не высказывалось за отдельные районы влияния в Европе. Одновременно она сделала специальное заявление, в котором проекты федера-

³ Турция так и не вступила в войну.

ций отвергались как преждевременные и искусственные и указывалось, что они напоминают политику санитарного кордона, направленную против СССР и потому воспринимаемую советским народом отрицательно (т. I, док. № 50, с. 193—194; док. № 95, прилож. 7, с. 355—356). В итоговом протоколе конференции было зафиксировано, что заявление советской делегации «принято к сведению». Вопреки первоначальному британскому плану, конференция приняла декларацию в пользу восстановления свободной и независимой Австрии без какого-либо упоминания о федерациях (т. I, док. № 95, с. 343, 354). В Тегеране Черчилль попытался вернуться к проекту федераций в Центральной и Юго-Восточной Европе в связи с вопросом расчленения Германии, но вновь встретил отпор с советской стороны (т. II, док. № 62, с. 166).

Большое значение для государств Центральной и Юго-Восточной Европы имел обсуждавшийся на Московской конференции вопрос о соглашениях по послевоенным проблемам между главными и малыми союзниками. Как видно из документов, опубликованных в шеститомнике, этот вопрос возник еще в июне 1942 г., в связи с идеей заключения советско-югославского соглашения. Тогда английское правительство предложило договориться, чтобы Советский Союз и Великобритания не заключали с эмигрантскими правительствами оккупированных стран Европы договоров по послевоенным проблемам без предварительной взаимной консультации и согласования. Советское правительство сообщило, что в принципе согласно, но высказало пожелание получить от правительства Великобритании конкретные предложения по этому поводу. Поскольку таких предложений не последовало, дело ограничилось лишь предварительным обменом мнениями (т. I, док. № 77, прилож. 1—2, с. 312—313). Вопрос вновь приобрел актуальность в связи с начавшимися весной 1943 г. переговорами о заключении советско-чехословацкого договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Летом 1943 г. Лондон выдвинул возражения против договора, заявив президенту Чехословакии Э. Бенешу о существовании соглашения между Великобританией и СССР, якобы обязывавшего их не заключать до окончания войны договоров по послевоенным проблемам с европейскими странами, территория которых оккупирована гитлеровцами. Получив такую информацию от Бенеша, правительство СССР обратило внимание британского правительства на отсутствие подобного соглашения. В ответ английская сторона в августе 1943 г. возобновила свое предложение о соглашении, но если раньше речь шла только о том, чтобы не заключать договоров по послевоенным проблемам без предварительной консультации, то теперь предусматривалось обязательство вообще воздерживаться от заключения договоров (т. I, док. № 77, прилож. 1—2, с. 312—314; примеч. 61, с. 393—394). Это предложение британская сторона выдвинула затем в качестве специального пункта относительно соглашений между главными и малыми союзниками по послевоенным вопросам на обсуждение Московской конференции (т. I, док. № 10, с. 48; док. № 18, с. 62—63). Англия пыталась создать препятствие для развития отношений СССР со странами Центральной и Юго-Восточной Европы.

Рассмотрение данного вопроса на конференции превращало его из двустороннего в трехсторонний, однако США по тактическим соображениям дистанцировались от его обсуждения. Советская сторона отказалась дать согласие на британское предложение, подчеркнув право как СССР, так и Великобритании «в целях сохранения мира и сопротивления агрессии, заключать соглашения по послевоенным вопросам с пограничными союзными государствами, не ставя это в зависимость от консультаций и согласования между ними, поскольку такого рода соглашения касаются воп-

росов непосредственной безопасности их границ и соответствующих пограничных с ними государств, как, например, СССР и Чехословакии» (т. I, док. № 48, с. 164—172; док. № 71, с. 302—303). Английской делегации пришлось отказаться от продолжения дискуссии (т. I, док. № 91, с. 330). В ходе конференции британской стороне пришлось снять свои первоначальные возражения против заключения советско-чехословацкого договора, что и было зафиксировано в итоговом протоколе (т. I, док. № 48, с. 168—171; док. № 95, с. 342).

Значительное место в шеститомнике отведено документам, относящимся к рассмотрению антигитлеровской коалицией ряда связанных со странами Центральной и Юго-Восточной Европы крупных политических проблем, которые обсуждались на нескольких межсоюзнических конференциях. Наибольшее внимание трех держав сосредоточилось на польском вопросе.

На Московской конференции по инициативе Англии, а в Тегеране по инициативе США западные державы продолжили предпринимавшиеся ими в течение весны — лета 1943 г. усилия, направленные на то, чтобы добиться от СССР восстановления отношений с польским эмигрантским правительством в Лондоне, которые были в апреле 1943 г. прерваны Советским Союзом ввиду враждебной по отношению к нему позиции польского эмигрантского правительства, смыкавшейся с расчетами гитлеровцев на провоцирование раскола в антигитлеровской коалиции. В ответ была подтверждена советская позиция в польском вопросе: СССР выступает за восстановление независимого и сильного польского государства и стремится к установлению дружественных советско-польских отношений, но отделяет Польшу от существующего эмигрантского правительства, выступающего, в силу своего состава, с отрицательных позиций, проводящего враждебную Советскому Союзу политику, и не считает возможным восстановление отношений с таким правительством. Советская сторона указала, что готова поддерживать отношения с польским правительством, которое «будет действительно призывать к борьбе против немцев, а не заниматься устройством каких-либо махинаций» (т. I, док. № 10, с. 48; док. № 54, с. 252—254; т. II, док. № 62, с. 163—164).

Документы шеститомника показывают, что Черчилль попытался использовать в Тегеране для достижения своей цели вопрос о границах Польши, в частности о советско-польской границе. Сталин в ответ твердо заявил, что «украинские земли должны отойти к Украине, а белорусские — к Белоруссии, то есть между нами и Польшей должна существовать граница 1939 года, установленная советской конституцией». Тогда Черчилль предложил согласовать на конференции формулу, по которой «очаг польского государства и народа» должен быть расположен между линией Керзона на востоке и линией реки Одер на западе. Сталин согласился с этой формулой, Рузвельт уведомил Сталина, что не имеет возражений (т. II, док. № 62, с. 165, 167; док. № 63, с. 168). В вопросе же отношения СССР к польскому эмигрантскому правительству усилия США и Англии остались тщетными.

По инициативе западных союзников польский вопрос стал одним из центральных на Крымской конференции. К этому времени Польша в результате успешного наступления советских войск была освобождена от гитлеровских захватчиков, на ее территории действовало народно-демократическое Временное правительство Польской Республики, которое пользовалось поддержкой СССР и было им официально признано. Англия и США не признавали Временного правительства, а продолжали сохранять официальные отношения с эмигрантским правительством в Лондоне. На конференции западные союзники выступили с тезисом о «непредставитель-

ном характере» Временного правительства и стали настаивать на создании «более представительного» нового польского временного правительства. Согласно их плану, оно заменило бы собой и Временное правительство, уже управлявшее освобожденной Польшей, и эмигрантское и было бы признано всеми тремя державами в качестве единственного польского правительства. США и Англия предлагали, хотя и с некоторыми конкретными различиями, чтобы такое совершенно новое правительство было создано как из деятелей, представлявших лагерь Национального демократического фронта, который являлся базой существовавшего Временного правительства, так и из «других демократических элементов» в самой стране и за границей (т. IV, док. № 8, с. 97—99; док. № 10, с. 119—120, 126, 128—130; док. № 13, с. 150—151, 153—154, 159, 160).

Из документов, помещенных в шеститомнике, ясно видна последовательная позиция советской стороны, противодействовавшей комбинациям западных держав, направленным на ликвидацию народно-демократического Временного правительства и образование правительства, где по крайней мере равное, если не преобладающее, положение заняли бы буржуазные и мелкобуржуазные группировки, в том числе эмигрантские, враждебные развернувшимся в Польше революционным общественно-политическим переменам. Советская делегация отвергала тезис о «непредставительности» Временного правительства, выступала против игнорирования последнего (т. IV, док. № 13, с. 151—152, 154—155). Вместе с тем, стремясь найти в сложившейся ситуации позитивное решение, СССР предложил рекомендовать, чтобы существующее Временное правительство было пополнено некоторыми демократическими деятелями из эмиграции. Затем оно было бы признано и западными союзниками (т. IV, док. № 10, с. 125—126, 130—131).

На конференции развернулось сложное противоборство двух указанных линий, подробно раскрывающееся опубликованными в шеститомнике документами. Они показывают, как, сочетая твердость в отстаивании своих принципов с гибкостью, готовностью к компромиссам в отношении тех или иных форм возможных решений, советская делегация воздействовала на западных партнеров (т. IV, док. № 10, 13—20). В конечном счете стороны пришли к соглашению, что уже существующее Временное правительство должно быть «реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы». Предусматривалось, что с образованным таким образом Польским Временным правительством национального единства, обязавшимся провести свободные выборы, все три державы установят дипломатические отношения (т. IV, док. № 25, с. 269—270).

Работа по осуществлению рекомендаций Крымской конференции зашла затем в тупик. Западные союзники пытались интерпретировать эти рекомендации в духе своей прежней позиции, ставившей знак равенства между действовавшим в Польше Временным правительством и буржуазными группировками, за счет которых предусматривалось его расширение. Лишь в конце июня 1945 г. вопрос был решен на путях возвращения к принципу, зафиксированному в ялтинском решении, и на этой основе было создано Временное правительство национального единства, большинство в котором составляли представители Временного правительства. Новое правительство было признано всеми союзными державами (подробнее см. [17; 18]). Борьба по польскому вопросу после Крымской конференции проявилась в ходе подготовки, а затем проведения учредительной конференции ООН в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Документы, опубликованные в шеститомнике, раскрывают усилия Советского Союза, настаивавшего, чтобы в Сан-Франциско были приглашены представители

Временного правительства, «осуществляющего власть на всей территории Польши и пользующегося поддержкой польского народа». Западные союзники заявляли, что на конференции может быть представлено лишь Временное правительство национального единства, когда оно будет сформировано (т. V, док. № 3, с. 49, 52; док. № 15, с. 68—69; док. № 23, с. 80—81; док. № 32, с. 88—89; док. № 38, с. 93—94; док. № 45, с. 182—183; док. № 52, с. 327—331). В итоге Польша не участвовала в конференции ООН, однако там было принято решение оставить в конце Устава ООН место для подписи представителя Временного правительства национального единства, как только оно будет официально создано и получит признание со стороны трех держав — участниц Крымской конференции (т. V, док. № 64, с. 388). Так за Польшей было сохранено положение одного из государств-учредителей ООН.

На Потсдамской конференции, уже после образования Временного правительства национального единства, советская сторона подняла логически вытекавший из реализации крымских решений вопрос о разрыве Англией и США, а также другими Объединенными Нациями всяких отношений с эмигрантским польским правительством и о передаче всех имевшихся в его распоряжении средств, имущества, подчиненных ему вооруженных сил, военно-морского и торгового флота в распоряжение Временного правительства национального единства (т. VI, док. № 37, с. 318—319). Внесенный затем английский проект заявления по польскому вопросу следовал в этой части советским предложениям, а также подчеркивал необходимость продолжить осуществление крымских решений, прежде всего относительно проведения выборов в Польше (т. VI, док. № 41, с. 323—324). То и другое было сведено в принятое конференцией заявление по польскому вопросу (т. VI, док. № 158, с. 472—473).

На Крымской и Потсдамской конференциях обсуждалась также проблема, касающаяся границ Польши. В Ялте западные державы подтвердили выраженное в Тегеране признание линии Керзона как основы советско-польской границы с некоторыми отступлениями в пользу Польши, на которые был согласен СССР, но советское предложение в пользу проведения западной границы Польши по линии Одер—Нейсе встретило возражения США и Англии, заявивших, что эта линия, особенно по Западной Нейсе, «слишком» выдвинута на запад (т. IV, док. № 8, с. 97, 98; док. № 10, с. 125—126, 130; док. № 13, с. 150, 158—159). В результате было принято компромиссное решение: конференция фиксировала мнение трех держав, что восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с некоторыми отступлениями в пользу Польши, а относительно западной границы говорилось лишь о согласии трех держав, что «Польша должна получить существенные приращения территории на Севере и на Западе» (т. IV, док. № 19, с. 212—213, 217—220; док. № 28, с. 280). На Потсдамской конференции советская сторона повторила свое предложение, с которым целиком совпадала позиция Временного правительства национального единства Польши, изложившего ее участникам конференции (т. VI, док. № 46, с. 329; док. № 49, с. 331—332). После напряженной дискуссии Англия и США, сославшиеся на необходимость отложить данный вопрос до мирной конференции, согласились, что бывшие германские территории, расположенные восточнее линии Одер — Западная Нейсе, должны быть под управлением Польского государства. Это закреплялось также решением о перемещении оттуда германского населения (т. VI, док. № 158, с. 473, 476).

Другой крупной проблемой, рассматривавшейся на союзнических конференциях, был югославский вопрос.

Возникший еще на рубеже 1941—1942 гг., он был связан с противопо-

ложностью позиций СССР, с одной стороны, и западных союзников, с другой, по отношению к народно-освободительной борьбе в Югославии, приобретающей одновременно социально-революционный характер. Советский Союз с самого начала стал оказывать всю возможную поддержку возглавляемому Коммунистической партией Югославии массовому народно-освободительному движению (НОД), которое развернуло подлинную войну против захватчиков. Западные союзники, наоборот, встали на путь игнорирования НОД и активной поддержки четников во главе с Михайловичем, которые выступили в качестве вооруженных формирований эмигрантского королевского правительства, состоявшего в антигитлеровской коалиции, но все свои практические усилия направили на борьбу против НОД, вступив на этой основе во взаимодействие и сотрудничество с оккупационно-квислинговским режимом. Уже с осени 1941 г. Лондон, являвшийся главным покровителем югославского эмигрантского правительства и четников, стал добиваться, чтобы СССР выступил в пользу британских предложений о подчинении партизанских сил НОД Михайловичу. Советский Союз занял позицию отказа от подобного вмешательства, неуклонно поддерживал НОД и приступил к разоблачению коллаборационизма четников. Настояния Лондона, продолжавшиеся на протяжении 1942—1943 гг., оставались безрезультатными (подробнее см. [19]).

Вынужденный под влиянием крупных успехов НОД и ввиду поддержки его Советским Союзом пойти в 1943 г. на установление военных связей с НОД, Лондон не оставил тем не менее своих планов. На Московской конференции Англия выдвинула предложение о «совместной политике в отношении движения Сопротивления в Югославии», предусматривавшее, что «в будущем основное усилие союзников должно быть направлено в сторону попыток добиться некоторого рода *modus vivendi* между Михайловичем и партизанами, с тем чтобы можно было эффективно координировать их военные усилия в интересах союзников» (т. I, док. № 10, с. 48; док. № 29, с. 75—76). Однако в ходе конференции британской стороне пришлось снять югославский вопрос с повестки дня (т. I, док. № 49, с. 189; док. № 95, с. 345). Было ясно, что СССР не согласится с английским предложением. Состоявшаяся во время конференции беседа министров иностранных дел двух стран В. М. Молотова и А. Идена подтвердила это: советская сторона напомнила о своей поддержке НОД и отрицательном отношении к Михайловичу. Молотов информировал Идена о намерении СССР послать миссию к Тито и поставил вопрос о предоставлении для связи с ней британской базы на Средиземноморье. Попытки Идена убедить, чтобы советская миссия была направлена также к Михайловичу, остались безрезультатными (т. I, док. № 55, с. 258—259). В Тегеране британская сторона выразила готовность предоставить базу для связи с советской миссией, которая будет направлена к Тито; о миссии к Михайловичу разговор больше не поднимался (т. II, док. № 60, с. 149). Опубликованные в шеститомнике документы, таким образом, полностью опровергают повторяющуюся в ряде зарубежных работ версию Черчилля, будто Советское правительство «согласилось послать русскую миссию к Тито в результате инициативы м-ра Идена» в Тегеране и будто оно хотело также иметь «контакт с Михайловичем» [20, р. 413—414]. При рассмотрении в Тегеране вопроса о помощи борьбе против гитлеровцев в Югославии британская, а также американская делегации вели речь уже только о поддержке «партизан», не упоминая четников. Это же было зафиксировано в военных решениях конференции (т. II, док. № 53, с. 98, 99; док. № 55, с. 104; док. № 57, с. 129; док. № 64, с. 173).

Югославский вопрос вновь встал на Крымской конференции. К этому времени большая часть Югославии была уже окончательно освобождена

на от врага и в стране действовали Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) как верховный законодательный орган нового народно-демократического государства и Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ) — народное правительство. Осенью 1944 г. в интересах урегулирования отношений с западными союзниками, не хотевшими признавать АВНОЮ и НКОЮ, новая Югославия пошла на соглашение между председателем НКОЮ И. Броз Тито и эмигрантским премьером И. Шубашичем об образовании единого временного югославского правительства взамен НКОЮ и эмигрантского кабинета. Однако за весьма ограниченный допуск представителей эмиграции в правительство Шубашич вынужден был подписать соглашение, в котором подтверждалось возникновение народно-демократического федеративного государства; АВНОЮ оставалось высшим законодательным органом и до Учредительной скупщины королю запрещалось возвращаться в страну. Такое соглашение, выгодное новой Югославии, было встречено в штыки королем и основными эмигрантскими кругами, которых фактически поощряли США. Англия, добивавшаяся создания объединенного правительства, не была удовлетворена соглашением и строила комбинации по его пересмотру. СССР, наоборот, решительно выступал за его скорейшее осуществление в интересах международного признания новой Югославии. Лондон был обеспечен, как бы при невыполнении соглашения Советский Союз, уже относившийся к НКОЮ как к подлинному правительству, не объявил и о его признании де-юре (подробнее см. [21]).

Из документов шеститомника видно, что и СССР, и Англия поставили на Крымской конференции вопрос о реализации соглашения Тито—Шубашича. СССР настаивал, чтобы конференция рекомендовала немедленно ввести соглашение в действие, а Англия добивалась, чтобы рекомендация предусматривала две поправки к соглашению: 1) о включении в АВНОЮ нескомпрометированных депутатов довоенной скупщины и образовании таким образом временного парламента для подготовки законодательства о выборах в Учредительную скупщину; 2) об утверждении Учредительной скупщиной законодательных актов АВНОЮ; предусматривался также пункт, подчеркивающий, что новое правительство будет лишь временным «до свободного выражения воли народа». Советская сторона настаивала на том, что не следует затягивать дела поправками, а нужно прежде всего реализовать уже подписанное соглашение (т. IV, док. № 13, с. 156—157; док. № 14, с. 165; док. № 15, с. 176—177; док. № 19, с. 214, 219). Итогом было компромиссное решение: конференция рекомендовала немедленно ввести в действие соглашение Тито—Шубашича в том виде, как оно было заключено, с одновременной рекомендацией, чтобы объединенное югославское правительство осуществило внесенные англичанами предложения о временном парламенте и утверждении законодательных актов АВНОЮ Учредительной скупщиной. Третий пункт британского проекта не был принят ввиду возражений СССР (т. IV, док. № 19, с. 24; док. № 25, с. 270). Таким образом удалось добиться решения в пользу безотлагательной реализации соглашения, на чем настаивал НКОЮ. Было очевидно, что включение в АВНОЮ небольшого числа нескомпрометированных депутатов довоенной скупщины не может угрожать преобладанию революционных сил в будущем временном парламенте (аналогичной была оценка руководства новой Югославии [22, с. 259]).

На Потсдамской конференции западные державы, убедившиеся, что соглашение Тито—Шубашича способствовало упрочению новой Югославии и усилия ее противников оказались тщетными, вновь подняли югославский вопрос. Британская сторона, ссылаясь на то, что АВНОЮ еще не было преобразовано во временный парламент, говорила о невыполне-

нии соглашения. США поддержали в целом английские обвинения (т. VI, док. № 8, с. 87—89; док. № 42, с. 324—325). Делегация СССР решительно возразила против этого, но согласилась на обсуждение данной темы с условием участия представителей югославского правительства. Из материалов, помещенных в шеститомнике, видно, что советское условие вызвало различную реакцию представителей Англии и США: первые в целях постановки югославского вопроса согласились на приглашение югославских представителей, вторые, руководствуясь иными соображениями, были против. Отказ США привел к тому, что югославский вопрос был отложен (т. VI, док. № 8, с. 87—89). Английская попытка к концу конференции вновь поставить его на обсуждение потерпела неудачу в связи с инициативой СССР, выдвинувшего предложения по триестскому и греческому вопросам. Их рассмотрение было нежелательно британской делегации, и она предложила снять югославский вопрос одновременно с триестским и греческим, на что советская сторона согласилась (т. VI, док. № 26, с. 264).

Важное место на межсоюзнических конференциях заняли вопросы, связанные с положением в Болгарии, Румынии и Венгрии, особенно на завершающем этапе войны, когда эти три страны отпали от фашистского блока и с ними были заключены соглашения о перемирии. Стремясь противодействовать революционным общественно-политическим переменам, развернувшимся в обстановке краха фашизма в Болгарии, Румынии и Венгрии, Англия, а затем и США стали пытаться на рубеже 1944—1945 гг. изменить в свою пользу положение в союзных контрольных комиссиях (СКК) в названных трех странах, где по соглашениям о перемирии доминирующая роль принадлежала СССР. Для этого было решено использовать Крымскую конференцию (подробнее см. [23; 24]). Британская делегация настаивала на изменениях в СКК в Болгарии и одновременно стала добиваться желательных Лондону мер по вопросам болгаро-югославского сотрудничества, болгарских репараций Греции, вывоза нефтеоборудования из Румынии (т. IV, док. № 11, с. 135; док. № 17, с. 196—197, 204—207). Документы, опубликованные в шеститомнике, показывают, что уже во время предварительного обсуждения в Ялте некоторых из этих вопросов тремя министрами иностранных дел советская сторона выразила решительное несогласие с британскими предложениями (т. IV, док. № 17, с. 197). США в данной ситуации предпочли воздержаться от поддержки английских настояний и высказались за их обсуждение после конференции по дипломатическим каналам. Британской делегации пришлось последовать этому и снять свои предложения с повестки дня (т. IV, док. № 22, с. 255—256; док. № 28, с. 281).

Западные державы, действуя на сей раз совместно, выдвинули вопрос о Болгарии, Румынии и Венгрии на Потсдамской конференции. Как видно из документов, помещенных в шеститомнике, инициативу взяли на себя США. Помимо требования об изменениях в СКК во всех трех названных странах, основной упор делался на «необходимость» реорганизации правительств Румынии и Болгарии, подразумевавшей подрыв народно-демократической власти и доступ ее противников к государственному руководству. Подобной реорганизацией западные державы обуславливали признание правительств этих стран, а соответственно, переход к выработке мирных договоров, чего добивался СССР. Делегации США и Англии настаивали также на трехстороннем наблюдении за выборами в Болгарии, Румынии и Венгрии. Все это аргументировалось ссылками на принятую в Ялте «Декларацию об освобожденной Европе», которая предусматривала согласование политики трех держав и их совместные действия в разрешении политических и экономических проблем освобожденной Европы в соответствии с демократическими принципами (т. VI, док. № 3, с. 45—

46; док. № 13, с. 129—130, 148; док. № 35, с. 316—317; док. № 58, с. 344—345). Делегация СССР отвергла требования по поводу правительств и выборов в Румынии, Болгарии и Венгрии как необоснованные и, со своей стороны, поставила вновь вопрос о безотлагательном восстановлении дипломатических отношений с этими странами (т. VI, док. № 9, с. 92—93; док. № 47, с. 330).

Из документов, помещенных в шеститомнике, видно, что дискуссия относительно Болгарии, Румынии и Венгрии заняла одно из центральных мест на Потсдамской конференции и носила весьма напряженный характер. Делегация США пыталась занять ультимативную позицию. Советская сторона сочетала твердость в принципиальных вопросах с гибкой дипломатической тактикой. Выдвинув предложение о безотлагательном восстановлении дипломатических отношений с Румынией, Болгарией и Венгрией, СССР одновременно поставил вопрос о необходимости мер в связи с нарушением демократических прав и законности в Греции (т. VI, док. № 47, с. 330—331). В связи с американскими усилиями добиться значительных шагов на пути к мирному урегулированию с Италией и принятию ее в ООН, советская сторона, поддержав предложения США, указала, однако, что не видит оснований, чтобы эти меры были предприняты без предложенных Советским Союзом мер в отношении Румынии, Болгарии и Венгрии (т. VI, док. № 11, с. 114—116). Советская делегация выдвинула предложение, которым, при сохранении ведущего места СССР в СКК, предусматривалась процедура трехстороннего согласования решений СКК, оговаривались права и участие в их работе представителей США и Англии (т. VI, док. № 13, с. 130; док. № 98, с. 384—387). В результате США были вынуждены отказаться от ультимативной линии. Выработанное решение фиксировало желательность заключения мирных договоров со всеми бывшими европейскими союзниками Германии, включая Болгарию, Румынию и Венгрию, и возлагало это на учреждаемый Совет министров иностранных дел. Была принята формула, что правительства СССР, США и Англии «каждое в отдельности, согласны изучить в ближайшее время в свете условий, которые будут тогда существовать, вопрос об установлении в возможной степени дипломатических отношений с Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией до заключения мирных договоров с этими странами». Советские предложения были приняты за отправной пункт пересмотра процедуры СКК (т. VI, док. № 158, с. 473—475).

В данном обзоре затронуты лишь наиболее крупные из освещаемых документами шеститомника проблем, связанных со странами Центральной и Юго-Восточной Европы. В целом указанная проблематика представлена в новом издании еще шире. Нет сомнения, что выход этой публикации является сильным стимулом и важнейшей основой дальнейшего внешнеполитического истории названных стран в переломные годы второй мировой войны, огромной роли СССР в их освобождении от фашизма, в создании условий для перехода большинства из них на путь социализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы, т. I—III. М., 1946—1947.
2. Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. V (июнь 1941 — сентябрь 1945 г.). М., 1947.
3. Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. М., 1960.
4. Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. VII. 1939—1943 гг. М., 1973; т. VIII. Январь 1944 г.— декабрь 1945 г. М., 1974.
5. Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы, т. I (ноябрь 1917 — сентябрь 1944). М., 1976.

6. Советско-болгарские отношения. 1944—1948 гг. Документы и материалы. М., 1969.
7. Советско-венгерские отношения. 1945—1948 гг. Документы и материалы. М., 1969.
8. Сборник документов Московской, Тегеранской, Крымской, Берлинской конференций и Европейской консультивной комиссии. 1943—1945 гг. М., 1946.
9. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. 1—2. М., 1957; 2-е изд. М., 1976.
10. Международная жизнь, 1961, № 7, 8; 1965, № 6—12; 1966, № 1, 3, 5—9.
11. Тегеран — Ялта — Потсдам. Сборник документов. М., 1967; 2-е изд., М., 1970; 3-е изд. М., 1971.
12. Новая и новейшая история, 1979, № 5, 6; 1980, № 2, 3; 1981, № 1, 2.
13. Кулиш В. М. История второго фронта. М., 1971.
14. Четваев А. Г. Позиция США и Англии в отношении Турции (ноябрь 1942 г.— декабрь 1943 г.).— Американский ежегодник. 1978. М., 1978.
15. Weisband E. Turkish Foreign Policy 1943—1945. Small State Diplomacy and Great Power Politics. Princeton, 1973.
16. Howard H. N. Turkey, the Straits and U. S. Policy. Baltimore and London, 1974.
17. Томашевский Д. Г. Борьба СССР за признание Польского государства (июль 1944 — июль 1945 г.).— Вопросы истории, 1965, № 8.
18. Райский Н. С. Борьба СССР за выполнение решений Крымской конференции 1945 г. о Польше.— Вопросы истории, 1979, № 7.
19. Гибянский Л. Я., Зеленый В. В. СССР и борьба югославских трудящихся за народную республику (1941—1945).— Советское славяноведение, 1970, № 6.
20. Churchill W. S. The Second World War, v. V. London, 1952.
21. Гибянский Л. Я. Борьба за утверждение и международное признание новой Югославии в период освобождения страны от фашистской оккупации (осень 1944 — весна 1945 г.).— Etudes balkaniques, 1972, № 2.
22. Smolaka J. Partizanski dnevnik. Beograd, 1972.
23. Гибянский Л. Я. Позиции СССР, Англии и США в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии накануне Крымской конференции.— Советское славяноведение, 1981, № 3.
24. Гибянский Л. Я. Подготовка Крымской конференции и позиции СССР, Англии и США в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии.— Советское славяноведение, 1981, № 4.

ФРЕЙДЗОН В. И.

К ТЕОРИИ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ.

В связи с выходом книги: Ю. В. Бромлей.

Современные проблемы этнографии

(Очерки теории

и истории). М., 1981, 390 с.

Интерес к национальным проблемам естествен в эпоху небывалого расширения международных связей, вовлечения множества народов в политическую жизнь и борьбу против империализма. Поэтому особую актуальность приобрела, в частности, марксистско-ленинская этнографическая наука. Ряд глав новой книги акад. Ю. В. Бромлея посвящен развитию и уточнению теоретических положений, имеющих в его труде «Этнос и этнография» (М., 1973). Вместе с тем автор более широко освещает вопрос об объектах и предметном поле этнографической науки, рассматривает формирование, современное состояние и перспективы изучения ряда конкретных историко-этнографических проблем, подчеркивает актуальность задач науки.

Не имея намерения рецензировать фундаментальный труд о проблемах этнографии, мы сосредоточим внимание на тезисах автора, наиболее существенных для славистов — на теории этноса и этнических процессах, в особенности же на славистическом материале книги.

Объектом этнографии являются все виды этнических общностей. Существенной чертой их является то, что каждый этнос имеет самоназвание и *самосознание* (хотя бы у части его членов). Этническое самосознание автор определяет как «представления людей о собственном этносе и его свойствах» (включая осознание своей принадлежности к данному этносу), тогда как «этническое сознание включает весь комплекс этнически окрашенных компонентов общественного сознания, в том числе этнические стереотипы» (с. 15). Но этническое сознание, в том числе самосознание, отнюдь не являются демиургом этноса. Они сами — результат объективных свойств этноса. Вопреки встречающимся представлениям, свойствами этноса являются не расовые признаки («чистых» в антропологическом отношении народов не существует), а *характерные черты культуры* в своем неповторимом сочетании (язык, религия, народное искусство, обряды, привычки и др.) (с. 18—19) и *особенности психики* (с. 27). В связи с этим автор, опираясь на методологию В. И. Ленина, подчеркивает, что классовые различия в культуре этносов классовых обществ не означают отсутствия общности национальной культуры в таких обществах (буржуазная нация — диалектическое единство противоположностей; с. 20—21). При феодализме, а нередко и в буржуазном обществе у массы сельского насе-

ления преобладает религиозное и локальное самосознание. «Этническое же самосознание здесь культивируется главным образом господствующими классами» (с. 24). Этнос продолжает существовать, пока сохраняется его самосознание, даже при модификации языка и иных крупных перемен. Таким образом, автор логически подходит к определению этноса (в узком значении термина) как «исторически сложившейся на определенной территории устойчивой совокупности людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» (с. 27). В современном русском языке этому в известной мере соответствует слово «национальность», но ввиду неоднозначности этого термина Ю. В. Бромлей предложил обозначать этнос в узком значении словом «этникос» [1]. (Пример этникоса — словаки в ЧССР и США и т. п.). Относительная устойчивость этнических свойств обуславливает сохранение этникоса на протяжении нескольких формаций (например, армяне).

Но этнос реально не существует вне социальных институтов. Среди компактных этносов особое место занимают те, которые сопряжены с «социальными организмами»¹, т. е. общностями, функционирующими как крупная самостоятельная единица общественного развития. Ю. В. Бромлей считает таковыми племена в первобытном обществе, государства — в классовом (с. 34). Такие образования (этнос в широком смысле), обладающие наряду с общностью этнической (прежде всего культурной) также общностью территориальной, экономической, социальной и политической, автор называет *этносоциальными организмами* (эсо); основными компонентами эсо являются этнические и социально-экономические факторы в их неразрывном единстве (с. 32, 37). В отличие от этникоса каждый тип эсо (племя, народность, буржуазная и социалистическая нации) соответствует определенной формации.

Этникос и эсо — *основные* виды этнических общностей. Наряду с ними существует иерархия историко-культурных общностей от мельчайших до обширных (мета-, макро-). Внутренние связи последних менее интенсивны. Это могут быть, например, *метаэтнолингвистические* общности (основанные на родстве языков), если они себя осознают как общности; если же такое самосознание отсутствует или же оно нечеткое, то речь идет об *этнографолингвистических* общностях, «историко-этнографических областях», для выявления которых нужны исследования. Обладающие самосознанием совокупности людей внутри этносов автор предлагает называть *субэтнотами* (с. 48, 49, 56). Так, немецкие народности превратились в субэтноты в результате формирования немецкой нации (швабы, баварцы и др.); гуцулы, лемки, бойки — субэтноты украинского народа; казаки, поморы — субэтноты русского народа; имеются субэтноты и у других славян.

Метаэтнолингвистические и метаэтноконфессиональные общности, а также субэтноты привлекают особое внимание в истории славян. Наличие их сказалось в идейно-политической жизни, проявилось в процессе становления наций. Теоретическое рассмотрение этих общностей в труде Ю. В. Бромлея способствует правильному обобщению конкретных данных. У славян в целом, констатирует автор, в конце XVIII—XIX в. в результате усиления межславянских связей и распространения идей славянской общности возрождается общеславянское самосознание (фактически утраченное в эпоху позднего феодализма), в связи с чем они «из историко-этнографической общности вновь превращаются в метаэтнолингвистиче-

¹ Термин «социальный организм» предложен Ю. Семеновым [2].

скую» (с. 58). Данный тезис помогает раскрытию объективного содержания теорий Коллара, Юнгмана и др. о «славянском народе» [3]. В книге указано, что такова общая тенденция изменений крупных культурных ареалов в новое и новейшее время.

Динамика этнических общностей — это *этнические процессы*, как перманентные, изменяющие какие-либо компоненты этноса (этноэволюционные), так и связанные с первыми этнотрансформационные процессы, выражающиеся в смене этнического самосознания. От собственно этнических следует отличать *этносоциальные* процессы — это вытекает из различий между этникосом и эсо, тесно связанным с социально-экономической сферой, более подвижной по сравнению с собственно этнической (с. 65). Поэтому динамику изменения этнической структуры человечества определяют главным образом процессы этносоциальные. Так, большинство этносов-этникосов сложилось в периоды смены формаций, в частности, большинство славянских народов — в период становления раннеклассовых обществ (русские, болгары и др.)². Смена формаций, таким образом, не остается без последствий и для «чисто этнических компонентов» (изменяется их однородность, «плотность», а нередко и размеры).

Одним из основных видов этнических процессов, приводящих к возникновению новых этносов, является этническое разделение — *этногенетическая дивергенция*, особенно характерная для доклассовых и раннеклассовых обществ (с их массовыми миграциями), но встречающаяся и в более поздние эпохи, когда, в частности, этноразделительную роль играли границы государств (с. 66). Наряду с приведенным автором примером немецкоязычных народов, несомненно это имело место и у славян. Но уже с эпохи разложения первобытнообщинного строя доминирующими стали процессы этнического объединения. К ним относится, в частности, *межэтническая* (этногенетическая) *консолидация* — процесс слияния родственных по языку и культуре этнических единиц: консолидация народностей из племен, консолидация наций из народностей. Наряду с этим распространена *внутриэтническая* (этноэволюционная) консолидация — сплочение этносов за счет сглаживания различий между субэтносами; особенно важная при складывании наций (с. 67), она имела место и у славян. Другой вид объединительных процессов — *ассимиляция* (растворение групп народа в среде другого народа). Слависту она хорошо известна в истории многонациональных государств. Принципиальное значение имеет тезис В. И. Ленина о прогрессивности естественной ассимиляции [4]. Однако в эксплуататорском обществе она часто сочеталась с насильственной (с. 68). В монархии Габсбургов это испытали чехи, словаки, украинцы, словенцы, сербы и др.

Значительный интерес представляет характеристика в книге *межэтнической интеграции* (сближения), — имеется в виду появление определенной культурной общности (при сохранении основных этнических черт) у далеких в языково-культурном отношении народов в результате их взаимодействия. Достаточно упомянуть об одежде, пище, многих обычаях сербов, болгар, боснийцев-мусульман, албанцев, турок на Балканах; хорватов, словаков, сербов, украинцев, румын, немцев, мадьяр в Венгерском королевстве; югославян и итальянцев в Далмации и т. д. Но, как отмечает Ю. В. Бромлей, этот процесс особенно связан с эпохой зрелого капитализма (где он тормозится общественными противоречиями) и социализма: в СССР важную роль в его развитии играет формирование интернациональной общности — советского народа. Наконец, *этногенетическая мик-*

² Начиная с феодализма этнические процессы нередко именуется национальными.

сация — процесс, приводящий к возникновению нового этноса вследствие взаимодействия неродственных народов (с. 69).

Касаясь содержания объединительных процессов, автор указывает на изменение культуры (двойная культура и даже поликультуризм), языка (двуязычие) и на смену этнического самосознания (двойное самосознание и полное его изменение; с. 71).

Проблема формирования народностей, пишет Ю. В. Бромлей, в прошлом в основном решалась на основе данных лингвистики, в связи с чем главная роль часто отводилась миграциям. Одна из проблем, связанных с миграциями, — выяснение соотношения аборигенов (этнический субстрат) с переселенцами (суперстрат), в результате взаимодействия которых (обычно этногенетической миксацией) возникала новая народность. При этом субстрат и суперстрат сами уже являлись результатом ранних миксаций. Очень важно, что взаимодействие компонентов этнических единиц происходило в разных направлениях и поэтому «следует дифференцированно подходить к изменениям в сфере языка, бытовой культуры, физического типа и этнического самосознания, включая самоназвание» (с. 259). Так, протоболгары, растворившись в массе славян, дали название стране и народу. Согласно упрощенной трактовке вопроса, в большинстве случаев завоеватели просто ассимилировали относительно немногочисленных аборигенов, так как побеждал язык суперстрата. Но антропологические материалы разных частей света свидетельствуют о сложном синтезе этносов. Расовые признаки в их комплексе весьма стабильны, и поэтому антропологический материал — эффективный показатель масштабов смешений этносов. В связи с этим Ю. В. Бромлей, переходя к одной из центральных проблем славистики, критикует «широко распространенное» в славяноведении представление о быстром растворении аборигенов Балкан «в монолитной славянской среде». «Роль фракийско-иллирийского субстрата... обычно сводится к констатации некоторого его влияния на словарный фонд, а отчасти и грамматический строй южнославянских языков» и сохранения отдельных элементов материальной культуры и обычаев (с. 260, 261). Но обследование болгар, в том числе по программе Института этнографии АН СССР, доказали, что антропологически они близки народам Северного Кавказа и Средиземноморья (южная ветвь европеоидов). «Таким образом, есть основания полагать, что расселение славян в пределах Болгарии, приведя к победе их языка, не сопровождалось полной сменой физического типа автохтонного населения» (с. 262). И в Югославии имеются группы славянского населения, а также албанцев горных районов, обнаруживающие антропологические черты, неизвестные повсей славянской территории («динарская комбинация», с. 263). Эти признаки сближают их с населением предгорий Кавказа и «позволяют выделить балкано-кавказскую локальную расу в составе южных европеоидов», близкую древнейшему верхнепалеолитическому населению Европы. Таков автохтонный субстрат в составе славян Балканского полуострова.

Данные антропологии в свою очередь подтверждаются иными свидетельствами о сохранении на Балканах автохтонного населения (групп романцев, албанцев). Таким образом, мнение, будто славяне застали немногочисленное аборигенное население, не доказано. Интереснейший материал об этногенезе осетин, азербайджанцев, турок и египтян (с. 267—270) свидетельствует о том, что нередко субстрат был многочисленнее суперстрата, определившего этнический облик нового образования. В связи с этим автор высказывает соображения по не до конца ясному вопросу о причинах победы языка суперстрата. Он ищет ответа в социальных факторах, не сбрасывая со счетов и ряд иных моментов, в том числе идеологических. Имеются, однако, и примеры победы языка субстрата (Италия). Складыва-

ние феодальных народностей, в том числе славянских, — результат сложных процессов — не только этногенетической миксации (как приведенные выше), но и межэтнической консолидации родственных единиц и дивергенции в результате распада крупных государств (восточные славяне, немцы, с. 274—275).

По сравнению с племенем в народности ослабляется культурное единообразие (ввиду появления классов), но упрочиваются внутренние информационные связи, вследствие чего уровень культурного единообразия на той же территории повышается, «возрастает перепад между уровнями плотности» внутренних и межэтнических связей и народность проявляет стойкость к ассимиляции (с. 279). Но наличие этнографических групп и субэтносов — свидетельство определенной гетерогенности, отличающей феодальную народность от нации.

Типологию процессов формирования наций автор строит в зависимости от их этнической базы. Один тип — трансформация сложившейся народности в нацию, в менее благоприятном случае — в рамках чуженационального государства (венгры, хорваты, чехи в монархии Габсбургов) (с. 284—285). Сущность такого процесса — *внутриэтническая консолидация*, распространение общего литературного языка, укрепление общего этнического самосознания. Другой тип — *межэтническая консолидация* — складывание нации из близких народностей (французы, итальянцы, немцы). Для третьего типа в основном характерна *этническая дивергенция*. Это главным образом следствие переселений (франкоканадцы и др.). Нередко дивергенция сопровождается миксацией, что дает автору основание для выделения четвертого типа (американцы США и др.).

Решающим фактором формирования нации является резкое усиление внутренних экономических связей, создание связей буржуазных. Наряду с этим Ю. В. Бромлей подчеркивает существенное влияние государственности, как одного из важнейших факторов динамики процесса. Государственно-правовые и политико-идеологические факторы (надстройка), подчеркнута в книге, «иногда по силе воздействия отодвигают на второй план экономические факторы и даже вступают с ними в противоречие» (с. 78). Со своей стороны напомним, что реакционные монархии Центральной и Юго-Восточной Европы тормозили консолидацию ряда наций, славянских и неславянских, но угнетение обостряло национальное чувство, что нередко вопреки экономической отсталости стимулировало формирование наций.

В связи с тем, что во время дискуссии 1966—1970 гг. по теории нации высказывались разные мнения о значении государства для формирования нации, отметим, что Ю. В. Бромлей — последовательный «государственник», ибо считает, что для полного завершения процесса формирования нации необходима собственная политическая надстройка, национальное государство. Но автор подходит к проблеме гибко, считая, что наличие политической общности (наряду с территориальной, экономической и социальной) дает «максимальный вариант» (с. 32). В связи с этим он отмечает факты формирования ряда наций в рамках Австрийской империи (см. выше), украинской и других наций в дореволюционной России (хотя ввиду отсутствия собственной политической надстройки они имели «не вполне завершенную структуру», с. 36). Таким образом, «в рамках одного государства могут функционировать несколько этносоциальных организмов» (с. 37).

Для изучающих процесс формирования славянских и иных наций в составе многонациональных государств особый интерес представляет рассмотренный в книге на материале Индокитая вариант, при котором в условиях складывания капиталистических отношений «функции зарождающейся местной буржуазии» некоторое время выполняли инациональ-

ные предприниматели и лишь для более позднего периода «характерно развитие национального капитала», — все это означало «начало складывания социально-экономической основы» нации (с. 284—285). Как здесь не вспомнить о роли немецкого капитала в Венгерском королевстве, в частности в Словакии, в XVIII—XIX в. и вновь не утвердиться в мысли об общих закономерностях исторического процесса!

Важно также теоретическое освещение вопроса о той общности, которая возникала в многонациональных государствах в результате длительного совместного развития народов: автор называет ее «метаэтнополитической» (с. 314) в противовес распространенному на Западе термину «государственная (или политическая) нация». В связи с историей Венгерского королевства можно напомнить, что последний термин здесь применялся и по поводу его толкования шла борьба, поскольку господствующий класс отождествлял государственную нацию с мадьярской.

Сложную проблему для научного анализа представляют этносы, входящие в состав разных государств. Читателя, следящего за строго логичным ходом мысли автора книги, не удивляет его точка зрения, что «термин „нация“ в нашей литературе, как правило, служит для обозначения совокупности людей одного этнонима, живущих в пределах одного государства»; если же нацией обозначают людей одного этнонима, живущих в разных государствах, то, утверждает автор, «этот термин употребляется в значении, принятом в австромарксизме, не включающем в число признаков нации общность территории и экономики» (с. 17). Для совокупности лиц, имеющих один этноним, но находящихся на территории смежных государств, Ю. В. Бромлей считает приемлемым термин «народ». Несомненно, что раздел территории народа или отсутствие ее политического единства в период становления капитализма означает ликвидацию или отсутствие единого этносоциального организма. Но для правильного понимания точки зрения Ю. В. Бромлея надо иметь в виду его тезис: «когда государственные границы расчленяют однородные в языково-этническом отношении массивы, это оказывает тормозящее воздействие на процессы формирования наций» (с. 283). Итак, процесс тормозится, но не исчезает.

Следует согласиться с тем, что без политической общности нет единого эсо (сформировавшейся нации), но констатировать и то, что и в этих условиях накапливаются компоненты процесса формирования нации, нередко весьма существенные. Тем более, что отсутствие государственного единства территории народа в большинстве случаев не приводило к ликвидации экономических связей между ее частями. Эти связи зависели от политики чужонациональных государств (или «своих» государств, как в истории Германии до 1870 г.), были неустойчивыми и подчас слабыми, но были и интенсивными (иногда более интенсивными, чем в одном государстве). К «буржуазным связям» относится и однотипное по тенденции социально-экономическое развитие разделенных частей территории (становление капитализма). По-видимому, в этих случаях можно говорить о формировании отдельных этносоциальных организмов, близкородственных между собой (общий этникос) и связанных многообразными нитями. От конкретных условий зависело, сольются ли они в одну нацию или образуют разные (в истории реализовывались оба варианта). Кстати, во втором случае постепенно становилось неправомерным применение термина «народ».

Два или более эсо, которые во взаимосвязи развивались, например, в Центральной и Юго-Восточной Европе в XIX — начале XX в. в разных государствах на базе общего этникоса (эта общность тоже в некоторых случаях находилась в процессе становления), по нашему мнению, можно именовать *парциальными эсо, парциальными «нациями», а процессы их формирования — парциальными национальными (этносоциальными) процес-*

сами. Отличие таких эсо от наций в обычном смысле проявлялось в их взаимном стремлении к объединению, свидетельством чего были идеология, программы, организация и тактика национальных движений (к примеру, польского и сербского), а также нараставший процесс усиления однородности этникоса (что проявлялось в культуре). Взаимосвязанное развитие парциальных эсо означало, что процесс формирования нации не прервался, хотя он протекал в особой форме. Завершение слияния парциальных эсо в одну нацию происходило после объединения их территории в одном государстве. В этих условиях и при наличии национальной государственности (своей политической надстройки) процесс формирования наций завершался *полностью*. Предлагаемая характеристика рассматриваемого весьма своеобразного процесса учитывает решающее значение социально-экономического и этнического факторов.

Несомненно, что австромарксистским является утверждение об общности (единой нации) немцев Германии и Америки, как считал О. Бауэр, или о полном завершении формирования нации без общей государственности. В связи с этим полагаем, что перспективно различать «государственно-политическую общность» и «общность этнической территории», которую могут нарушить лишь крупные анклавные этносы или расселение части этноса в несмежных государствах. Разделение же этнической территории границами смежных государств приводит к этому далеко не всегда.

Задача историков — выяснение хода и этапов конкретных процессов формирования наций, определение периода, когда процесс этот начался, когда нация *зародилась* или *возникла* (вероятно, при наличии буржуазного уклада хотя бы на части этнической территории), когда она *достигла зрелости* или сформировалась *в основном*, а когда процесс ее складывания завершился *полностью*. При этом надо принимать во внимание различные варианты — становление нации в своем государстве (русские) или нескольких таких государствах (немцы), в одном (чехи), двух или более чужденациональных государствах (поляки), наконец, в своем и чужих государствах (сербы) или в своих и чужом государстве (итальянцы).

Мы смогли коснуться лишь части проблематики книги Ю. В. Бромлея, но уже из данного обзора ясно ее серьезное методологическое значение. Здесь обобщен обширный материал советских и иностранных исследований. Весь труд, основанный на прочной основе марксизма-ленинизма, пронизывает подлинно партийный, научный дух смелого и широкого творческого поиска. Автору присуще глубокое уважение к работе большого круга коллег по профессии, как бы совместное с ними рассмотрение множества дискуссионных вопросов. Особое место занимает формулирование и шлифовка терминологии, т. е. столь необходимая для науки разработка понятийного аппарата. В свое время появление книги «Этнос и этнография» вслед за дискуссией по теории нации на страницах журнала «Вопросы истории» послужило оживлению научной мысли и заметно способствовало повышению научной культуры работы специалистов, занимающихся проблемами истории многонациональных государств, формирования народностей и наций, «национального пробуждения» и национально-освободительных движений. Новый труд Ю. В. Бромлея является еще одним вкладом в советскую науку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Расы и народы. М., 1971, вып. 1, с. 27.
2. Семенов Ю. И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки. — Вопросы истории, 1966, № 8.
3. Фрейдзон В. И. Представления и идеи славянской общности в первой половине XIX в. — Вопросы истории, 1979, № 9.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 125, 127.

БРИТОВШЕК М.

ВЗГЛЯДЫ АКАДЕМИКА БОРИСА ЗИХЕРЛА НА СЛОВЕНСКУЮ ИСТОРИОГРАФИЮ

Изучая словенскую марксистскую историографию, мы не можем пройти мимо такой личности, как обществовед, социолог и философ Борис Зихерл. В своих трудах по обществоведению он анализировал и осмыслил многочисленные исторические проблемы. У него, можно сказать, нет исследований, которые бы не были основаны на исторических данных. Б. Зихерл формировался как ученый вне рамок официальной буржуазной исторической школы, которая действовала в первый период существования Люблянского университета. Многочисленные труды этой школы создали фундамент для изучения словенской истории древнейшей эпохи. Из нее вышли пионеры словенской историографии, заслуга которых в том, что историческая наука Словении достигла успехов, соответствующих уровню буржуазной науки вообще.

Наряду с представителями этой классической «официальной» школы, занятой изучением древнейшей эпохи, в межвоенный период появилось целое поколение революционеров-публицистов, которое в ходе повседневной острой классовой борьбы с антинародными силами из клерикального и либерального лагерей, чье руководство все более склонялось к фашизму, было вынуждено обратиться к историческому прошлому словенцев, используя его в интересах борьбы за прогресс. В трудных условиях нелегальной деятельности коммунисты создавали основы марксистской исторической школы. Тюрьмы стали университетами марксистской мысли. Научная активность коммунистов явилась составной частью острейшей борьбы с нарождающимся отечественным и международным фашизмом за социальное освобождение и национальное существование.

Б. Зихерл в реферате «О некоторых теоретических и практических проблемах словенской историографии» на конгрессе словенских историков в Любляне 4 мая 1951 г., обобщив достижения марксистской публицистики, высказал несколько положений, которые имеют особую ценность в настоящее время. Он сказал: «Нет никакого сомнения, что словенская марксистская публицистика не располагала той высокой техникой исторического исследования, которой справедливо могла гордиться профессиональная словенская историография. Зато она обладала двумя достоинствами, которых не хватало тогдашней словенской профессиональной исторической школе: критическим революционным чутьем и диалектикой, с помощью которой она исследовала материал, достоинствами, неизвестными тогдашней словенской историографии. Благодаря своей революционной критичности и новому методу, который ею был введен в словенскую историографию, и именно с помощью которого она в основном правильно реши-

ла ряд важных проблем, довоенная марксистская публицистика стала началом новой эпохи в развитии словенской исторической науки» [1].

Б. Зихерл не был только пропагандистом нового исторического метода, он также творчески использовал его в своих публицистических и полемических статьях. Овладение марксистской наукой давало ему возможность исследовать словенскую действительность и бороться с течениями, чуждыми марксистской мысли. Каждая его статья несет отпечаток актуальной борьбы ученого-коммуниста. Широкое и глубокое знание марксистской философии, политической экономии и эстетики помогло Б. Зихерлу понять место прогрессивного словенского интеллигента в переломную эпоху нашего национального существования. Глубокое знание марксизма дало ему возможность сделать необходимые критические замечания относительно словенской исторической науки в то время, когда решался вопрос: каким путем должна идти словенская интеллигенция в эту переломную эпоху. Б. Зихерл призывал ученых руководствоваться историческим материализмом в своих исследованиях. Философское образование, широкий кругозор дали ему возможность воспринимать исторические проблемы в их взаимосвязях. Из философии Гегеля он сумел выделить те принципы, которые необходимы для понимания общественных наук: ведь Гегель был одним из тех великих мыслителей, которые доказали, что мы свободны лишь настолько, насколько знаем законы природы и общественно-исторического развития и насколько, подчиняясь этим законам, опираемся на них.

Материалистическое понимание истории требует диалектического метода мышления. Диалектика была известна уже до Гегеля, но Гегель сумел ее использовать так, как никто из его предшественников.

Однако материализм не мог применять диалектику в ее идеалистической форме; ее необходимо было освободить от мистики. Это сделал Маркс. Он создал марксистскую философию как целостное, гармоничное и последовательное мировоззрение.

Б. Зихерл стал одним из виднейших пропагандистов марксистского научного метода в Словении, читая о нем лекции на партийных курсах в тюрьмах довоенной Югославии, в период войны и позднее — в университете. В своей вступительной лекции на философском факультете в 1954 г. он дал следующее определение этому предмету: «Я считаю исторический материализм научной теорией, или, если хотите, научной философией общественного развития и методом его исследования, а также практическим политическим компасом, который должен стать руководством в борьбе за социализм, так как помогает ориентироваться в общественных событиях и распознавать их противоречивые внутренние стремления так же, как и взгляды различных политических деятелей» [2]. Так Б. Зихерл определил сущность своей общественной и научной деятельности. Марксистская направленность дала ему возможность привлечь внимание к прогрессивным течениям в словенском обществе, которые официальная историография стремилась показать в неверном свете. К нему полностью применимы слова великого русского пропагандиста марксизма Г. В. Плеханова: «Прежде чем будешь испытывать метод Маркса и Энгельса, ты должен узнать, как с ним обращаться. Его умелое использование представляет собою более основательный духовный труд, чем псевдокритическая злобная болтовня об „однородности“ марксизма» [3].

Зихерл был первым словенским марксистом, который перевел «Основные проблемы марксизма» Плеханова и написал предисловие к словенскому изданию, опубликованному в издательстве «Ekonomska enota» (1934). Это предисловие он использовал, чтобы поспорить с Е. Спекторским, представителем университетской социологии, о котором он говорил, что тот знает Маркса лишь по цитатам. Критично оценил Зихерл также субъек-

тивистские и спиритуалистические спекуляции Ф. Вебера и обратил внимание читателей на философские труды Плеханова, назвав их драгоценным сокровищем, учебником, необходимым для освоения марксистской философии. Для Зихерла «Основные проблемы марксизма» Плеханова являлись «концентрированным, ясным и систематическим изложением основных вопросов марксистской философии» [4].

Политическая деятельность Зихерла была направлена на борьбу против фашизма, который все более угрожал национальному существованию словенского народа. В ряде популярных статей он рассмотрел исторические корни фашистской идеологии как на родине, так и в других странах. Его исследование фашистской идеологии в Словении и Югославии имеет особое значение, так как было сделано в то время, когда многие представители интеллигенции увлекались путанными возрожденческими проектами, оторванными от передовых общественных стремлений словенского рабочего класса. В этот хаос идей и путаницу нужно было внести ясность марксистского мировоззренческого убеждения и привлечь к борьбе все передовые и демократические силы. Он призвал словенскую интеллигенцию осознать опасность, которую для нее представляла фашистская идеология. Он писал: «Нужно ясно понимать, в чем сущность фашизма. Это должно быть исходным пунктом. Только потом можно изучать все те конкретные обстоятельства, благодаря которым средние слои города и деревни принимают участие в нынешней борьбе между фашизмом и демократией, анализировать саму суть нынешней демократии, ее характер и роль у нас, ее движущие силы в Словении» [5, s. 52]. «Необходимо, — подчеркивал он, — тщательно изучить проблемы словенского фашизма, потому что это имеет огромное значение для правильной ориентации словенских общественных деятелей, публицистов и политиков. Труд будет тем основательнее, чем больше сил будет содействовать решению указанных проблем и их освещению с разных точек зрения» [5, s. 52]. Это был призыв к словенской интеллигенции накануне второй мировой войны определить и выполнить свою миссию.

Зихерл в своих статьях не выступал с прагматических позиций, но обращался к историческому прошлому, изучая корни словенского и югославского фашизма. Он старался выявить главные элементы идеологии югославского фашизма, которые были выражены в программе «национального единства» и «интегрального югославянства». Рассмотрев исторические оттенки этого движения, на первых порах представленное ОРБЮНОЙ, он пришел к выводу, что «интегральные югославяне» выносили всю социальную сущность молодежного движения, возникшего накануне первой мировой войны, хотя и подчеркивают свою близость с ним. Но югославянство довоенной молодежи, как указывает Б. Зихерл, не являлось по своему содержанию «интегральным югославянством» унитаристов. В этой связи Зихерл также дал оценку панславизму и иллиризму и остановился на различиях между предвоенным и послевоенным югославянством. Совсем другого склада были люди, выступавшие за самостоятельное развитие словенской культурной жизни: Ф. Прешерн, Ф. Левстик и И. Цанкар. «На этих людях зиждится здание словенской культуры» [5, s. 47].

С помощью ясно обоснованной концепции решения словенского национального вопроса, опирающейся на самые прогрессивные традиции прошлого, Зихерл раскрыл корни идеологии югославянского унитаризма. «Интегральное югославянство», которое в принципе отвергает существование словенцев как просвещенной нации со всеми своими особенностями, выросло на другой почве, и некоторое время развивалось даже в борьбе

с этим старым довоенным либерализмом... Если мы хотим узнать, откуда появилось „интегральное югославянство“, мы должны прежде всего спросить себя, кто его у нас представляет. И мы увидим, что это те люди, которые вышли победителями из послевоенного инфляционного кризиса и создали вокруг самых крупных люблянских банков и ТПД первый могущественный монополистический концерн в Словении, который владел большею частью словенской промышленности и который свою судьбу неразрывно связал с судьбою всего финансового капитала в Югославии... Эта фракция уже тогда представляла ядро позднейшей ЮНС» (Югославская национальная партия) [5, s. 48]. Этим общественно-политическим анализом Зихерл показал существо вопроса. Изучая те общественные слои, которые стали почвой югославянского унитаризма, он разоблачил их антинародный характер, доказав, что они преследовали только узко эгоистические финансовые цели и были безразличны к народному благу. «Главная забота этого слоя: установить такой государственный аппарат, который был бы способен защитить его монопольное положение как против внешних сил, так и против внутреннего врага, в стремлении которого к социальному и национальному равноправию он видит опасность для существования государства. Государственная идея, государственная нация — вот лозунг этого слоя» [5, s. 48]. Определив сущность словенского национального вопроса и показав сопротивление демократических масс идеологии «интегрального югославянства», Зихерл подчеркивает, что она с самого начала должна была прикрыть существовавшее национальное неравноправие абстрактными понятиями «нация», «югославянский расовый тип», «югославянская национальная общность», «единое национальное сознание», «мистерия Видова дня». «Интегральное югославянство» не могло опираться на массы, оно должно было искать другие возможности для укрепления своих позиций.

Новый период в развитии югославянского фашизма начался после прихода к власти немецких национал-социалистов. Носители фашистской идеологии вместо того, чтобы пробуждать память о действительно светлых событиях в истории словенцев и их борьбе за национальное освобождение, обращались к тем государственно-централистическим формам, которые соответствовали унитаристскому югославянству. Как пронизательный обществовед-аналитик Зихерл остроумно заметил: «Сейчас в центре внимания провозглашение балканско-прусского характера и мессианской роли сербов, возвеличивание алеманских конников царя Душана, пандуров Тренка под черно-желтыми императорскими знаменами, миф о готском происхождении хорватов и систематическое извращение отечественной и зарубежной истории культуры. Этим югославской фашистской историографии открыты новые перспективы» [5, s.51].

Статья Зихерла «Два периода развития фашизма в Словении», написанная в 1938 г. [5, s. 42—52], отличается глубиной и значительностью, хотя позднее автор объяснял, что из-за цензуры он не мог достаточно исчерпывающе осветить проблему. Это было восполнено в реферате «Фашизм и революционное рабочее движение» [6], который он прочел на научном совещании по поводу 50-летней годовщины поражения ОРБЮНЫ в Трбовлях. Реферат представляет собою логическое дополнение к анализу генезиса фашистской идеологии в Словении. В основе его лежит доклад Димитрова на VII конгрессе КИ, который Зихерл удачно использовал для конкретного анализа словенских условий. В нем он дал точную оценку ОРБЮНЫ, подчеркнув, что в Словении трудно говорить о какой-либо оформившейся фашистской идеологии, хотя методы борьбы этого союза против революционного рабочего движения были чисто фашистскими, а в организационном отношении он сильно напоминал итальянских сквад-

ристов. Идеино же ОРБЮНА продолжала у нас традиции словенского либерализма с его довольно слабым антиклерикализмом и сильным антикоммунизмом.

В реферате Зихерл показал также корни клерофашизма, который возник из клерикальной идеологии партии Коросеца и базировался на различных антикоммунистических папских посланиях, особенно на послании «*Quadragesimo anno*» от 1931 г. Фронт будущей борьбы в произведениях Зихерла был четко определен накануне второй мировой войны.

Обе статьи содержат анализ социальных корней фашизма и других политических течений в Словении в дни испытаний. Простота изложения, ясность формулировок, точная оценка существующих тенденций в словенском обществе являются отличительной особенностью этих статей. Для обществоведа они представляют собою компас для ориентации в конкретном материале. Благодаря им можно сделать вывод относительно идейного хаоса унитаристской идеологии. В этих работах особенно четко выступают отличительные черты социального анализа Зихерла. Перепечатка их в сборнике избранных статей «*Вчера и сегодня*» лучше всего доказывает это. В анализе Зихерла нет путаницы, неясности в определении политических направлений, его точка зрения аргументирована, для различных явлений он всегда отыскивает исторические корни, избегая односторонних прагматических оценок и отвергая их как мало обоснованные. Свои исторические выводы Зихерл всегда умел применить в политической практике ежедневной борьбы. Критичность, способность предвидеть дальнейший ход развития событий являются характерными чертами его научных трудов. Знание нашего исторического прошлого дало ему возможность стать блестящим марксистским исследователем современного общества. С помощью материалистического метода он разрушил несостоятельные унитаристские утверждения о том, что словенцы являются племенной ветвью единой югославянской нации. На основании марксистской методологии и позитивных достижений словенской историографии ему удалось показать причины формирования словенской нации и истинного неподдельного патриотизма, далекого от клерикального мышления, поработившего крестьянское сознание. В своих выводах он опирался на пророческое слова Цанкара: «Из мук, терпения и рабства неисчислимых миллионов вырастет наша родина, вся эта прекрасная земля со всем своим неизмеримым богатством. Тогда будут лишь с горечью вспоминать эту господскую родину, основанную на рабстве, политую кровью и слезами, позор человечества, насмешку над справедливостью» [7].

Зихерл был одним из тех, кто объяснял, не искажая, глубину мысли Цанкара, красоту его слова и его политическое завещание словенскому рабочему классу. В статье «Реализм Ивана Цанкара» он обрисовал социально-исторические условия деятельности Цанкара. В борьбе за искаженный облик Цанкара особенно ярко вырисовывается оригинальность мышления Зихерла, его глубокая связь со словенской национальной действительностью. Он дал образ Цанкара — борца, раскрыл его отношение к событиям общественной жизни, к силам, которые в словенском обществе в предвоенный и военный периоды находились в антикоммунистическом лагере. Ему удалось показать отражение этих условий в творчестве писателя. Свою статью он закончил словами: «Цанкар принадлежит словенскому рабочему движению. Всякая другая точка зрения в вопросе о Цанкаре и его роли в словенском рабочем движении далека от правды и может существовать только в головах догматиков и доктринеров» [8].

Накануне второй мировой войны, когда необходимо было привлечь интеллигенцию на сторону прогрессивных сил и определить позицию коммунистов в предстоящей борьбе с реакционными течениями, способствуя

дифференциации в их рядах, Зихерл обратил внимание на опасность буржуазного объективизма и позитивизма в науке. Эта буржуазная научная методология, подчиненная классовым интересам, препятствовала процессу дифференциации среди интеллигенции. Она вносила в ее ряды индифферентность, равнодушие, безразличие к представителям революционной общественной деятельности. Сторонники позитивизма и объективизма под влиянием запутанных унитаристских концепций сознательно отвлекали внимание интеллигенции от актуальных проблем. Некоторые обращались к изучению раннего средневековья, оставляя без внимания современные общественные проблемы. Зихерлу, как революционеру, было ясно, что означает обращение историков к далекому прошлому в то время, когда в словенском обществе назревал революционный кризис. В новых условиях необходимо было формировать стойкие революционные характеры, ибо без такого авангарда невозможны великие исторические преобразования. Это Б. Зихерл хорошо понимал. Он очень тонко чувствовал, что требуется для утверждения самобытности словенского народа и какие общественные проблемы необходимо прежде всего изучать для более успешного развития революционного процесса. Имея в виду это, мы должны рассматривать его критические замечания по поводу дискуссии словенских историков о древних славянах. Эту бесплодную дискуссию; заполнявшую словенские журналы, он справедливо считал малозначительной, ибо перед словенским обществом стояли тогда более актуальные проблемы. Так он писал: «Политический смысл полемики между Гауптманом и Малом заключается в том, что первый из бесплодности словенской буржуазии пытается вывести бесплодность словенских национальных стремлений в прошлом и настоящем, в то время как другой стремится с помощью историко-юридической аргументации прикрыть бесплодие этой буржуазии» [9].

На основании практики политической борьбы Зихерл сделал вывод об опасности для передовой общественной мысли тех представителей интеллигенции, которые, закутавшись в одежды беспристрастности, «научного объективизма», пытаются стать над классами, тех добросовестных ученых-собрателей исторических фактов, которые считают необходимым объективно нанизывать их друг на друга и для которых классовый подход к событиям является синонимом ненаучности. Подобные взгляды мелкобуржуазных интеллигентных филистеров вызывали возражение Зихерла: «В великих исторических сражениях между общественными силами наука никогда не выступала в роли бездействующего наблюдателя, беспристрастно отмечающего внешние события, но научное исследование было тем научнее, чем глубже оно пыталось докопаться до сути событий, открыть их движущие силы, деятельно помочь внутренним силам проявить себя и в конечном итоге победить. Напротив, ученый настолько являлся защитником существующего строя, насколько он пытался препятствовать этим стремлениям, заменяя их неким беспристрастным объективизмом, ограничиваясь голой констатацией и описанием внешних событий» [10].

Эти слова Зихерл написал в период консолидации всех передовых сил в словенской общественной жизни. Они означали призыв к идейно неопределившимся интеллигентам осознать свою общественную роль в дни испытаний. В сущности его положения не устарели и до сих пор и особо актуальны для наших исследователей общественной проблематики.

Никакая область знаний, в том числе и история, не является самоцелью. Классовая направленность исторической науки в различные времена проявлялась также в выборе проблематики для исследования. Старая средневековая школа уделяла много внимания генеалогии, оставляя в стороне деятельность народных масс. Народ для нее являлся лишь ма-

териалом для проведения в жизнь проектов различных монархов. Так, рассказ о каждой эпохе превращался в повествование о рождении и воспитании, о жизни и смерти какого-либо монарха или религиозного деятеля. Это было некогда совершенно естественным для средневековых монахов-летописцев, наиболее высоко оценивавших тех лиц, которые больше всего дарили церквям и монастырям. Для историков эпохи просвещения такой способ исторического описания был уже непригоден. Б. Зихерлу служили примером в его исторических исследованиях историки периода реставрации. Большое значение в идейной борьбе с феодальной и клерикальной реакцией имели Гизо, А. Тьерри, Минье и другие либеральные историки. Вся история цивилизованных обществ, по их мнению, является борьбой классов. Феодальное общество они изучали в период его разложения, а не возникновения.

Б. Зихерл в своих лекциях обращал внимание на различия между достижениями историков времен реставрации, рассматривавших классовую борьбу как движущую силу исторического процесса, и открытием Марксом истинных причин исторического развития. Свои лекции по социологии он иллюстрировал богатыми примерами из словенской истории в переломные для нее периоды, и таким образом обращал внимание профессиональных историков на то, что, по его мнению, требовало изучения.

Но Зихерлу были особенно близки социалисты-утописты. Он содействовал пробуждению интереса к изучению трудов словенского утописта Андрея Смолникара. Зихерл хорошо понимал значение социалистов-утопистов в развитии общественных наук и формировании марксистской общественной мысли. Социалисты первой половины XIX в. с достойным уважением рвением занимались поиском наилучшей организации общественных отношений. Это самая характерная и самая выразительная черта, присущая как им, так и материалистам XVIII в. Но утописты в действительности меньше принимали во внимание человеческую натуру вообще, но больше — идеализированную натуру людей своего времени, людей, принадлежавших к тому классу, интересы которого защищали сами утописты.

Б. Зихерл в своем докладе «О некоторых теоретических и практических проблемах словенской историографии» [1, с. 481—495] призвал словенских ученых читать труды Маркса и Энгельса, осваивая метод исторического исследования, так как только с помощью этого метода они смогут в наибольшей степени приблизиться к объективной исторической истине. Это тот момент, который «знаменитые» немецкие историки, оказавшие решающее влияние на словенских коллег, мало знали. Никто из них не интересовался классическими трудами Маркса и Энгельса, в которых великие ученые показывали действительную картину исторических событий, разоблачали господствующие классы, коррупцию юнкеров и дворянства, отсталость политических взглядов большей части буржуазии, нищету трудящихся. Немецкие учебники за последние сто лет и объемистые труды Л. Ранке, Н. Зибеля, Н. Трейчкея, К. Лампрехта, Ф. Шнабеля и других полностью обходили молчанием социальную проблематику. В их трудах мы не найдем истинного отражения немецкой действительности, показа гибнущего феодализма, который продолжал существовать только потому, что буржуазия из-за своей отсталости еще не осмеливалась нанести ему последний удар.

Среди словенских историков старой школы исключением являлся только Т. Линхарт, для которого главным предметом истории был народ и его духовная и материальная культура.

Очерк Зихерла об идейных направлениях в словенской историографии сохранил свое значение и поныне. «Вся словенская довоенная официаль-

ная и вообще профессиональная историография, как правило, развивалась не на основе исторического материализма, а используя методы старой и современной буржуазной историографии. Диалектический метод исторического исследования накануне войны использовался почти исключительно в марксистской публицистике» [1, с. 483]. Эта констатация Зихерла исторически совершенно точна. Можно только напомнить, что такие исследования в период эмансипации словенского народа, его борьбы за существование были очень важны, ибо было написано много фундаментальных трудов, которые несмотря на значительные научные достижения, концептуально носили буржуазный характер и не выходили за рамки национально-будительства. Введение «социологических» методов аналитиков существенно не изменило направления словенской историографии, хотя нельзя отрицать основательности исследований историков этого направления.

Сейчас не создается больше отдельных историй права, морали, философии и т. д., но пишется единая история общественных отношений, которые всегда определяются состоянием производительных сил. С этой точки зрения мы должны оценить вклад Зихерла в развитие комплексных исследований. Его методологические указания словенским историкам имеют большое значение, так как указывают новые пути исследования и дают возможность переоценить некоторые достижения прошлого в свете новых знаний. Большинство представителей старой школы историков недооценивало рабочее движение, особенно революционное. Сознательно или бессознательно они включали его изучение в «политологию». Последняя же дисциплина, по их мнению, находилась в стадии становления и не могла считаться историей в классическом понимании этого слова. С пренебрежением они смотрели и на изучение нашего недавнего прошлого — нашей народно-освободительной борьбы. Критические замечания Зихерла касались того поколения историков, которое не желало принять новое в нашей общественной действительности. Он же видел перед собой образ нового рождающегося мира, который в ходе повседневной борьбы преодолевал пережитки прошлого, беря из него все наиболее прогрессивное.

Когда Зихерл тридцать лет назад оценивал старое и новое в нашей историографии, его доклад вызвал среди участников симпозиума, как можно видеть из протоколов, определенный интерес, как имеющий большое стимулирующее значение для развития словенской историографии. Не желая вдаваться в подробности дискуссии, автор статьи считает возможным привести некоторые высказывания, сделанные в ходе ее, для подтверждения высказанных положений. Др. Ф. Цвиттер заявил, что в докладе содержится столько проблем и мыслей по существенным вопросам, что трудно исчерпывающе обсудить его. Он высказал мнение, что его следует опубликовать в «Згодовинском часописе». «Только на основе напечатанного текста, — сказал оратор, — мы могли бы обсудить все проблемы, затронутые в докладе» [11]. Проф. Б. Графенауер присоединился к этому мнению и добавил, что в словенской историографии положение становится лучше. По его мнению, доклад указал на ряд проблем и дал толчок дальнейшему развитию словенской исторической науки, которая в новых общественных условиях стала развиваться в направлении, указанном Зихерлом. В Институте всеобщей и национальной истории Словенской академии наук и искусств вышел обширный труд под названием «Экономическая и социальная история словенцев. История различных отраслей сельского хозяйства. I т. Сельское хозяйство (Любляна, 1970). Мы можем констатировать, что те вопросы, по которым имелись монографические исследования, разобраны в томе основательно; в то же время некоторые разделы требуют еще фундаментального изучения, в данном

виде они представляют собой скорее схему экономического развития определенных отраслей. В некоторых разделах применяется метод исторической реконструкции и недостает профессионального знания предмета. Изучение более древнего времени базируется на основательных изысканиях. Огромный материал, собранный в монографии, представляет собой солидную основу для дальнейшего изучения нашей экономической истории. При этом мы не должны забывать опасность, на которую справедливо обращал внимание Б. Зихерл: «Мы бы сделали ошибку, если бы привялись за исследование словенской экономической истории с позиции теории факторов..., которые каждый по-своему воздействуют на предмет и один из которых также экономический... Первую опасность представляет схематизм, превращение экономической истории словенцев во всеобщую историю экономики, иллюстрированную примерами из отечественной истории. Такая история с самого начала не имела бы значения, прежде всего потому, что сделала бы невозможным правильное понимание всех остальных событий словенской социальной жизни в прошлом и в настоящем» [1, с. 494]. Зихерл подчеркивал значение идейной концепции подобных трудов и обращал внимание на концептуальные ошибки, которые подстерегают историков, слабо знающих марксизм.

Разумеется, Б. Зихерл не был одинок в своей борьбе за марксистскую методологию в исторической науке. Среди историков, которые проложили путь марксизму в словенской историографии, мы должны отметить д-ра Д. Кермавнера. Его главная заслуга в том, что словенское рабочее движение заняло подобающее ему место в современной словенской историографии. Систематическое изучение рабочего движения привело его к пониманию необходимости пересмотреть многие выводы, сделанные историками прежних поколений о нашей политической истории. Социально-экономической и общественной истории словенцев в XIX и XX вв. он в своих трудах касался мимоходом, однако полностью осознавал, что история словенцев этого периода не будет полной, если не будут исчерпывающе исследованы и подвергнуты переоценке и эти проблемы.

Научное и теоретическое наследие Б. Зихерла — яркий пример того, какое огромное значение имеет марксистская методология при создании научных трудов. Указания Зихерла в этом отношении для нас драгоценны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ziherl B.* O nekaterih teoretičnih in praktičnih problemih slovenskega zgodovinopisja.— *Novi svet*, 1951, № VI.
2. *Ziherl B.* Historični materializem in sociologija.— *Naša sodobnost*, 1954, № II, s. 305.
3. *Plehanov G. V.* Osnovni problemi marksizma.— *Nova knjiga Ljubljana*, 1934, s. 58.
4. *Ziherl B.* Predgovor k prvi slovenski izdaji G. V. Plehanova Osnovnih problemov marksizma. *Nova knjiga Ljubljana*, 1934, s. XX.
5. *Ziherl B.* (ilegalno ime — *A. Poljanec*). Dve razdobji fašizma na Slovenskem.— *Sodobnost*, let. IV. Ljubljana, 1938.
6. *Ziherl B.* Fašizem in revolucionarno delavsko gibanje.— In: *Včeraj in danes. Izbor člankov in razprav iz let 1934—1974*. Ljubljana, 1974, s. 469—482.
7. *Cankar I.* Lepa naša domovina.— In: *Žbrano delo*, t. XXV. Ljubljana, 1976, s. 92—93.
8. *Ziherl B.* Realizem Ivana Cankarja.— *Naša stvarnost*, št. 17/18. Beograd, 1939. Glej tudi in: *Včeraj in danes. Izbor člankov in razprav iz let 1934—1974*. Ljubljana, 1974, s. 111—113.
9. *Ziherl B.* Nekaj besed k pravdi o starih Slovanih.— *Sodobnost*, let. VII. Ljubljana, 1939, s. 623.
10. *Ziherl B.* Znanost in politika. *Sodobnost*, let. VII. Ljubljana, 1939, s. 332.
11. AS (Arhiv Slovenije). Zapisnik z zborovanja slovenskih zgodovinarjev v Ljubljani, dne 4. maja 1951.

БЫЧКОВА М. Е.

ПОЛЬСКИЕ ТРАДИЦИИ В РУССКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ XVII ВЕКА

Русская генеалогия второй половины XVII в. испытывала большое влияние польской литературы. Это было связано как с общим интересом к польским авторам, который проявлялся в официальной деятельности Посольского приказа и у отдельных лиц, так и с новыми тенденциями оформления генеалогических документов.

До XVII в. в России был только один вид родословных справочников — родословные росписи, на основании которых составлялись различные редакции родословных книг. Источниками росписей были семейные документы, иногда использовались показания летописей, житийной литературы. Росписи имели право составлять довольно узкий круг семей, верхушка класса феодалов, входившая в XVI в. в состав Государева двора [1]. Все дела, связанные с генеалогией, были сосредоточены в Разрядном приказе. Редакции родословных книг, составленные в XVI в., продолжали существовать и на протяжении всего XVII в.; в это время отдельные рукописи дополнялись материалами семейных архивов. Часто семьи, чьи представители выдвинулись по службе в XVII в., вносили в списки старых родословцев свои подробные росписи, копировали семейные документы. Об одной из таких рукописей подробно писал еще Н. П. Лихачев; в современной литературе наиболее подробно изучены так называемый родословный сборник Супоневых и сборник Нелединского [2, с. 66; 3, с. 412—418].

До XVII в. в России не было никаких правил и законов, требовавших доказательства дворянского происхождения от лиц, переходивших на службу к русским великим князьям и царям. Скорее всего это связано со своеобразным процессом комплектования Государева двора. В него входили потомки бояр, служивших еще первым московским князьям, чья связь с московским домом прослеживается с середины XIV в.; с присоединением к Москве русских княжеств в состав двора корпоративно вливались княжеские и боярские семьи этих земель. Потомки литовских великих князей в XIV—XVI вв. приезжали служить со своими дворянами, и их происхождение не требовало официального подтверждения.

В XVII в. меняется как форма въезда, так и социальная структура приезжавших феодалов. Наряду с польскими князьями и грузинскими царевичами, переходившими на русскую службу, как и раньше, со своими дворами, в Россию едут самостоятельно, без приглашения правительства дворяне из разных стран Европы. Установлением их происхождения, определением размеров жалования занимался Посольский приказ, который собирал необходимые для этого документы. На основании представле-

ний Посольского приказа определялся размер жалования и вид службы «нововыезжих». Делопроизводственное оформление таких дел в течение века меняется незначительно; они близки к аналогичным делам о приглашаемых в Россию мастерах, военных, врачах, ремесленниках.

Приглашение соответствующих мастеров часто было одной из задач русских посольств в европейские государства еще в XV—XVI вв. Глухие упоминания о делах иностранцев, которые условно можно связать с оформлением их службы в Москве, есть в описи государственного архива XVI в. [4, с. 51, 83, 89]. Дела, связанные именно с приездами иностранцев в Россию, встречаются и в описи Посольского приказа 1626 г., например, дело 1619 г. с расспросными речами о приезде в Москву из Литвы Михаила Томилова, англичан Артемия Астора, Якова и Томаса Романовых и некоторые другие [5, с. 293, 303].

В приказной делопроизводственной практике XVII в. вырабатываются нормы доказательства дворянского происхождения, куда отчасти входит и генеалогический элемент — определение родоначальника семьи. Эта практика связана с нормами, зафиксированными в Статутах Великого княжества Литовского. Еще в Статуте 1529 г. предусматривалось, что шляхтич, приехавший служить в Литву, должен был представить свидетельства своего происхождения. Среди других здесь были упомянуты подтверждения, сделанные официальными послами из его страны, родственниками, людьми, которые были известны правительству [6, с. 50].

Эти нормы, восходящие к польско-литовским традициям, были в XVII в. восприняты в Посольском приказе и применялись ко всем дворянам, независимо от того, из какой страны они приехали. Сохранилось пять подлинных дел о выходцах из Речи Посполитой: 1646 г. — о приезде Ивана Петрова сына Салтыкова; 1647 г. — Николая Посоховского; 1684 г. — Осипа Пирожского; 1686 г. — князя Александра Курбского и 1689 г. — Петра Лохмановского. При назначении им жалования в Посольском приказе подбирались предшествующие аналогичные случаи приезда дворян из той же страны или близких к ней.

Эти дела имеют довольно сложную структуру: в них содержится переписка Посольского приказа с местными органами власти об обстоятельствах выезда, расспросные речи, где приехавший излагал свою биографию и историю семьи, подборка предшествующих аналогичных случаев выезда, документы о крещении, указ о назначении жалования и др. Для нашей статьи наибольший интерес представляют расспросные речи: содержащиеся в них сведения о происхождении семей оказали влияние на дальнейшее развитие русских генеалогических документов.

В 1646 г. приехал из Дании поляк Иван Петров сын Салтыков. Его расспросная речь необычайно интересна. Он родом из Волюйковичей, в 13 лет был отдан на службу польскому королю вместе с князем Петром Трубецким (возможно, он служил непосредственно Трубецкому), попал в плен к туркам, был выкуплен отцом и вскоре после этого уехал из Польши во Францию, где находился на военной службе, затем переехал в Испанию, также воевал; потом попал в Данию. Из Дании он был послан гонцом в Москву. После этой поездки у него начались неприятности с королем и, побеседовав с русским послом в Дании Василием Апраксиным, Иван решил выехать в Москву [7, л. 37]. Салтыков был пожалован в стольники, получил поместный оклад и двор в Москве.

Осип Пирожский рассказал, что его отец имел владения в Кременецке (Волинское воеводство); после смерти отца и разорения их владений татарами, Осип с матерью переехал в Киев и оттуда был взят в Москву в певчие. Показания Пирожского подтвердили шляхта воеводства Волинского, его родственники и кн. Гедеон Четвертинский. На основании этих

документов Осип Пирожский был записан в Посольском приказе как выезжий, о чем было сообщено в Разрядный приказ думному дьяку В. Г. Семенову [8, л. 4—16].

Кн. Александр Курбский в челобитной указывает на свое родство с кн. Андреем Михайловичем Курбским; в расспросных речах пишет свою биографию [9, л. 2—6]. Его отец был взят в плен под Луками, крестился в православную веру, какое-то время служил русскому царю, затем вернулся в Польшу, когда к ней отошли Полоцк и Витебск.

Сам Александр Курбский служил с кн. Дмитрием Вишневецким, но прошло уже четыре года, как он оставил службу. Узнав, что его брат Яков выехал в Москву, также приехал.

Биография Петра Лохмановского напоминает биографию Ивана Салтыкова. Он родился в Варшаве, 9-ти лет уехал «в иные государства для учения», был в Германии, Голландии, пять лет жил в Париже. Здесь он узнал о смерти отца. В 1687 г. он встретил в Париже Якова Долгорукого, уехал с его посольством в Мадрид, потом в Москву и хочет поступить на русскую службу [10, л. 2—9]. Он был отослан в Иноземный приказ.

Отличия в оформлении дел 40-х и 80-х годов относятся в основном к начальной части, где излагаются обстоятельства приезда, и заключительной, где определяется размер жалованья. Расспросные речи мало отличались, возможно потому, что в их основе лежал ряд вопросов, которые интересовали Посольский приказ. В частности, в делах 80-х годов появляются более подробные сведения о политическом положении в стране, из которой приехал дворянин. Александр Курбский ничего не мог сказать о положении в Польше, так как уйдя из войска, несколько лет жил в своем имении, а в Москву ехал окольными путями, и это было специально отмечено в его деле.

Фрагменты некоторых дел о приездах были скопированы в XVIII в. Из них в департаменте Герольдии была составлена книга о «Выездах знатных фамилий» [11]. Она состоит в основном из расспросных речей и документов, определяющих размеры жалования. Как можно судить по выпискам из дел Лохмановского, Пирожского, Курбского, документы переписывались очень тщательно. Эти выписки в XVIII в. являлись официальным документом, подтверждавшим происхождение дворянских фамилий.

Кроме выписок из дел О. Пирожского, А. Курбского и П. Лохмановского, здесь приведены документы аналогичных дел Павла Пилятовского (1688), уроженца Мозырского повета, который выехал из Польши потому, что «у них как корунным, так и литовским войскам жолнерам за службы толко похвала, а платы как надлежит, не доходит» [11, л. 81]. По приезде в Москву он случайно встретился с кн. Г. Четвертинским, с которым «они знали меж собою в Польше, будучи в войску» [11, л. 81]; Четвертинский подтвердил его происхождение и ходатайствовал о приеме Пилятовского на русскую службу.

Адам Пенчинский (1681), как и О. Пирожский, после смерти отца жил с матерью в Киево-Печерском монастыре, потом служил в войске, был взят в турецкий плен, выкуплен. Его владения пришли в запустение, до выезда он «кормился» у родственников [11, л. 124—125].

Станислав Шумский (1689) из Слонимского повета, служил в литовских войсках, участвовал во всех крупных походах Яна Собеского «и от тех служб за неданием из скарбу Речи Посполитой платы пришел в скудость; и для того, что за ним маетностей нет» [11, л. 85].

Из расспросных речей вырисовывается социальный состав лиц, приехавших в Россию. Это рядовое дворянство из районов, часто становившихся театрами военных действий. В ряде случаев Россия была не первым

местом их профессиональной военной службы. Возвращение на родину для многих по каким-то причинам было затруднительно. К концу XVII в. русское правительство стало сокращать размеры пожалований. При сравнении дел И. П. Салтыкова и П. А. Лохмановского, лиц происходивших из одной среды, видно, что их служебное положение в России не одинаково. Салтыков стал стольником, получил большие земельные владения, двор в Москве, подарки, поденный корм, а Лохмановский был зачислен на службу в Иноземный приказ и получил жалование деньгами.

Постепенно Посольский приказ делит с Разрядным функции доказательства дворянского происхождения приехавших семей, до XVII в. принадлежавшие только Разряду, занимавшемуся составлением и редактированием родословных документов. Это приводит к тому, что отдельные семьи, записанные в XVI в. в родословные книги, — также просят подтвердить приезд их предков, состоявшийся в XIV и XV вв.

В октябре 1649 г. по указу царя Алексея Михайловича из Разрядного приказа был послан запрос в Посольский приказ думному дьяку Михаилу Волошенинову разыскать сведения о предке Афанасия Отяева Петре Босоволке, выехавшем из «Цесарских земель», и о пожалованиях, полученных им [12]. Отяевы как потомки известного деятеля первой половины XIV в. Алексея Петровича Хвоста были записаны в Государев родословец 1555 г. [13, с. 244—245]. В запросе просили уточнить год приезда на Русь Петра Босоволка, отца Алексея Хвоста, и подробности смерти самого Алексея Хвоста.

От 1662 г. есть челобитная и списки с грамот Игнатия Корсакова, составленные, очевидно, в связи с его местническим делом с Алексеем Чепчуговым. В челобитной говорится о выезде их предков из «пределов Римских» сначала к великим князьям литовским, а позже к московскому князю Дмитрию Донскому [14].

Неизвестно, как решались эти дела, но, возможно, выдача таких справок была связана с текущей деятельностью Посольского приказа по оформлению приездов XVII в. Основная масса запросов в приказ о происхождении предков служивых людей падает на 80-е годы XVII в., когда Палата родословных дел вела большую работу по сбору родословных росписей и составлению родословных книг.

Роль Посольского приказа в области генеалогии не ограничивалась фиксацией и проверкой сведений о происхождении приезжавших в Россию иностранцев. В 70-е годы XVII в. там были переведены две книги, которые сыграли большую роль в развитии генеалогических знаний — Титулярник (1672) и родословная книга Хурелича (1675); их переводил Николай Спафарий. В советской историографии неоднократно отмечалось значение этих книг в истории политических идей [15, с. 183—185, 205—206; 16, с. 259—306; 17, с. 21—31].

Первая часть родословной книги герольдмейстера императора Хурелича посвящена родству русских князей, вторая — установлению родственных связей царя Алексея Михайловича с правящими домами стран Европы. Она знакомила русских деятелей с генеалогическими нормами европейских стран, почти неизвестными в русских источниках XV—XVI вв. — это тщательно разработанная восходящая система родства.

Родословные схемы Хурелича и во второй части его книги начинаются с правящего в 70-е годы XVII в. короля соответствующей европейской страны и опускаются вглубь до того предка, с которого начинается родственная связь этого короля с Алексеем Михайловичем.

У русских великих князей никогда не было общих предков по мужской линии с правителями Европы, родство с ними отсчитывается с середины XI в., начиная с браков дочерей Ярослава Мудрого. Такой отсчет

преемственности власти через браки по женской линии был совершенно новым явлением и должен был импонировать первым Романовым. Кроме того, поскольку в росписях Хурелича перечислены лишь правившие лица, в них появляются пропуски поколений, изменения степени родства, что в принципе создавало довольно большую свободу в обосновании происхождения от какого-либо предка.

Родословие Лаврентия Хурелича не имеет аналогий в более ранних традициях русской генеалогии. Русские родословные росписи всегда отсчитывали родство лишь по мужской линии и давали четкую схему от отца к сыну.

Для развития новых традиций в генеалогии большую роль сыграла Хроника Матвея Стрыйковского, переводы и распространение которой также связаны с деятельностью Посольского приказа XVII в.

А. И. Рогов доказал, что с 1668 по 1688 г. Хроника в России переводилась четыре раза [16, с. 269—292]. В оформлении списка XVII в. первого полного перевода этой Хроники виден определенный интерес к генеалогии польско-литовской шляхты. Киноварью и заголовками на полях выделяются названия гербов, части текста, где рассказывается о происхождении литовских родов, о перемене гербов польской шляхты или передаче польских гербов литовской шляхте. Выделяются также статьи, посвященные истории отдельных семей, описанию ратных подвигов, после которых герой получал дворянство и герб. Подробно описаны и сами гербы¹.

Вопрос о происхождении и эмблематике дворянских гербов не поднимался в русской практике XV—XVI вв. Интерес к нему переводчиков Хроники очевидно связан с тем, что после присоединения к России в середине XVII в. украинских и белорусских земель в состав дворянства России влились семьи, чьи генеалогические традиции восходили к польско-литовским. Хроника Стрыйковского в какой-то степени освещала эти традиции и историю отдельных семей.

Следует отметить, что первые переводы Хроники были сделаны когда в Посольском приказе уже накопился большой опыт оформления дел о приезде польско-литовской шляхты, и стали известны традиции польской генеалогии. Два последних перевода хронологически совпадают с деятельностью Палаты родословных дел; авторы родословных росписей 80-х годов XVII в. часто ссылались на Стрыйковского как на источник своих сведений. Случай использования Хроники при составлении росписей XVII в. приведен А. И. Роговым [16, с. 282], а один из описанных им списков принадлежал окольному А. Т. Лихачеву, который, составляя свою роспись, также воспользовался традициями польской генеалогии [16, с. 284].

К 80-м годам XVII в. Посольский приказ становится учреждением, дающим авторитетные справки о происхождении отдельных лиц и семей. Здесь в ходе практической деятельности накапливается определенный опыт оформления дел о приезде дворян, практика опроса и записи свидетельских показаний представителей посольств. Вначале эти справки давались только лицам, приехавшим в XVII в.

В 80—90-е годы XVII в., когда после отмены местничества в 1682 г. в Разрядном приказе была образована Палата родословных дел и начался массовый прием дворянских родословий, сведения о выезде родоначаль-

¹ В переводе есть описание герба Китаврус, герба Новина и его происхождение [18, л. 169, 188]; известие о перемене герба шляхетской семьей с подробным описанием обоих гербов [18, л. 308, 309]; выделены заголовками родословия князей Вишневецких и Забражских [18, л. 372]. Классификация списков сделана А. И. Роговым, который отметил также, что эта рукопись принадлежала одному из крупных деятелей последней четверти XVII — начала XVIII в. С. Б. Ловчикову [16, с. 274—275].

ников по запросам Разрядного приказа систематически проверялись в Посольском. Переписка между приказами велась по определенному стереотипу. Получив роспись, авторы которой говорили о выезде предка из Польши и часто ссылались на соответствующие польские книги, Разрядный приказ посылал в Посольский запрос; ответ на него служил официальным подтверждением происхождения.

Для проверки родословий в Посольском приказе были, в подлинниках и переводах, польские книги (Хроники Стрыйковского, Бельского, Гваньини, Длугоша, «Орбис Полонус» С. Окольского, «Гнездо цноты» Б. Папроцкого и др.), содержащие сведения о происхождении польских и литовских дворянских родов за более ранний период. Была здесь и другая генеалогическая литература, знакомившая с нормами, принятыми в странах Европы. К сожалению, в фондах Посольского приказа эти книги не сохранились.

Если значение произведений Стрыйковского, Длугоша, Матвея Меховского и Кромера в жизни русского общества изучено [16; 19], то история бытования в России польской генеалогической литературы совершенно не исследована. Есть одно упоминание А. И. Соболевского о рукописном переводе начала XVIII в. книги Б. Папроцкого «Ветроград королевский» [20, с. 81]. Книги С. Окольского и Б. Папроцкого получили критическую оценку в польской литературе. Папроцкий «в описании начала родов и шляхетских семей был полностью некритичен и наивен», он беспеременно переиначивал источники, в частности Длугоша; книга Окольского (три тома, изданные в 1614—1645 гг.) отредактирована хаотично, «переполнена фантастическими известиями, часто даже фальшивыми» [21, с. 109—111]. Однако в описании истории родов, современной авторам, обе книги содержат богатый фактический материал.

В подлинных росписях XVII в. сохранились первоначальные легенды и окончательные ответы из Посольского приказа, а работа по проверке сведений о выезде, содержащихся в родословных росписях, четко видна из книги «Дело о гербах», составленной Герольдмейстерской канторой в 20-е годы XVIII в.² Здесь скопирована переписка от 20 марта 1686 г. по 23 февраля 1687 г. между Палатой родословных дел и Посольским приказом по поводу происхождения родоначальников дворянских родов; одновременно с признанием дворянства определялась и принадлежность семьи к одному из польских гербов.

Происхождение родоначальника русской ветви в запросе Палаты родословных дел указывалось в общих чертах: «из коруны Польской». В Посольском приказе подбирался соответствующий материал: делались переводы из хроник Бельского, Кромера, Стрыйковского о происхождении того или иного герба, участия в политической жизни и битвах лиц, принадлежавших к этому гербу; давалось описание герба по книге Окольского «Орбис Полонус». Иногда Посольский приказ собирал свидетельства о происхождении у польских посольств. Эту работу выполняли переводчики Семен Лаврецкий и Николай Спафарий. Запросы из Разряда подписывали дьяки П. Ф. Оловянников, Л. А. Домнин, которые принимали росписи в Палате родословных дел. Ответы из Посольского приказа подписывали дьяки П. Б. Возницын, В. И. Бобинин, иногда Е. И. Украинцев, занимавшиеся делами о выездах.

Эти материалы четко показывают, как была организована работа по проверке росписей. Становится ясно, каковы были критерии достовернос-

² В деле помещены копии документов XVII в. о происхождении Хрущовых, Скаржинских, Фаменди, Зиновьевых, Дивовых, Карбышевых, Одинцовых, Лихачевых, Лукиных (Лукашевичей, предков думного дьяка Е. И. Украинцева), Загряжских, Нелединских, Лаврецких [22].

ти при составлении древних частей родословий. Составленные с использованием польских хроник и традиций оформления дел о выездах, эти справки иногда выдавались польским семьям, лишь в XVII в. выехавшим на службу в Россию, но часто их получали и представители русского рядового дворянства, стремившиеся удревить свой род, используя польские традиции. В «Деле о гербах» есть переписка о происхождении переводчика приказа Семена Лаврецкого, который выехал из Польши в 1661 г. [23, с. 143—145]; «иноземца рейтарского строю» полковника Петра Скаржинского и др. Анализ родословных легенд из «Дела о гербах» позволяет проследить, как при создании генеалогических документов последней четверти XVII в. использовалась вся предшествующая практика Посольского приказа и традиции польской литературы.

Наиболее ярко польское происхождение отразилось в росписи Колдычевских. Ее подал Михаил Колдычевский, попавший в плен под Мстиславлем в 1658 г. и с 1663 г. перешедший на русскую службу [24]. Он написал о своем происхождении и условиях перехода на русскую службу. Эта роспись по кругу сведений близка к делам о приезде и родословиям XVI в., поскольку она начинается с основателя русской ветви польской семьи и дает лишь необходимые факты о его происхождении.

В тех случаях, когда приписка к польским родам служила лишь удревнению родословных, как правило, есть большой хронологический разрыв между выехавшим на Русь предком и лицом, с которого начинается роспись.

Это видно из дела Нелединских (1689). В «Деле о гербах» сохранились выписки, где приведены сведения из книг «Орбис Полонус», Б. Папроцкого и М. Кромера по истории рода Мелецких, от которых пошли Нелединские [22, л. 96—103]. Кроме этого, в подлинном деле XVII в. Бестужевых-Рюминых, составленном в Палате родословных дел, есть черновики ответа Посольского приказа о происхождении Нелединских. В черновиках много вставок, вычеркнутых мест, исправлений, практически это не систематизированные записи о происхождении семьи.

По этим записям, предок Нелединских Станислав Мелецкий, в крещении Михаил, приехал на Русь к великому князю Василию Васильевичу и получил «в удел многие вотчины» [25, л. 33] в Городецком уезде, где потом был поставлен Николаевский Антонов монастырь. Текст о получении вотчин в удел в документе вычеркнут и заменен выписками из двух жалованных грамот; по одной (1425) великий князь Василий Васильевич пожаловал боярина Михаила Яновича Мелецкого городом Вологодой, а по другой (1442) Михаилу и его сыну великий князь дает в Углицком уезде Копскую волость [25, л. 30, 31]. В выписках из книги «Орбис Полонус», на которую ссылались Нелединские, есть сведения, что у их родоначальника Станислава Мелецкого в 1432 г. родился сын, а в 1461 г. он сам умер. Это последнее известие в деле XVII в. вычеркнуто. Именно сопоставление выписок из грамот и польских книг, подобранных в Посольском приказе к росписи Нелединских, показывает, что их приписка к польскому роду была фальшивой. Их предок, Станислав Мелецкий, по русским грамотам с 1425 г. служивший в Москве, по польским источникам жил и умер в Польше. Вообще, в последней четверти XVII в. Нелединские развили активную генеалогическую деятельность. Кроме росписи, для них был составлен разрядно-родословный сборник. В его основе лежит одна из ранних редакций разрядных и родословных книг, к которым приписано родословие и грамоты Нелединских [1, с. 86—87, 90; 2, с. 66].

Обращение к иностранным авторам для подтверждения происхождения иногда было излишним, так как необходимые сведения содержались в русских документах. Так, для Титовых в Посольском приказе была сдела-

на выписка из Гваньини: «В некое время Борис Титов, муж звания честного, воевода старицкий, к великому князю, после обеда за столом сидящему, пришед по обычаю бес шапки, поклонился ниско...» [22, л. 51]. На основании этих сведений Титовым было выдано свидетельство о том, что Борис Титов был воеводой в Старице, хотя для доказательства их происхождения можно было использовать разряды.

На составлении справок Посольским приказом отразилась особенность переводной генеалогической литературы, где было указание только на предка какого-либо человека без поколенной росписи, соединяющей предка и потомка.

Таким образом удревели свой род Лихачевы (роспись окольного М. Т. Лихачева) [26, с. 152—161], приписавшиеся к гербу Ясенчик. В справке, выданной Посольским приказом и скрепленной Е. И. Украинцевым, где представлена подборка сведений из книг Окольского и Папроцкого о деятельности лиц разных фамилий герба Ясенчик, нет конкретных сведений, позволяющих связать Олега Богуславовича Лиховца, их родоначальника, с Лихачевыми, известными по русским источникам. Напомним, что брату М. Т. Лихачева принадлежала одна из рукописей XVII в. перевода Хроники Стрыйковского, и он призывал к широкому использованию иностранных материалов для русской истории [16, с. 283—284].

На родство с Лихачевыми по гербу Ясенчик (в Польше Лиховские), «что по старому выезду из Польши в Московское государство пишутца Лихачевы, и ныне той нашей фамилии и роду нашего окольного Алексея Тимофеевича да Михайло Тимофеевич Лихачевы», сослались в своей росписи Краевские [27, л. 1].

Краевские стали служить царям после присоединения Смоленска, в их росписи (1688) упоминается переход на русскую службу, крещение в православную веру, пожалования — круг сведений, восходящих к делам о выезде. Кроме того, подавая роспись, они представили соответствующие документы из Польши. Происхождение Краевских сомнений не вызывает, а бывшие новгородские вотчинники Лихачевы, которые не смогли составить подробной поколенной росписи, приписались к польскому гербу, удревив свой род до XI в.

Подобным образом удревели свое происхождение Грушецкие, родственники царицы Агафьи Семеновны, жены царя Федора Алексеевича. Свою роспись (1686) они начинают с Карпа Астафьева Грушецкого, чей сын Илья служил царю Василию Шуйскому; правнучка Илья стала царицей [28, л. 1—2]. В выписках из Посольского приказа, к которым приложен красочный рисунок герба Любеч, говорится о происхождении этого герба и о Грушецких из Хелмской земли; эти записи относятся ко времени правления великого князя Ягайло. Никаких сведений, позволяющих связать обе фамилии Грушецких, не приведено. Вероятнее предположить, что родственники царицы создали свою роспись, исходя из новых традиций, а не фактов.

Такие же сведения, восходящие к польской традиции и не связанные с родословными росписями дворянских родов, поданными в XVII в., приведены Михаилом Рачинским «с товарищи», входившими в состав посольства, для подтверждения польского происхождения Хрущовых. В выписке из «Орбис Полонус» дано описание герба Хрущовых, переехавших в Польшу из Чехии [22, л. 33—35].

Одинцовы для подтверждения своего происхождения получили официальную выписку из Посольского приказа по книге «Орбис Полонус», что Одинец — отважный воин, выходивший в бою драться один на один; в ней есть сведения о некоторых Одинцовых польского герба [22, л. 76].

Весьма ответственным было составление справки о росписи Украинцев-

вых, которые записались от польского рода Лукиных (Лукашевичей). Материалы о Лукашевичах собирали и переводили Семен Лаврецкий и Николай Спафарий под руководством дьяка Василия Бобинина. Сначала сведения были представлены на апробацию кн. В. В. Голицыну, а затем оформлены в виде росписи и посланы в Разряд.

Украинцеву были подобраны сведения из Стрыйковского и «Орбис Полонус» о Лукашевичах, живших в XI в. при князе Конраде Мазовецком, причем в выписях титул этих Лукашевичей — канцлер коронный — везде объясняется как думный дьяк, а в росписи Лукашевичи в Польше уже именуются думными дьяками [22, л. 85—91]. Аналогичное толкование, сделанное переводчиком Хроники Стрыйковского, отмечено А. И. Роговым [16, с. 287], который справедливо связал его с деятельностью сотрудников Посольского приказа.

Происхождение Е. И. Украинцева известно, и совершенно ясно, что его роспись с польским родоначальником, жившим в XI в., не вызывала недоумения потому, что положение самого Украинцева было очень высоким, и к тому же он утверждал и подписывал материалы о происхождении, которые посылались в Разрядный приказ.

Наиболее ярко проявились новые традиции создания родословных легенд в росписи Бестужевых-Рюминых, которые назвали своим родоначальником Габрелуса Беста, приехавшего в XIV в. из Англии на службу в Литву, а затем в Москву. Эти данные еще в XVII в. были подтверждены герольдмейстерами Лондона. К родословию были приложены русские грамоты XV в. Роспись и грамоты Бестужевых всегда привлекали внимание историков.

Авторы провели подробный разбор поданной вместе с росписью грамоты 1469 г., где Якову Гавриловичу Рюме Бестужеву великий князь Иван Васильевич дает в кормление город Серпейск «за многие службы его и за выезд отца его Гаврила Беста» [29, 30; 3, с. 408—509].

Еще Д. Ф. Кобеко усомнился в подлинности грамоты, по которой боярин Яков Гаврилович Бестужев получает от Ивана III в кормление город Серпейск, в то время не входивший в состав Русского государства. А. А. Зимин полагал, что при составлении поддельной грамоты был использован факт, когда в 1556 г. Якову Гневашеву Бестужеву был дан город Серебож. Подделали Бестужевы, как доказал А. А. Зимин, и местническую грамоту 1509 г., где упоминается окольный Матвей Яковлевич Бестужев [3, с. 408—409]. К сожалению, все исследователи пользовались не подлинным текстом из дела Бестужевых, а реконструкцией, сделанной еще А. В. Толстым и опубликованной А. И. Юшковым и И. А. Голубцовым [31, с. 7—8; 32, с. 109—110]. Не вдаваясь в специальный анализ грамоты, который до сих пор не проведен, отметим, что она сохранилась в деле XVII в. в двух черновых вариантах, имеющих некоторые отличия в тексте. Оба текста жалованной грамоты составлены в 3-м лице. Начало одного: «В 6977-м (1469) году князь великий Иван Васильевич всеа России пожаловал»; начало другого: «В 6977-м году августа в 8 день великий князь Иван Васильевич всеа России пожаловал...» [25, л. 3; 23]. Во втором варианте подпись великого князя сделана в первом лице: «А дал яз, князь великий Иван Васильевич ему сию грамоту лета 6977-го году августа в 8 день».

Никто из исследователей не сомневался в подделке этой грамоты, но если Д. Ф. Кобеко считает, что легенда о выезде также придумана в конце XVII в., то А. А. Зимин полагает, что приезд Гаврила Беста в 1403 г. в Москву мог иметь место.

Первая роспись Бестужевых, поданная в 1686 г., и связанные с ней документы не сохранились. Сейчас существует дело 1699 г., где на основании

росписи 1686 г. и полученной из Лондона справки Бестужевы просят разрешить им писаться Бестужевыми-Рюмиными, чтобы выделиться среди своих однофамильцев.

В росписи, поданной Бестужевыми, выезд их предка датирован 1403 г., грамота, данная его сыну — 1469 г., а деятельность внука Гавриила Беста — Матвея Яковлевича упомянута под 1476—1509 гг. Внук Матвея Яковлевича Андрей Васильевич записан в Тысячной книге 1550 г. по Суздалю. Итак, на 150 лет в росписи упомянуто пять поколений, что само по себе не противоречит генеалогическому счету, но разрыв в 66 лет между датой выезда Гавриила и упоминанием его сына все-таки велик. Это тем более вызывает сомнения, что ни боярин Яков Рюма Бестужев, ни окольный Матвей Яковлевич нигде в русских источниках не упоминаются [3, с. 408—412].

В достоверности легенды Бестужевых А. А. Зимина убеждает грамота, полученная из «гербовой палаты» Лондона. В ней указано, что в Англии есть древняя дворянская фамилия Бестиоров, один из представителей которой — Габрелус Бест около 1403 г. «в странах отдаленных странствовать отошел есть и яко мним в королевство Московское» [25, л. 5].

В этой справке нет указаний на точное родство Габрелуса Беста с какой-либо английской семьей и описания герба, зато настораживают дата 1403 г., совпадающая с родословной легендой Бестужевых, и упоминание о Московском королевстве, отсутствующее в других документах и не применимое к России начала XV в. В справке нет дополнительных данных к легенде, что позволяет усомниться в ее достоверности. В легенде нет упоминаний о крещении Габрелуса Беста, о его имени на Руси. Не соответствует правилам образования фамилий и форма Бестужевы. От прозвища Бест должна образоваться форма Бестовы; фамилия Бестужевы произошла от прозвища Бестуж. Предположение А. А. Зимина о том, что Бестуж могло быть осмыслением непонятого на Руси прозвища Бест, сомнительно, поскольку английское прозвище по звучанию почти совпадает с хорошо известным русским словом «бес».

В отличие от переводчиков Посольского приказа, которые подбирали новые данные о происхождении фамилий, выписывая их из польских книг, из Англии не было прислано ничего нового о происхождении Бестужевых по сравнению с тем, что записано в их родословии. Но сама идея — запросить сведения о происхождении, воспользовавшись поездкой русских послов в Англию, связана с существующей в XVII в. практикой Посольского приказа получать доказательства о дворянстве иностранцев у представителей посольств из их страны. И Бестужевы принадлежали к тем дворянским семьям России, расцвет карьеры которых падает на XVII в.

Некоторые семьи, не имевшие права подавать официальные росписи, иногда составляли частные родословные сборники, где в официальные документы XVI в. включались сведения об их предках.

Одним из наиболее известных является сборник Супоневых XVII в., куда вошли список родословной книги, разряды, Тысячная книга 1550 г. и другие документы. Сборник неоднократно был предметом исследования [33, с. 33—36; 1, с. 72]. Предки Супоневых (каждый из них имел прозвище Суп) путешествовали по странам Европы вплоть до Испании и породнились с несколькими королевскими домами [3, с. 412—418]. Фантастичность самой легенды и фальсификации, сделанные в сборнике Супоневых, подробно проанализированы. Остается отметить, что по форме изложения материала эта легенда близка к некоторым расспросным речам XVII в. (Салтыкова, Лохмановского). Форма легенды не была плодом чистой выдумки Супоневых, они использовали существовавшую в XVII в. практику оформления официальных документов. Очевидно, понимая, что такой рас-

сказ не может быть утвержден Палатой родословных дел, легенду никуда не представили, а роспись включили в специально составленный сборник.

Генеалогические материалы XVII в. показывают, что в 80-е годы XVII в. проявляются новые традиции проверки сведений родовых легенд в родословных росписях [34]. При приписке новых ветвей к княжеским и боярским родам, внесенным в родословные книги еще в XVI в., лица, подававшие роспись (Кропоткины, Татищевы и др.), записывали в нее непрерывный ряд предков вплоть до лица, уже имевшегося в книге, которого они считали основателем их семьи. Их сведения подтверждали однородцы, которые, кстати, давали согласие на эту приписку. Здесь продолжается традиция, сложившаяся в России в XVI в. Дворянские роды, впервые в XVII в. подавшие росписи, лишь указывали своего предка в польских источниках и не всегда составляли непрерывную поколенную роспись между ним и собой.

Это явление имеет своим истоком делопроизводственную практику Посольского приказа XVII в., связанную с оформлением дел о выезде дворян из стран Европы. Для лиц, приехавших в это время в Москву, требовалось лишь назвать и официально подтвердить свою принадлежность к определенной семье. Этого было достаточно, чтобы определить социальное положение только что обосновавшегося в России рода. И совершенно иным было стремление старых русских дворянских семей приписаться к польским гербам, используя для этого традиции переводной литературы.

К сожалению, недостаточно изучен социальный состав лиц, удревнивший свое родословие до XI—XII вв. за счет польских источников, но очевидно, что большинство из них — видные политические деятели второй половины XVII в., происходившие из рядовых дворянских семей, которые в XVI в. не были внесены в родословные книги.

Достоверность родословных легенд нельзя проверять, лишь анализируя содержащиеся в них факты. Не менее важно сопоставить ряд легенд, созданных одновременно. Это позволяет выявить в них записи, относящиеся не столько к истории семьи, сколько к генеалогическим традициям своего времени. В частности, русская генеалогия второй половины XVII в. значительно расширила свои источники за счет польской литературы и переняла из нее новую методику составления росписей, которая не требовала непрерывного ряда предков от родоначальника до его потомка, подавшего роспись. Однако эти новшества совершенно не отразились на росписях, восходящих к XVI в., а лишь были использованы при составлении оригинальных документов XVII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975.
2. *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962.
3. *Зимин А. А.* К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI—XVII вв.— Труды МГИАИ, т. 17. М., 1963.
4. Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. М., 1978.
5. Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977, ч. I.
6. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Минск, 1960.
7. ЦГАДА, ф. 150, 1646 г., ед. хр. 3.
8. ЦГАДА, ф. 150, 1684 г., ед. хр. 7.
9. ЦГАДА, ф. 150, 1686 г., ед. хр. 2.
10. ЦГАДА, ф. 150, 1689 г., ед. хр. 7.
11. ЦГАДА, ф. 286, ед. хр. 333.
12. ЦГАДА, ф. 150, 1649 г., ед. хр. 9.

13. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
14. ЦГАДА, ф. 150, 1662 г., ед. хр. 5.
15. *Кудрявцев И. М.* «Издательская» деятельность Посольского приказа (к истории русской рукописной книги второй половины XVII в.).— Книга, вып. VIII. М., 1963.
16. *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966.
17. *Мыльников А. С.* «Родословие» Лаврентия Хурелича.— Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1976. М., 1977.
18. ЦГАДА, ф. 181, ед. хр. 58.
19. *Лимонов Ю. А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII вв. Л., 1978.
20. *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XV—XVII вв. СПб., 1903.
21. *Dworzaczek W.* Genealogia. Warszawa, 1959.
22. ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 61.
23. *Белокуров С. А.* О Посольском приказе. М., 1906.
24. ЦГАДА, ф. 210, оп. 18, ед. хр. 78.
25. ЦГАДА, ф. 210, оп. 18, ед. хр. 156.
26. *Лихачев Н. П.* Вкладная запись выдающегося генеалогического интереса.— Известия русского генеалогического общества, вып. 2. СПб., 1903.
27. ЦГАДА, ф. 210, оп. 18, ед. хр. 80.
28. ЦГАДА, ф. 210, оп. 18, ед. хр. 61.
29. *Кобеко Д. Ф.* О разработке генеалогических данных в смысле пособия для русской археологии.— Записки русского археологического общества, т. II, вып. 3. Новая серия. СПб., 1887.
30. *Кобеко Д. Ф.* К родословной Бестужевых-Рюминых.— Записки русского археологического общества, т. IV, вып. 2. Новая серия. СПб., 1889.
31. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачевым, кн. 3. СПб., 1859.
32. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в., т. III. М., 1962.
33. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.— Л., 1950.
34. *Вычкова М. Е.* Из истории создания родословных росписей конца XVII в. и Бархатной книги.— Вспомогательные исторические дисциплины, вып. XII. Л., 1981.

ВЕРЕЩАГИН Е. М.

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОГО ТЕМНОГО МЕСТА В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО

В конце 50-х годов И. Юфу привлек внимание исследователей деятельность Иоанна Экзарха к похвальному слову Иоанну Богослову, находящемуся в так называемом Германовом сборнике — собрании гомилий, аналогичном Клоцову сборнику и Супрасльской рукописи [1]. Сборник датирован 1359 г., однако путем отождествления упомянутого в памятнике митрополита Германа с патриархом Германом-Гавриилом (главой болгарской церкви времени царя Самуила), а в первую очередь на основании языковых признаков Д. Иванова-Мирчева отнесла протограф сборника к X в. [2]. Сам И. Юфу безоговорочно признал Иоанна Экзарха автором «Похвалы апостолу и евангелисту Иоанну».

В составе этой «Похвалы» содержится самостоятельное и законченное повествование о некоем юноше, которого обратил и затем спас от духовной смерти Иоанн Богослов. Это «Слово о юноше» не принадлежит Иоанну Экзарху. Сюжет восходит к Клименту Александрийскому; он включен в ткань его пространной книги *Τὸς ὁ σωζόμενος πλοῦσιος;* («*Quis dives salvetur?*» — «Какой богат спасается?») [3]. Климент оптимистически смотрел на судьбу даже весьма больших грешников [4, S. 114—121; 5, S. 190—197], и «Слово о юноше» весьма наглядно иллюстрирует мысль о спасительном действии подлинного раскаяния, поддерживая ее к тому же авторитетом апостола. Климент умер до 215 г., но «Слово», возникшее на рубеже III в., не было забыто и не затерялось. Евсевий Кесарийский в IV в. включил его — без каких-либо изменений — в свои знаменитые книги [3]. Анастасий Синаит (VI в.) воспроизвел его в гомилии на 6-й псалом, но уже в хотя и близком, но все же пересказе [6, t. 89, col. 1108—1109]. В X в. Симеон Метафраст (младший современник Иоанна Экзарха) включил сюжет о спасении юноши в свое минейное Житие апостола, причем с еще большими переделками [6, t. 116, col. 693, 696, 697]. Модификации «Слова» продолжались и в дальнейшем: оно, как правило, входит во все как рукописные, так и печатные греческие минологи-синаксари [7, S. 361]. Остается сказать, что «Слово» наличествует в одной из наиболее читавшихся славянских книг — в Прологе [8—10].

«Слово о юноше» Германова сборника, таким образом, не создано Иоанном Экзархом заново. Речь может идти или (во-первых) о том, что он его перевел с греческого, или (во-вторых) о том, что он его с большей или меньшей степенью свободы пересказал. Вторая возможность отнюдь не невероятна: достаточно указать на приемы сжатия или расширения исходного греческого текста, которые можно наблюдать в Иоанновых сла-

вянских «Шестоднев» и «Богословии». Обе возможности нашли своих сторонников. П. Олтяну сравнил славянское «Слово» с греческими редакциями Климента Александрийского и Симеона Метафраста — версия Анастасия Синаита осталась ему неизвестной — и обнаружил значительные расхождения между ними [11]. Хотя по мнению Олтяну, Иоанн Экзарх все же выступил в роли переводчика, Д. Иванова-Мирчева настаивала на точке зрения, согласно которой Иоанн Экзарх не просто перевел «Слово» по Клименту и по Симеону, а творчески переработал оба источника [12, с. 123—124]. В настоящее время спор можно считать окончательным. Г. Кейперт в 1974 г. указал на редакцию «Слова» Анастасия Синаита, которая не частично, а полностью соответствует славянскому тексту, так что переводный характер славянского текста стал очевидным [13].

Таковы первоначальные замечания об источниках, которые анализируются в настоящей статье — мы сравниваем «Слово о юноше» из «Похвалы апостолу и евангелисту Иоанну» Германова сборника (по изданию Д. Ивановой-Мирчевой [12, с. 175—179]) с соответствующим греческим словом Гомилии на 6-й псалом Анастасия Синаита (по «Патрологии» Миня; [6, т. 89, col. 1108—1109]).

Переходим теперь к постановке проблемы. Для этого требуется кратко и схематично пересказать содержание «Слова о юноше».

Странствующий апостол Иоанн в одном малоазийском городе встречает некоего юношу-язычника, распознает его благородную душу и намеревается окрестить. Однако апостолу необходимо продолжить странствие, и у него нет времени самому наставить юношу в подготовке к обряду. Поэтому Иоанн передает его местному епископу. По обычаю того времени епископ длительное время обучает юношу (подвергает его катехизации — оглашению), а после этого крестит. Затем епископ уже не уделяет юноше должного внимания, и тот попадает в дурное общество. В конце концов разбойники увлекают юношу в горы, где он, отличаясь большой силой, скоро становится их главарем, совершает тяжкие преступления и проливает кровь. Возвратившийся в город Иоанн узнает о духовной смерти юноши. Апостол, невзирая на старческие немощи, немедленно садится на коня, отправляется в горы и находит грешника. Сначала юноша не верит в возможность для себя прощения и бежит от Иоанна, но Иоанн упорно уверяет его, что пришел отпустить ему грехи.

И здесь имеет место эпизод, интересующий нас. Таче ста юноша, покрѣтъ оржкѣне трепещѣ и плача сѣ (κλαίων) сѣло и прѣтѣплѣ Иосана, цѣлоба (ἡσπάσατο), ти задрзаниемѣ сѣзѣз (ταῖς οἰμωγαῖς τῶν δακρύων), никакъже откѣтъ дати може, тѣчиж же деснѣж рѣкѣ, одинако крѣвакѣ сѣщѣ (ἐτι αὐτὴν ἤμαχμένην) показаше. Я Иосанѣ десницѣ разбойнича цѣлокадше (κατεφίλει; в греческом источнике добавлено: τῷ ἑαυτοῦ στόματι т. е. собственными устами), ꙗкоже оуже крѣщенѣ и очистикшѣ сѣ сѣзѣзѣми (ἤδη βαπτισθεῖσαν τοῖς δάκρυσι).

Заканчивается «Слово» нравоучительной частью: в самом большом грехе не следует предаваться отчаянию.

Отмеченный нами эпизод содержит в себе место, представляющееся темным — по крайней мере с точки зрения современного сознания. Ярко и необычно, конечно, что апостол поцеловал¹ обагренную кровью руку разбойника. Но еще необычнее, что в славянском тексте рука названа *крещенной* (причастная форма). Д. Иванова-Мирчева в переводе на сов-

¹ В данном случае цѣловати несомненно, означает 'прикасаться губами', а не 'приветствовать'. Во-первых, в греческом источнике есть уточнение: собственными устами. А, во-вторых, здесь цѣловати соответствует κατεφίλω ('прикасаться губами'), а не ἀσπάζομαι ('приветствовать'), как в предыдущей фразе нашего текста.

ременный болгарский язык сохраняет это именование: *А Йоан целуваше разбойническата рѣка, вече кръстена и очистена чрез сълзите.*

Глагол *кръстити*, производный от имени *кръста*, как хорошо известно, является заимствованием (из готского или древневерхнемецкого)² и не имеет иной семантики, кроме заимствованной, терминологической: *кръстити* — значит через специальный обряд преподать вновь обращенному в христианство («оглашенному») таинство, благодаря которому он становится полным членом церкви [15]. Вне привязанности к обряду глагол *кръстити* не употребляется.

Иначе обстоит дело с греческим глаголом *βαπτίζω*, который в нашем материале, да и во всей переводной славянской письменности соответствует *кръстити*. Будучи производным от *βάπτω*, этот глагол в первую очередь означает 'омочить, погрузить в воду, искупать, омыть'. Такова его обиходная семантика (1), и ее этот глагол разделяет с целым рядом других, синонимичных: *λούω*, *νίπτω*, *πλόω*, *ραίνω*³. Развитие семантики *βαπτίζω* шло по линии терминологизации. Сначала он стал применяться по отношению к любым ритуальным омовениям (2), столь распространенным на Востоке, в том числе и к омовениям предметов. Затем — преимущественно в греческом Новом Завете — глагол стал означать омовения, не столько связанные с соблюдением чистоты, сколько с символической (раскаяния, принятия какого-либо учения и т. д.), — таковы так называемые *βάπτισμα*, символические «купания» (3). Например, через баптизму проходили последователи новозаветного пророка Иоанна Предтечи, «Ивана Купалы». Естественно, во всех этих омовениях и купаниях совершенно отсутствует образ креста (выступающий на первый план в глаголе *кръстити*) — Иоанн Предтеча «купал» народ до распятия Иисуса Христа (ведь и сам Иисус прошел через этот ритуал). Образ креста появляется лишь в христианской баптизме (4), которую по установлению, особенно отчетливо выраженному в формуле Мф 28, 19⁴, проходили все последователи новозаветной церкви (именно ее, кстати, прошел и юноша, впоследствии ставший разбойником).

Таким образом, глагол *βαπτίζω* полисемантичен: развитие его семантики привело к расширению спектра значений до четырех. Подчеркнем, что ни одно из значений при этом не было утрачено, так что даже для патристической литературы (практически до исхода первого тысячелетия н. э.) все четыре значения сохраняют свою актуальность [18, р. 283—288]. Изложенное позволяет предположить, что Анастасий Синаит, употребив глагол *βαπτίζω*, имел в виду его обиходную семантику (I), т. е. хотел просто-напросто сказать, что обильные слезы отмыли руку разбойника от крови. Если это предположение справедливо, то исходный греческий текст не содержит в себе никакой загадки и отнюдь не является темным. В поддержку предположения говорит и следующее наблюдение: Иоанн Экзарх, безусловно, владел обиходной семантикой (I) глагола *βαπτίζω*, потому что он перевел *βαπτισθεῖσαν* дважды — и как *кръщенъ* и как *очистишиъ ѿ*.

Однако почему же в таком случае Иоанн Экзарх вообще воспользовался терминологическим глаголом *кръстити*? Иными словами, мы задаем вопрос: возникла отмеченная раньше (повторяем: для современного сознания) темнота текста в результате решения переводчика или она объективно содержалась в исходной греческой Гомилии и лишь сохранена Иоанном Экзархом. Вопрос этот, по нашему мнению, имеет не частное, а общее значение, поскольку мы рассматриваем один из центральных эле-

² Сводку этимологий см. [14].

³ Тонкий анализ дифференциации этих глаголов см. [16].

⁴ Здесь и ниже используются сокращения имен евангелистов: Мф — Матфей, Мк — Марк, Лк — Лука, Ин — Иоанн. Греческий текст цитируется по [17].

ментов возникавшей (в творчестве Кирилла и Мефодия, а также их непосредственных последователей) славянской теолого-литургической терминологической системы.

Исследуем обе возможности, заключенные в альтернативном вопросе.

Сначала о вероятном привнесении Иоанном Экзархом семы христианской баптизмы (4), которая — предположим — отсутствовала в переводимом тексте. Эта возможность вполне реальна, и она немедленно приходит на ум любому, кто знаком с практикой первоначальных славянских переводов.

Хотя все четыре семы βαπτίζω сохраняли свою актуальность, все же частотность их употребления в новозаветной и патристической литературе была весьма неодинаковой. С течением времени сема (3) (баптизма Иоанна Предтечи) и особенно сема (4) (христианская баптизма: обряд погружения в воду с произнесением троичной формулы и с преподанием креста) стали безраздельно господствовать. Правда, в евангельских книгах глагол βαπτίζω и производное имя βαπτισμός еще используются для обозначения ритуальных омовений (2), но таких случаев всего три (Мк 7,4⁶ с зависящим от него стихом 7,8; Лк, 11, 38). Все остальные многочисленные употребления как глагола, так и производных имен выражают или сему (3), или сему (4)⁶.

Славянские первоучители Кирилл и Мефодий, трудясь над переводом Евангелия, поставили в соответствии βαπτίζω два славянских глагола — в зависимости от выражаемых сем. Там, где были представлены семы (1) или (2), употреблялся общезыковой, обиходный глагол покжпати (са). Ср.: Мк 7,3—4⁷ *баси иудеи /.../ аште не покжпатгз са (ἐὰν μὴ βαπτίζωνται) не ђдггз. Если же греческий глагол актуализировал семы (3) и (4), то солунские братья регулярно, практически без исключений, прибегали к терминологическому глаголу крстити. Пример для семы (3): Ин 1,28 си ка китании бзшла об онз полз иорздана. идеже вѣ иоанз крстга (βαπτίζων). Пример для семы (4): Мф 28,19 шддше оубо наоучите вса ѡзкз. крсташте ѡ ка има отца и сына и стгаго дха (βαπτίζοντες αὐτούς...).*

Связь βαπτίζω — крстити была очень тесной, поскольку она возникла на каждом шагу. А соответствие βαπτίζω — покжпати (са) встретилося всего один раз! Привычность, даже рутинность перевода βαπτίζω терминологическим соответствием крстити — а только с таким соответствием первоучители столкнулись при переводе необходимых для богослужения евхология и орология⁸, — привели к тому, что связь βαπτίζω — крстити стала столь же неразрывно прочной, как, скажем, θεός — богз или υἱός — сынз. Мы наблюдаем тот случай одно-однозначного соответствия между греческим и славянским словами, который типичен для терминологической лексики [21].

Возникшее и укрепившееся одно-однозначное соответствие распространилось в переводах и на те контексты, в которых греческий источник явно актуализировал семы (1) и (2). Например, Иисус не исполнил перед едой обязательного обряда омовения, и фарисей дикз са ђко не прѣжде крстга са (οὐ πρότον ἐβαπτίσθη) прѣкте скѣда (Лк 11,38). Здесь, конечно, не имеется в виду ритуальная баптизма — фарисей говорит о ежедневном очистительном обряде. В другом месте Иисус обличает иудейско-фарисейские представления о формальной чистоте, и в Мк 7,4 (а также в Мк 7,8) читается: иудеи /.../ пригса држжати. крштгениѣ стгакланицамз (βαπτί-

⁶ В этом стихе наличествуют как глагол, так и имя.

⁷ Полный перечень всех употреблений см. [19].

⁸ Цитируем по Мариинскому евангелию в издании И. В. Ягича.

⁹ О круге первоначально переведенных книг см. [20].

σμός ποιήσιον) и чкѣномъ. I котъломъ и одромъ. Домашняя утварь. естественно, ни в коем случае не подвергалась баптизму⁹.

Если, как видим, первоучители славян распространяли одно-однозначное соответствие в рассматриваемой паре слов на те контексты, в которых уместнее были бы нетерминологические глаголы типа покъпати, оумъйти, очистиѣти, то нетрудно предположить, что и Иоанн Экзарх в «Слове о душе» также употребил терминологический глагол на месте обиходного (точнее: вместе с обиходным).

На этом заканчивается анализ первой возможности понять темное место. Разбор второй возможности требует еще более глубокого погружения в духовные движения древности — как первых трех веков раннего христианства, так и развитого патристического периода. Таким образом, посмотрим, не содержалось ли в исходном греческом тексте основы для перевода βαπτίζω именно термином κρῆστιγι.

Психологически мы вправе ожидать от Иоанна Экзарха не произвола и тем более не ошибки, а как раз верности переводимым мыслям. Иоанн Экзарх опытен и искусен в переводах: работая над «Шестодневом» и «Богословием», он великолепно справился с, казалось бы, непреодолимыми трудностями. Он ясно осознавал, что в переводах нельзя держаться буквализма — книги переводятся, по его убеждению, разумомъ ради, а не гл҃ьма гл҃ъ истокъи хъ радѣма [25]. Следовательно, если бы славянский текст оказывался лишенным смысла, то Иоанн Экзарх, безусловно, подыскал бы не формальное, а содержательное славянское соответствие. Этот argumentum ad hominem имеет, конечно, значение психологической мотивировки, но не может служить прямым доказательством. Гораздо важнее другие обстоятельства.

Как известно, в Никео-Царьградском символе веры четко и недвусмысленно утверждается, что крещение неповторимо и может быть только одно: ομολογῶ ἐν βαπτισμᾷ, ἰσχυροῦς ἑνὸς κρῆστιμι. Это установление настолько прочно вошло в христианское сознание того времени и укоренилось в нем, что повторные крещения — анабаптизмы — соотносятся только уже с эпохой протестантизма. Между тем установление Символа веры потому и потребовалось, что мнение о принципиальной допустимости анабаптизм и даже многократных крещений в раннем христианстве присутствовало.

Мы упоминали, что сюжет «Слова о юноше» восходит к Клименту Александрийскому. Анастасий Синаит не просто переписал «Слово» из книги Климента «Какой богач спасется?» (как это сделал Евсевий Кесарийский), а пересказал источник своими словами, перефразировал его, как это сделал в дальнейшем и Симеон Метафраст. А у Климента Александрийского эпизод, в котором фигурирует кровавая рука разбойника, изложен следующим образом: прозелθόντα δὲ τὸν γέροντα... καὶ τοῖς δάκρυσι βαπτίζομενος ἐκ δευτέρου, μόνην ἀποκρόπτων τὴν δεξιάν. Ὁ δὲ (т. е. апостол) αὐτὴν τὴν δεξιάν ὡς ὑπο τῆς μετανοίας καθαυμένην καταφιλῶν, ἐπὶ τὴν ἐκκλησίαν ἐπανηγάγε; (Юноша) «подошел к старцу, окрестившись слезами во второй раз, одну лишь скрывая правую руку. Тот же, ... поцеловав его десницу, которая была очищена покаянием, ввел его в церковь». Климент определенно и без обиняков говорит о втором крещении разбойника, причем не водой, а слезами.

Насколько характерна для христианства первого тысячелетия эта эксплицитно выраженная здесь идея второй баптизмы? Есть все основания считать, что, хотя Климент Александрийский известен как ученый

⁹ Подробности интерпретации этого стиха см. [22; 23]. Относительно иудейских предписаний о чистоте см., например, [24].

широких взглядов, правоверие которого подвергалось сомнению и на Западе и на Востоке (не случайно его имя отсутствует в месяцеловах как католиков, так и православных), данная мысль все же отнюдь не является достоянием одного-единственного человека и не представляет собой частного мнения.

Воспользовавшись сводкой сведений «Лексикона» Лампе [18, р. 332] и проверив их непосредственно по «Патрологии» Миня [6], мы можем констатировать довольно широкое распространение взгляда, согласно которому анабаптизм не только допустимы, но и в некоторых случаях просто необходимы.

Григорий Назианзин (329—389), из числа знаменитых Каппадокийских отцов, в 39-й Гомилии насчитывает целых пять баптизм: баптизму Моисея, баптизму Иоанна, баптизму Иисуса, баптизму исповедничеством (мученичеством) и кровью и как раз интересующую нас баптизму слезами. Он пишет: οἶδα καὶ πέμπτον ἔτι, τὸ τῶν δακρῶν ἀλλ' ἐπιπρότερον, ὡς ὁ λούων καθ' ἑκάστην νύκτα τὴν κλίνην αὐτοῦ καὶ τὴν στρωμνὴν τοῖς δάκρυσιν «знаю еще и пятую (баптизму), баптизму слез, но и самую трудную, когда человек омывает слезами каждую ночь ложе свое и постель свою» [6, t. 36, col. 356]. *Lacrymarum baptismus*, о котором здесь идет речь, Григорий иллюстрирует рядом примеров ветхо- и новозаветной истории.

Иоанн Хризостом (347—407), об авторитете которого нет нужды специально упоминать, второй баптизмом называет раскаяние апостола Петра, — по грехопадении Петр ἔρξατο κλαίειν, ἀλλ' οὐχ ἀπλῶς ἐκλαύσεν, ἀλλὰ πικρῶς, δεύτερον βαπτισμα διὰ τῶν δακρῶν ἐκ τῶν ὀφθαλμῶν ποιήσας «начал плакать, но не просто плакал, а горько, сотворив себе вторую баптизму слезами из очей» [6, t. 49, col. 298A].

Иоанн Лествичник (ок. 570—649), также весьма читаемый писатель, решительно признает крещение слезами даже выше обычной баптизмы водой (хотя он и оговаривается, что это его суждение является *τολμηρόν* дерзостью): μεῖζων τοῦ βαπτίσματος μετὰ τὸ βάπτισμα τῶν δακρῶν «выше баптизмы последующая баптизма слез». Это мнение автор всячески развивает и обосновывает, подчеркивая превосходство баптизмы в сознательном возврате перед баптизмом во младенчестве [6, t. 88, col. 804A].

Наконец, и сам Анастасий Синаит (ум. ок. 700), писания которого широко распространялись (в том числе и на Руси¹⁰), в другом месте Гомилии на 6-й псалом еще раз обращается к вопросу повторного крещения. Анастасий комментирует 7-й стих этого псалма, на который намекает Григорий Назианзин в приведенной выше выдержке, — *измѣнѣ на вѣдѣтѣж ѿсѣлѣ ложе мое: слѣзѣмѣ моими постелѣж мой оумочѣж*¹¹. Анастасий пишет: Καλῶς εἶπε, Λούσω, Ὡσπερ γὰρ διὰ τοῦ ἐν τῷ βαπτίσματι ὕδατος ἀναγεννώμεθα, οὕτω διὰ δακρῶν καὶ κατανώξεως ἀναβαπτίζομενοι καθαιρόμεθα, «Хорошо сказано: *омою*. Как мы заново родились в воде баптизмы, так и очистились, будучи вновь крещены слезами и сокрушением» [6, t. 89, col. 1129C]. Анастасий, как видим, употребляет глагол *ἀναβαπτίζω* — впоследствии он также станет теолого-литургическим термином.

Таким образом, теологическое учение об анабаптизме не водой, а слезами имело широкое распространение — во всяком случае, оно представлено в трудах наиболее авторитетных и читавшихся писателей. Напомним, что Иоанн Экзарх заимствовал «Слово о юноше» именно из Гомилии Анастасия на 6-й псалом, так что ему, конечно, были хорошо известны взгляды Анастасия на вторую баптизму. Переключка же между эпизодом, в котором говорится об окровавленной руке юноши-разбойника, и мыс-

¹⁰ В частности, на Руси была хорошо известна Гомилия на 6-й псалом. См. подробнее [26].

¹¹ Цитируем Синайскую псалтырь в издании С. Северьянова.

лю, развитой в толковании на 7-й стих — совершенно очевидна, и она, естественно, едва ли бы ускользнула от взора такого пронизательного и образованного человека, каким по его переводам представляется Иоанн Экзарх.

Следовательно, с большой долей уверенности можно утверждать, что Иоанну Экзарху было хорошо известно теологическое положение о допустимости и даже (в силу нравственной высоты) желательности второй баптизмы, баптизмы слезами — как из духовной атмосферы его времени, так и непосредственно из того источника (Гомилия Анастасия), откуда болгарский просветитель заимствовал «Слово о юноше». Если это так, то при переводе эпизода «Слова», в котором встретился глагол βαπτίζω, Иоанн Экзарх находился под воздействием общей духовной атмосферы своей эпохи, и ему пришлось проявить осмотрительность, чтобы не свети важный акт внутреннего перерождения человека к несущественному физическому акту омовения или же, напротив, чтобы не принять второе за первое.

Между тем не только широкий контекст эпохи, но и непосредственный, ближайший контекст «Слова» определенно подсказывает, что имеется в виду именно вторая баптизма. Прежде всего, здесь присутствует ключевое для второй баптизмы слово δάκρυα 'слезы': ...τὴν δεξιὰν τοῦ ληστοῦ κατερίβει, ὡς ἤδη βαπτισθεῖσαν τοῖς δάκρυσι δεσницѣ разбойника цѣлокаше, ꙗко оуже крѣщенѣ и очистихѣ ѿ слѣзѣми. Кроме того, далее говорится о повторном введении, возвращении юноши в церковь: апостол Иоанн не оставил его, дождеже ѿ собоѣ кѣ цркви и кѣкѣде. Наконец, упоминается о раскаянии, искренне испытанном юношей: дажъ крѣтѣмъ ѡбразъ покаѣния (ὁπόδειγμα μετανοίας). Как видим, наличествуют — и в исчерпывающей полноте — все признаки второй баптизмы: слезы, покаяние и возвращение в церковь.

На основании изложенного мы приходим к выводу, что Иоанн вполне правильно выбрал крѣтити в качестве соответствия βαπτίζω, — в рассматриваемом эпизоде определенно актуализировалась сема (4). Иоанн Экзарх отнюдь не механически воспроизвел в своем переводе устойчивую терминологическую связь βαπτίζω крѣтити там, где были бы уместны исключительно глаголы типа измѣити, смѣити, оумѣити; ѡкѡпати, очистити. Мы видим вполне сознательный и осмысленный перевод.

Тем не менее, греческий текст не исключал также возможности понять βαπτίζω как обиходный глагол, выражающий сему (1).

В подобной затруднительной ситуации, столкнувшись со словом источника, одновременно несущим две семы, не совмещаемые в одном славянском слове, Иоанн Экзарх принимает творческое и контекстуально оправданное решение: он передает о д н о греческое слово д в у м я славянскими. Он поставил в соответствие причастию βαπτισθεῖσα и славянский теологический термин, и славянское обиходное слово: крѣщена очистихѣ ѿ.

Так возник перевод, который нельзя характеризовать иначе, как очень бережный и в высшей мере адекватный по отношению к своему исходному тексту.

Исходный текст труден для интерпретации, и его не понять вне литературной истории сюжета. У Климента Александрийского все ясно: он в одном месте говорит о том, что юноша был τοῖς δάκρυσι βαπτισόμενος, а в другом месте — совсем отдельно — о том, что апостол поцеловал правую руку разбойника, ὡς ὑπὸ τῆς μετανοίας κεκαθαρίμενην «поскольку она была очищена покаянием». Столь же ясен и недвусмыслен материал Симеона Метафраста: у него мысль о крещении слезами исчезает совершенно, — к X веку теологические воззрения на желательность второго

крещения сменились строгими догматическими запретами (а пересказы Симеона были полностью созвучны современным ему взглядам), — хотя эпизод с десницей сохраняется. В последующих версиях «Слова о юноше» (например, в болгарских дамаскинах или в русских минеях-четьих, даже самых «простонародных») рассказ о деснице неукоснительно присутствует, но нет никаких следов второй крестизма [27—29]. Редакция Анастасия Синаита имеет промежуточный характер: в ней устранение второй крестизмы намечилось (кстати, по «Лексикону» Лампе, Анастасий — последний из отцов церкви, у которого еще сохраняется благожелательный взгляд на вторую крестизму), но не дошло до конца. Анастасий соединил суждения, расчлененные у Климента, и (не без «дипломатической хитрости») предоставил читателю самому решать, понимать βαπτισμα терминологически или же в обиходном смысле.

На этом мы завершаем толкование места, темного для сознания нашего современника. То, что на первый взгляд кажется ошибкой, в конечном итоге может быть расценено как творческое достижение. Осмыслить темное место возможно только одним путем: погружением в духовную атмосферу эпох, которым принадлежат как исходный греческий, так и переведенный славянский тексты. В нашем конкретном случае именно греческая словесность позволила понять славянский литературный факт.

В заключение несколько общефилологических соображений.

Предметом филологии согласно устойчивой научной традиции, является культура, прежде всего духовная, содержащаяся в языке, письменности — не один лишь язык и не тексты сами по себе, а именно культура [30—33]. Конкретизируя это определение, И. А. Бодуэн де Куртене объявил филологию «своего рода энциклопедией, в которой найдется место и для истории общих понятий, т. е. истории философии; и для истории литературного творчества и умственного движения, т. е. истории литературы; и для истории общества и политико-социальной борьбы, т. е. так называемой всеобщей истории; и для истории правовой организации, для истории обычного права и законодательства; и для истории обычаев и нравов, т. е. этнологии; и для истории поверий, т. е. мифологии; и для истории языка и грамматики в широком смысле этого слова, т. е. языкознания» [34].

В. В. Виноградов высказывал аналогичные мысли применительно к филологическому чтению древнеславянских, древнерусских текстов. Подчеркивая, что древние тексты «возникают и строятся на семантической и образно-идеологической базе, типичной для духовной культуры средневековья», он, в частности — разделяя взгляды Д. С. Лихачева — писал: «древнерусская литература насквозь пронизана богословием», поэтому для ее понимания необходимо «уменьше уловить и схватить внутренние закономерности мировоззрения и духовной культуры» [35]. На многочисленных примерах В. В. Виноградов продемонстрировал, насколько адекватное понимание древней литературы затруднено для современного ученого, если он остается в пределах языковедческого или литературоведческого анализа. Требуется культуроведческий подход.

Наши разыскания, помещенные выше, как раз и построены на принципах культуроведческого подхода. Весь ход исследовательской процедуры убеждает, что первоначальное восприятие древних текстов (сквозь призму современного сознания) должно уступить место «вживанию», «вчувствованию» в ту образно-идеологическую базу духовных движений прошлого, о которой упоминал В. В. Виноградов.

Поскольку славянские тексты, возникшие в эпоху деятельности Кирилла и Мефодия и их непосредственных учеников, «пронизаны богословием», на повестку дня ставится изучение лексики теолого-литургической

сферы — терминов как сложившихся, так и находящихся на стадии формирования¹². Так, в том же «Слове о юноше» представлен еще целый ряд ключевых философских и теологических терминов: кѣро слово, праздни-ство, кесели на зао мѣжии, гровокопаниа, поствакити, неразумѣние, изкѣстанз, прокоуданкз, стражз, пастырз, забвѣдиги, оубогз, прѣстзнии. Термин оглашати из «Слова» мы рассматриваем в другом месте [37]. Если же иметь в виду вообще всю «Похвалу Иоанну Богослову», то на ее материале возможны чрезвычайно показательные разыскания в области становления славянской терминологии. В «Похвале» довольно много дублетов терминов, тех форм и вариантов, которые затем не удержались. Например, в качестве соответствия ключевому греческому термину ἀχωρίστος (атрибут Троицы) Иоанн Экзарх дает прилагательное нерастгжпанз/нерастгжпомстанз, вытесненный впоследствии термином нераздѣланз. Можно указать еще несколько подобных пар: бгослокацз/бгослокз, творителя/творецз, иноцадзий/единородазий, здание/тварз. Поскольку лексика с теологическими обертонами и складывающаяся терминология занимают центральное место в лексической системе древнеболгарского литературного языка, их анализ, в первую очередь семантический, направленный на выявление греческого влияния и самостоятельного славянского элемента, весьма актуален¹³.

Несколько модифицируя афоризм Г. Шухардта, можно сказать: «История идей проливает свет на историю слов, а история слов — на историю идей».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Iuŭu I.* Sbornicul lui Gherman (1359). — Ortodoxia, 1960, № XII, s. 2.
2. *Иванова-Мирчева Д.* «Германов сборник» — български писмен паметник от X в. в препис от 1359 г. — Български език, 1965, № 4—5.
3. *Clemens Alexandrinus.* 3. Bd. Hrgb. von Stählin O. Neu hrgb. von L. Füchtel. Berlin, 1970.
4. *Bardenhewer O.* Patrologie. Freiburg i Br., 1901.
5. *Altaner B., Stuibler A.* Patrologie. Freiburg — Basel — Wien, 1978.
6. *Patrologia Graeca.* Ed. Migne J.—P.
7. *Lipsius R. A.* Die apokrythen Apostelgeschichten und Apostellegenden, I. Bd., Braunschweig, 1883 (Neudruck: Amsterdam, 1976).
8. (*архип.*) *Сергий.* Полный месяцеслов Востока, т. I, изд. 2. Владимир, 1901.
9. *Бубнов Н. Д.* Славяно-русские прологи. — В кн.: Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. I. М., 1973.
10. Литературный сборник XVII в. Пролог. М., 1978.
11. *Olteanu P.* Contribuții la studiul literaturii omiletice în vechile literaturi bulgară și română. — Romanoslavica, № XIV, București, 1967.
12. *Иванова-Мирчева Д.* Иоан Экзарх Български. Слова. Т. I. София, 1971.
13. *Keipert H.* Ein neues Werk Johannis des Exarchen? — Zeitschrift für slavische Philologie, 1974, XXXVII, S. 2.
14. *Sadnik L., Aitzemüller R.* Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955, S. 255.
15. *The Oxford Dictionary of Christian Church.* Ed. by Cross F. L. and Livingstone E. A. London, 1974, p. 126.
16. *Beasley—Murray G. R.* Βάπτω, βαπτίζω, βάπτισμα, βαπτισμός, λούω, απολούω, λουτρόν, νίπτω — In: Theologisches Begriffslexikon zum Neuen Testament. 2. Bd., 11. Lieferung. Wuppertal, 1970, S. 1205 ff.
17. *The Greek New Testament.* Ed. by Aland K., Black M., Martini C. M., Metzger B. M., Wikgren A. Stuttgart, 1975.
18. *A Patristic Greek Lexicon.* Ed. by Lampe G. W. H. Oxford, 1976.

¹² См. интересные наблюдения за процессом терминологизации общезыковой лексики [36].

¹³ К исследованиям подобного рода мы относим серию весьма насыщенных фактами публикаций М. Ф. Мурьинова [38—41].

19. *Bruder K.* TAMIEION... sive Concordantiae omnium Novi Testamenti Graeci. Göttingen, 1904.
20. *Тифлянов Б.* Богослужбният чин, преведен от братята Кирил и Методий в началото на моравската им мисия.— В кн.: Славистичен сборник. София, 1973.
21. *Верещагин Е. М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971, с. 78 и сл.
22. *Bauer W.* Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und der übrigen urchristlichen Literatur. Berlin, New York, 1971, S. 263.
23. *Rienecker F.* Sprachlicher Schlüssel zum Griechischen Neuen Testament. Gießen, 1970, S. 100.
24. *Bibeltheologisches Wörterbuch.* Hrgb. von Bauer J. B. 2. Bd. Graz—Wien—Köln, 1967, S. 1185 ff.
25. *Калайдович К. (Ф.)* Иоанн, ексарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю славянского языка и литературы IX—X столетий. М., 1824, с. 132.
26. *Архангельский А. С.* К изучению древнерусской литературы. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. СПб., 1888, с. 94.
27. *Иванова А.* Троянски дамаскин. София, 1967, с. 67.
28. *Демина Е. И.* Тихонравовский дамаскин. Исследование и текст. София, 1971, с. 87.
29. *Протопопов Д. И.* Жития святых. Т. 9. М., 1885, с. 489.
30. *Зелинский Ф. Ф.* Филология.— В кн.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 35А; с. 811.
31. *Малешин А. И.* Филологическая критика.— В кн.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 35А, с. 809.
32. *Аверинцев С. С.* Филология.— В кн.: Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. М., 1972, стлб. 973.
33. *Будагов Р. А.* О некоторых общих проблемах филологии.— Филологические науки, 1976, № 1, с. 21.
34. *Бодуэн де Куртене И. А.* Очерк истории языкознания или лингвистики (глоттологии) — В кн.: Теория и история языкознания (реферативный сборник), вып. 11. М., 1974, с. 201—202.
35. *Виноградов В. В.* Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры.— В кн.: *Виноградов В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, с. 272, 277.
36. *Аверинцев С. С.* Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда.— В кн.: Новое в современной классической филологии. М., 1979.
37. *Верещагин Е. М.* К дальнейшему изучению переводческого искусства Иоанна Экзарха Болгарского (доклад на международном симпозиуме; Шумен, сентябрь 1979 г.) (в печати).
38. *Мурьянов М. Ф.* Поэтика старославянизмов.— В кн.: Сравнительное изучение литератур. Л., 1976.
39. *Мурьянов М. Ф.* К семантическим закономерностям в лексике старославянского языка (рогъ и его связи).— Вопросы языкознания, 1979, № 2.
40. *Мурьянов М. Ф.* Об одном восточном мотиве у Пушкина.— В кн.: Пушкин в странах зарубежного Востока. Сборник статей. М., 1979.
41. *Мурьянов М. Ф.* Семантическая эволюция словосочетания *насущенный хлеб*.— Вопросы языкознания, 1980, № 1.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛЕКСИКИ

1. При характеристике словацких диалектов обычно отмечалась их дифференцированность, которая в географическом плане действительно выражена очень отчетливо и зачастую настолько значительна, что словацкие диалекты наряду с диалектами словенского языка относят к наиболее дифференцированным языковым образованиям. Богатая фонетическая и морфологическая дифференциация словацких диалектов была основой для характеристики отдельных диалектных групп; вместе с тем ее изучение помогало осветить неясные стороны нашего прошлого. Изучение диалектной дифференциации было особенно важно еще и потому, что сведения о распространении тех или иных диалектных особенностей нередко были единственным свидетельством о фазах развития нашего языка в древнейший период.

До сих пор, как правило, характеристика словацких диалектов строилась на основании их фонетических и морфологических особенностей. Ввиду того, что в 1965—1971 гг. при работе над Атласом словацкого языка нами был собран также лексический материал, хотелось бы обратиться к проблеме происхождения словацких диалектов, предприняв анализ тех особенностей словарного состава, которые на территории Словакии не дифференцируются или же дифференцируются минимально. Это, в основном, слова, известные и распространенные во всех словацких диалектах и в то же время встречающиеся в соседних славянских языках.

Мы полагаем, что именно этот слой слов, не представляющих отличий в территориальном плане (resp. представляющих минимальные территориальные отличия) отчетливо указывает на единую базу словацкого языка и на общее развитие всех словацких диалектов. Прежде чем перейти к этим вопросам, отметим, что не только значительная часть лексики является общей для всех словацких диалектов, но и в области фонетики и морфологии многие явления территориально не дифференцируются. Так, например, на месте праслав. **tort*, **tolt* для всех словацких диалектов характерны варианты *trat*, *tlat*, например, *vrapa*, *vrabec* (восточнословацкое *vrabel'*), *strana*, *slama*, *blato*. В этом случае ситуация в большинстве славянских языков иная (ср. чешск. *sláma*, польск., луж. *słoma*, русск., укр. *солома*, блр. *салома*, словен. *sláma*, сербохорв. *sláma*, макед., болг. *слама*).

Многие праславянские звуки представлены одинаковыми рефлексамии на всей словацкой территории; так, например, праслав. **ч* в словах *уž* (ср. чешск. *již/ůž*, в. луж. *juž/hižo/m*, польск. *już*, русск., укр. *уже*, блр. *ужо*); *mucha* (чешск. *moucha*), *kožuch* (чешск. *kožich*), *št'uka* (чешск.

štika). На месте исконного *g* во всех словацких диалектах находим звук *h* (ср. чешск., в.-луж. *hoga*, укр. *hoga*, блр. *gara*, н.-луж. *goga*, польск. *góra*, русск. *гора*, словен. *góra*, сербохорв. *gōra*, болг. *гора*, макед. *гора*).

Для словацких диалектов характерны группы слов, образованные при помощи общих суффиксов, например, имена со значением деятеля (слова на *-tel'*, *-ca*, *-č*, *-ník*, *-ec* и т. д.).

Из области морфологии можно отметить окончание *-m* в 1 л. ед. числа наст. времени всех типов глаголов, напр.: *nesiem*, *píšem*, *triem*, *pijem*, *miniem*, *radnem*, *robím*, *čítam*, *viem*, *som*. В других славянских языках обычно представлено несколько окончаний (ср. чешск. *nesem*, *píší*, *sedím*, *čtu*, *jsu*). Общими для всех словацких диалектов являются также многие падежные окончания имен существительных и прилагательных, местоимений и числительных, а также окончания глаголов разных типов. Однако наша первоочередная задача — обратить внимание на лексику, которая отчетливо указывает на общую основу словацкого языка и своей минимальной (resp. нулевой) дифференцированностью свидетельствует не только о единстве происхождения словацких диалектов, но одновременно и об общности их развития.

2. Вначале целесообразно привести примеры того слоя слов, который предстает на всей территории Словакии географически недифференцированным. В эту группу входят слова, связанные с хозяйственной и общественной жизнью людей, а также названия явлений природы. Говоря в общем, можно отметить, что это, как правило, слова так называемого древнего слоя, многие из которых не только известны в других славянских языках, но существовали и в праславянском языке. Сюда относятся:

а) названия, непосредственно связанные с жизнью человека: 1. названия родственных отношений, названия людей по их занятиям и общественным отношениям, а также названия частей человеческого тела и биологических процессов, напр.: *otec*, *mat'*, *brat*, *sestra*, *svokor*, *teta*, *uj(k)o*, *rodina*, *sirota*, *nevesta*, *zat'*, *mlynár*, *pekár*, *pastier*; *hlava*, *oko*, *ucho*, *vlas-y*, *jazyk*, *zuby*, *čelo*, *brada*, *ruka*, *noha*, *srdce*, *koža*, *život*, *smrt'*; 2. названия пищи, блюд, напитков, одежды, обуви, названия из области гигиены и медицины, например: *chlieb*, *mäso*, *mast'*, *mlieko*, *sadlo*, *tuk*, *med*, *múka*, *kaša*, *ocot*, *sol'*, *pivo*, *víno*, *voda*, *čepiec*, *veniec*, *nohavice*, *plátno*, *priadza*, *remeň*, *britva*, *hrebeň*, *koryto*, *metla*, *kašel*, *rana*, *jazva*;

б) названия из области природы: 1. названия животных, птиц и насекомых: *krava*, *vól*, *byk*, *ovca*, *baran*, *koza*, *žriebä*, *sviňa*, *osol*, *srna*, *jeleň*, *vlk*, *zajac*, *had*, *jašterica*, *holub*, *labut'*, *hus*, *orol*, *straka*, *sova*, *ryba*, *rak*, *blcha*, *hnida*, *komár*, *mucha*, *osa*, *voš*; 2. названия деревьев, кустов и других растений: *buk*, *dub*, *breza*, *hrab*, *javor*, *jelša*, *lipa*, *orech*, *osika*, *víba*, *jabloň*, *hruška*, *peň*, *koreň*, *drevo*; *cesnak*, *hrach*, *chmel'*, *chren*, *konope*, *l'an*, *pleva*, *třń*, *ovos*, *raž*, *žito*, *pšeno*, *klas*, *snop*, *slama*, *malina*, *jahoda*, *kvet*, *tráva*; 3. названия, относящиеся к природным образованиям, водам, минералам, металлам, различным материалам: *breh*, *dolína*, *skala*, *hoga*, *pole*, *medza*, *zem*, *blato*, *bahno*, *hnoj*, *hlina*, *hruda*, *kameň*, *popol*, *prach*, *vápno*, *med'*, *olovo*, *striebro*, *zlato*, *železo*, *sklo*; 4. названия, связанные со временем, погодой, небесными явлениями: *deň*, *noc*, *večer*, *hodina*, *čas*, *rok*, *mesiac*, *deň*, *jar*, *leto*, *jeseň*, *zima*, *slnko*, *nebo*, *blesk*, *dážd*, *hmla*, *l'ad*, *sneh*, *hrom*, *para*, *vietor*, *tma*;

в) названия различных предметов, орудий, инструментов и их частей: *ceru*, *hrable*, *kosa*, *lopata*, *pluh*, *vidly*, *nôž*, *píla*, *sekera*, *topor*, *klin*, *kl'uka*, *kyj*, *sito*, *meč*, *hrniec*, *črep*, *kotol*, *voz*, *koleso*, *os*, *ret'az*, *jarmo*, *plť'*, *veslo*, *čln*, *sane*, *dom*, *dvere*, *mreže*, *plot*;

г) различные абстрактные названия типа: *cena*, *čest'*; *čistota*, *dar*, *duša*, *hlas*, *hnev*, *hriech*, *chut'*, *koniec*, *kraj*, *krivda*, *kvas*, *lož*, *meno*, *mladost'*,

nádej, obyčaj, pravda, plač, pokoj, práhaha, rada, radosť, reč, rozum, sila, sláva, slovo, spev, strach, svet, svetlo, šťastie, vojna, zlo, zial' ;

д) прилагательные обозначающие различные качества и называющие самые разнообразные отношения, например: biely, bledý, čierny, dlhý, hladký, hlboký, hlúpy, krivý, kyslý, lakomý, malý, mladý, nízky, nový, ostrý, rovný, sladký, starý, široký, tupý, úzky, vysoký, živý. В словацких диалектах не дифференцируются также некоторые имена прилагательные, образованные от имен существительных, например: hlavatý, zubatý, hriešny, krajný, mocný, šťastný, krvavý, otcov, bratov, materin и т. д.

е) почти все местоимения и числительные, как изменяющиеся по родам, так и не изменяющиеся. Исключением была лишь форма megu, обозначающая в словацких диалектах числительное *сорок*. Теперь эта форма известна только из старой литературы (вплоть до начала века), в диалектах же ее употребляют лишь отдельные представители старшего поколения;

ж) разнообразные глаголы, обозначающие биологические и физиологические отправления человека и животных, действия, связанные с духовной жизнью человека, а также называющие различные трудовые процессы. Это, например, такие глаголы, как žít', mriet', jest', piť', behat', lietat', dýchat', ryt', sediet', spat', žrat'; bát' sa, čakát', hrešit', chciat', kliat', kričat', smiat' sa, plakat'; sediet', dojit', hasit', hrbat', hnat', klást', kopat', kosit', kut', lapat', miesit', orat', pást', piecť', priast', rezat', siat', sypat', vit', žat'.

Наши исследования показали, что даже некоторые глаголы экспресивного характера, то есть элементы того слоя лексики, для которого, как правило, характерна максимальная дифференциация, регистрируются во всех диалектах без изменений. На территории Словакии не дифференцируются такие слова, как cicat', drístat', drgat', hltat', chvátat', krákat', kukat', pískat', kvičat', rihat', ryčat', pukat' и др.

з) неизменяемые части речи, а именно: 1. наречия: d'aleko, dávno, dnes, ešte, často, málo, pol, raz, tak, trocha, vtedy, vždy; 2. большая часть предлогов и союзов: do, na, nad, od, po, pod, pre, pri, vo, zo, za; ani, lebo, ale, keď, že, keby, ak, ako; 3. некоторые модальные слова, частицы и междометия, как, например: azda, asi, či, nech, bodaj, hubaj, vitaj, na/te!, ěl'up, hor, bác и т. д.

Как видно из самого материала, речь идет в основном о слое слов, общих не только для всех словацких диалектов, но известных уже в праславянском языке и в различных фонетических и словообразовательных вариантах, засвидетельствованных почти во всех славянских языках.

3. Многие слова, не представляющие в словацких диалектах различий с лексической точки зрения, обнаружили в то же время богатую фонетическую дифференциацию. Так, например, общеизвестное слово *чрбат* имеет в словацких диалектах следующие варианты: *чрбат*, *чрбат*, *чрбиат*, *чрбуот*, *чрбет*, *чербет*, *чарбет*, *чрибет*, *чрбэт*, *чрбиет* [1].

Некоторые общеизвестные слова отчетливо дифференцируются в фонетическом и словообразовательном плане. В качестве примера можно привести название муравья (*Formica rufa*). В словацких диалектах зафиксированы следующие формы и варианты: *mravec*, *mräves*, *mrävec*, *mrävec*, *mräves*, *mrävešes*, *mrävješes*, *mrävješes*, *mrävěňák*, *mrävěňak*, *mravenúch*, *mravík*; *mravka*, *mrüavka*, *mrüčka*, *mrüvaň*, *mrüvanol*, *mrüvangel'*, *mrüjanga*; *brabušes*, *brabešes*, *brabeňak*, *brabenek*, *brabuňak*, *bravešes*, *bravenčak*, *braveňak* [2]. Богатая фонетическая и морфологическая дифференциация этого слова характерна и для всех других славянских языков.

4. В словацком, как и в других славянских языках, встречается большое количество заимствованных слов различного происхождения. Они проникали в диалекты на протяжении нескольких веков, распространяясь

на большей или меньшей территории. Как правило, для большинства этих слов характерна очень богатая фонетическая дифференциация (особенно для слов, проникших на территорию Словакии в позднее время). Однако тщательное исследование показало, что среди них много таких, которые формально не дифференцируются и употребляются везде в одном и том же значении. Это, например, слова, заимствованные: а) из латинского языка, как *apťieka* (в восточной Словакии *apatika*), *atrament*, *árenda*, *cintorín*/*/smit'er* (из лат. *cimetrium*), *doktor*, *família*, *kalamár*, *koleda*, *kostol*, *ná-tura*, *porcia* (-*daň*), *rechtor*, *tabul'a*; б) из немецкого языка, как *farba*, *grunt*, *jarmok*, *luft*, *majster*, *mašina*, *pilier*, *sífa*(-*lod'*), *štreka*, *špitál*; в) из венгерского языка: *bantovat'*, *dereš*, *čardáš*, *gul'ás*, *koč*, *oldomáš*, *t'ava* и многие др.

Некоторые из этих слов — очень старые заимствования, как, например, *kostol* (из лат. *castellum*) или же *t'ava* ('верблюду', из венг. *teve*; см. об этом [3, с. 115]). Но большая часть заимствований проникла в диалекты позднее. Обычно они называли реалии недавнего происхождения, в первую же очередь предметы и действия, связанные с общественно-хозяйственной жизнью человека в период перед первой мировой войной.

5. Подробное изучение словацких диалектов показало также, что иногда некоторые из общеизвестных слов оказываются не употребительными в той или иной небольшой или даже очень маленькой географической области. В этих так называемых микроареалах вместо распространенного повсеместно основного названия употребляется свое, местное. Например, *křšiak* в значении 'ястреб' известно лишь в части Зволненского комитата, во всех же остальных словацких диалектах последовательно представлено *jastrab* или *astriab*. В загорских диалектах мы зафиксировали название *zele* для капусты и название *trnka* для сливы (как для дерева, так и для плода, лат. *Prunus*). На остальной территории Словакии известны лишь названия *kapusta* и *slivka*. На всей территории Словакии употребляют слово *prsia* 'женская грудь', только в Гемере в этом значении известно слово *hrudi* (*hrud'e*), формально и семантически связанное с литературным *hrud'*. Слово *hruda* распространено во всех диалектах, но только в значении 'кусочек твердой земли, глины'.

Впрочем, слова, распространенные на небольшой территории одного из словацких диалектов, могут быть связаны с другими славянскими языками, прежде всего с теми, с которыми словацкий язык непосредственно связан (герм. с которыми он имел контакты в далеком прошлом). Так, например, слово *št'ur* (*št'úrek*), известное на окраине оравских диалектов как название крысы (лат. *Rattus*, общеслвц. *rotkan*), в этом же значении используется в польском и украинском языках. Слово *šivačka*, зафиксированное нами в южной части западнословацких и среднесловацких диалектов как название иглы, употребляется также в некоторых языках Балканского полуострова. Слово *test'*, обозначающее отца жены (исконное *ťast'*), известно только в оравских диалектах и частично в Загорье (во всех остальных словацких диалектах употребляется слово *svokor*); но оно распространено во многих славянских языках (ср. русск. *тесть*, польск. *ciész*, *teść*, луж. *čest*, болг. *таща*, сербохорв. *tašt*, *tašta*, словен. *tast*, *tesl* [4, с. 527]).

Эти и многие другие слова представляют так называемый минимально дифференцированный слой лексики.

6. Исследование словацких диалектов и обработка собранного материала показали, что в историческом аспекте особого внимания заслуживает прежде всего та группа минимально дифференцированных слов, которая делит территорию словацких диалектов на две приблизительно равные области, а именно на юго-западнословацкую и северо-восточно-

словацкую области (так называемое бинарное членение). К юго-западно-словацкой диалектной области относятся диалекты бывших Братиславского и Нитранского комитатов, нижней половины Тренчанского комитата, обычно также Турец, Гонт, часть Новоградского и Зволенского комитатов. Северо-восточнословацкая область включает в себя диалекты Оравы, Липтова, части Зволенского и Новоградского комитатов, Гемер и всю восточную Словакию.

При более подробном анализе словарного состава в географическом аспекте обнаружилось также членение словацких диалектов в противоположном направлении, то есть на северо-западную и юго-восточную области. Изоглоссы, проходящие в этом поперечном направлении, соединяют, с одной стороны, западную Словакию с севером центральной Словакии (Оравой, Липтовом, Турцом, Тековым, Гонтом и Зволеном; впрочем, иногда часть Зволена относят к восточной группе), с другой стороны, восточную Словакию с Гемером, частью Зволенского комитата и Новоградом.

Кроме того, можно дать лексическую характеристику словацких диалектов, опираясь на лексические особенности традиционно выделяемых трех групп словацких диалектов, а именно на группы западнословацких (запслвц.), среднесловацких (срслвц.) и восточнословацких (востслвц.) диалектов, причем следует отметить своеобразную взаимосвязь этих трех диалектных групп. Эта взаимосвязь проявляется в существовании двух различных лексических элементов, распространенных на двух неравновеликих территориях, в результате чего можно выделить:

а) группу западнословацких и восточнословацких диалектов в противопоставлении среднесловацким;

б) группу среднесловацких и западнословацких диалектов в противопоставлении восточнословацким;

в) группу среднесловацких и восточнословацких диалектов в противопоставлении западнословацким диалектам.

Особенности каждой из трех групп словацких диалектов в области лексики можно продемонстрировать на примере существования трех отдельных равнозначных лексических единиц в трех диалектных областях.

7. Членение на две области — юго-западнословацкую и северо-восточнословацкую — намечается пучком изоглосс, возникающим на основе многочисленных фактов лексической дифференциации. И хотя отдельные изолексы и изосемы не совпадают полностью, так как некоторые из них отклоняются то на северо-восток, то на юго-запад, они пересекают территорию центральной Словакии и переходят в область западной Словакии, соединяясь при этом в довольно компактный пучок изоглосс.

На членение словацких диалектов на два микроареала, т. е. на юго-западнословацкий и северо-восточнословацкий, указывают следующие группы слов:

а) названия злаков и многие названия из области ботаники, например: *raž/žito* (в значении *Secale*); *žito/pšenica* (в значении *Triticum*), *jačmeň/jarec* (в значении *Hordeum*), *klas/riasa*, *borovica/sosna* (*Pinus silvestris*);

б) названия из области животного мира: *sliepka/kura*, *moriak/pul'ka*, *jazvec/borsuk*, *jalovica/jalovka*, *jalovička/telička*, *červ*, *červík* (в Гемере *bobák*)/*chrobák*, также *červivý*, *červavý/chrobační* (в Гемере *bobáční*); *paprč*, *paprčka/ratica*; *plznut'/lienit' sa* ('линять', о шерсти зверей), *driapat'/párat'* (перо у гусей), *brko/pero* (гусиное);

в) названия из области природы: *kalní/mútní* (о воде), *zapadat'/zachodit'* (о солнце), *oblak* (срслвц. также *mračno*)/*chmára*, *zlí čas* (срслвц. также *pl'ušť*), *pl'uta*, *kaluž* и *barina/mláka*, *studení/zimní* (о воде), *vlažní/letní* (о жидкости);

г) названия предметов: *ohreblo/potiesk* или *potisk*, на Ораве *tiesk*

(орудие, служащее для сгребания навоза, грязи и т. д.), *praslica/kúdel'* (название орудия для прядения, прялки), *duchna/perina*;

д) названия, связанные с биологической и общественной жизнью человека: *prst/palec* (т. е. один из пальцев; *palec* как название большого пальца известно на всей территории Словакии), *plešina/lisina*, *špina/brud* (в голове человека), *žobrák/d'ad* (в восточной Словакии *džad*), *orstovník/govesník*, *hl'adat'/iskat'* (вши в голове), *krivat'/chrámat'* (о человеке и о животном), *horní/višní* (конец деревни);

е) некоторые наречия, как, например, *akurát/práve*, *naspät'/nazad*.

На первом месте в парах были приведены названия, характерные для юго-западной половины Словакии (например, *raž*, *slieпка*, *kalní*), на втором месте — названия, характерные для северо-восточной части словацкой территории (названия *žito*, *kura*, *mútni*).

Многие из названных выше лексических явлений выходят за пределы Словакии, обнаруживаясь в соседних и в более удаленных областях славянских языков. Так, упоминавшаяся уже изолекса *bor* (из праслав. **borъ*) *bór*, *búra*, *bóra*, *buora*, *borovica*, *bórica*, *borovic* (в юго-западной части Словакии) в сопоставлении с *sosna* (*Pinus silvestris*) в северо-восточной части Словакии, продолжается и в соседних славянских областях (ср. чешск. *borovice*, словен., сербохорв., макед., болг. *бор*; польск. *sosna*, блр. *сасна*, русск., укр. *сосна* [5]).

Изолекса *raž/rož*, *řež*, *rež* [1, карта № 38] из праслав. **гъзь*, переходит из юго-западной Словакии в Моравию, на Балканский полуостров, в словенские, сербские, хорватские, македонские и болгарские диалекты (спорадически встречающиеся в диалектах Югославии поздние названия *злаков* типа *žegala*, *zimnica*, *zimica* не играют большой роли) и в значительную часть русских диалектов, в то время как название *žito*, характерное для северо-восточной части словацких диалектов, представлено также в украинских, польских, белорусских, лужицких и чешских диалектах [6, карта № 18].

Как видно из приводимого материала, это дихотомическое членение словацких диалектов на юго-западнословацкую и северо-восточнословацкую диалектные области связано в основном с древнейшим лексическим слоем, в котором преобладают слова автохтонного, праславянского происхождения, распространенные также на территории других славянских языков.

Дихотомическое членение Словакии на юго-западнословацкую и северо-восточнословацкую территории можно проиллюстрировать также многочисленными примерами из области фонетики, морфологии и словообразования; хотя в существующей лингвистической литературе эти явления не отмечались, подробные исследования словацких диалектов для картографических целей все же наглядно свидетельствуют об этой дихотомии.

С фонетической точки зрения словацкие диалекты четко делятся на две части, например, изоглоссой, отмечающей произношение предлога *k*, *ku* в словосочетании *idem k otcovi*. Для юго-западной половины характерно произношение *g* *osovi* (*k osovi*), в то время как в северо-восточной половине употребляется только вокализованная форма *ku/gu osovi* [1, карта № 48]. Примерно так же распределяется и произношение предлога *ku* в сочетании *ku mne*. В северо-восточной части словацких диалектов известно только произношение *ku/gu mne*; для западословацких диалектов характерно произношение *ke mne* (в отдельных случаях *ge mne*), а для юго-западной части среднесловацких диалектов — вариант *ko mne*, лишь в отдельных случаях также и *ku/gu mne* [1, карта № 65]. Вариант *ko mne* отражает *o* из старого редуцированного *ъ*, между тем как

гласный *и* (в вариантах *ku, gu mne*) иного происхождения [3, с. 83]. Форма *ku* — старая форма, т. е. она старше, чем форма *ko*, и была известна уже в древнерусском, древнебелорусском, древнепольском и древнечешском языках. В современных языках она удержалась только в польском и нижнелужицком языках, а также в диалектах: в лашских говорах в Моравии, в украинских и белорусских говорах, а также в отдельных сербохорватских говорах [7]. Вариант *ku/gu* в северо-восточной половине словацких диалектов связан с произношением этого предлога в других славянских языках.

Подобное дихотомическое распределение характерно также для названий *жузины* (*Sambucus nigra*). В юго-западной части диалектов распространены варианты *bez* (в западной Словакии) и *baza, bjeza, béza, bjez, bjoza* (в большей части среднесловацких диалектов). В северо-восточной же части употребляется только форма *chabzda*. О. Н. Трубочев, в отличие от прежних объяснений, предполагает для слова *baza* наряду с праслав. *buzь* — *buzina*, *бъзь* также праслав. *bazь* (ср. русск. диал. *баз*, укр. диал. *базник* и н.-луж. *baz*). По мнению Ш. Ондруша, к этим вариантам с *-a-* можно отнести также словацкое *baza*, хотя вполне допустимо и традиционное объяснение этого *-a-* как рефлекса праслав. редуцированного *ъ* (из *бъзь*) [8].

Этимология формы *chabzda* (ср. также старочешск. *chbedie, chvedie, chevdie*, польск. *(c)hebd*, словен. *hebet, hebat*, сербохорв. *габат*) не совсем ясна. В. Махек считает это слово «праевропейским» [4, с. 55]; это значит, что вариант *baza* (из праслав. *бъзь*, не из *бъзь*) и вариант *chabzda* — старые формы, вероятно, более древние, чем результаты вокализации редуцированных звуков. Это наглядно подтверждается данными лингвогеографии.

В этом же поперечном направлении делит словацкие диалекты на две зоны рефлекс праслав. *ѣ* в слове *št'astie* (праслав *съѣстьѣ*); в юго-западной зоне распространены формы с гласным *-a-*, т. е. такие варианты, как *št'astie, ščascie, ščascí*; в северо-восточной зоне — варианты с гласным *-e-*: *št'est'ia, štestie, ščestia, šcesce* [1, карта № 94].

В области морфологии на дихотомическое членение словацких диалектов (т. е. юго-западнословацкую и северо-восточнословацкую группы) указывает, например, изоморфа форм множ. числа существительных на *-ce, -ence* (типа *telce, húsence*) в юго-западной части, с одной стороны, и форм на *-ata* (типа *tel'atá, húsatá*) в северо-восточной части Словакии — с другой. Юго-западнословацкий ареал форм на *-ce, -ence* имеет продолжение в области чешского языка и южнославянских языков: в сербохорватском языке [9, с. 108] и маргинально в македонских и болгарских диалектах [10, с. 153]. Северо-восточнословацкий ареал форм на *-atá* продолжается в польском, украинском и белорусском языках. По В. Махеку [11] формы, оканчивающиеся на *-ce, -ence*, являются древними, восходящими к праславянскому периоду.

В области словообразования территорию словацкого языка в поперечном направлении разделяют местоимения с частицей *da-* в противопоставлении местоимениям с частицами *nie* и *vol'a-*. Слова с частицей *da-* (*daktorý, dajaký, dakto, dakde*) отмечены во всех восточнословацких диалектах и в большей части среднесловацких, а именно — на Ораве, в Липтове, в восточной части Турца, в Зволненском комитате, в Гемере, Новограде и Гонте. На остальной территории, т. е. примерно в юго-западной части Словакии, употребляются формы с частицами *nie-* и *vol'a-* (*niektorý, vol'aktorý, niekto, vol'akto* и т. д.).

Хотя формы с частицей *da-* с одной стороны, и с частицами *nie-* и *vol'a-*, с другой, не образуют компактного пучка изоглосс, они вполне

отчетливо разделяют территорию Словакии по диагонали. Формы с частицами vol'a- и da- (vol'akto, dakto) типично словацкие, формы с частицами nie- (чешск. ně, польск. nie-) и -si известны также в чешском и польском, в украинском — только форма на -si [12].

Другими примерами упомянутого дихотомического членения словацких диалектов по словообразовательным признакам могут служить многочисленные слова, образованные при помощи суффикса -ica на юго-западе Словакии (напр.: ližica, l'ížica, lužica, užica, l'ežica, ložica) или же при помощи суффикса -ka на северо-востоке (напр. liška, loška, laška) [1, карта № 41]. Формы на -ica отмечены далее в чешском и в лужицких языках, а также в языках Балканского полуострова (чешск. lžíce, диал. также žička, žlička, žica, lužica, ližica; н.-луж. lžusa, в.-луж. lžica, словен. žlica, сербохорв. лажица, ложица, жлица, макед. лажица, болг. лажица), а формы на -ka — в русском, белорусском, украинском и польском языках (русс. ложка, диал. также лыжка, укр. ложка, лыжка, блр. лыжка [13]).

Дихотомическое членение словацких диалектов на юго-западнословацкую и северо-восточнословацкую области, ставшее особенно наглядным при картографировании словацкой диалектной лексики (и в первую очередь слов из основного словарного фонда, восходящих к праславянскому периоду) и имеющее определенные параллели в области фонетики, морфологии и словообразования, характеризуется в основном явлениями, дифференцированными уже в праславянском языке. Через территорию нынешней Словакии проходит граница некоторых древних праславянских диалектных различий. Это обусловлено тем, что праславянские племена заселяли карпатско-дунайскую котловину двумя, resp. несколькими потоками (см. об этом также пункты 15—16).

8. При членении словацких диалектов в другом поперечном направлении — на северо-западную и юго-восточную области, выделенные нами также географически, — граница обозначается при картографировании относительно позднего слоя словарного состава. Членение словацких диалектов по лексическому признаку на северо-западную и юго-восточную области определяют:

а) изолексы собственно словацких слов типа hladní/lační, pršat'/padat' (о дожде), hádzat'/rúcat' (в восточной Словакии rucac), mnoho, moc/vel'a, vel'o, velie;

б) изолексы новых, в основном заимствованных слов, напр. veža/turňa tureň (из нем. Turn, что, в свою очередь, из лат. turnus), koberec/pokrovec, bocian/góla (ср. также венг. gólya), pastier/gondáš (из венг. kondás), fajka/pipa (венг. pipa), tabak/dohán (венг. dohány) и др.

На первом месте в парах приведены варианты, распространенные в северо-западной части Словакии, на втором — варианты из юго-восточной части Словакии.

Из фонетических явлений, указывающих на такое же членение словацких диалектов, можно упомянуть признак диспалатализации $\acute{e} > a$, которая была частично реализована в юго-восточных словацких диалектах (напр. bl'adý из праслав. blěd [1, карта № 134]). Это изменение происходило в отдельных диалектах в большем или меньшем объеме, но нигде не было осуществлено последовательно [3, с. 116]. Впрочем, при рассмотрении отдельных слов следует учитывать возможность каких-либо более поздних процессов.

В области морфологии это поперечное членение можно проиллюстрировать формами род. падежа множ. числа имен существительных tehla и karta: в северо-западной части Словакии отмечается форма со вставными гласными (запслвц. tehél, tehel, karét, karet; срслвц. tehál, tehuol.

tehjel; karát, karčot, karjet); в юго-восточной области отмечаются формы *tehloch/-of, kartoch/-of*, в Гонте, Новограде и в части Гемера *kartou/-ov* [1, карты № 72, 73], то есть формы, образованные по аналогии с формами род. падежа множ. числа мужск. рода. Но не для всех подобных форм имен существительных ситуация одинакова. Формы род. падежа множ. числа женск. рода различны у разных слов, что свидетельствует о различных и одновременных путях их развития.

Поскольку при этом дихотомическом членении словацких диалектов выступают также хронологически более поздние явления (признак диспалатализации $\check{e} > a$, аналогические формы в род. падеже множ. числа женск. рода, новый пласт заимствованной лексики, преимущественно через посредство венгерского языка), мы полагаем, что эти два микроареала более позднего происхождения. Возникновению той дифференциации могло способствовать упомянутое древнее дихотомическое членение словацких диалектов. Позднейшие языковые изменения явились результатом историко-политических и общественно-экономических изменений, происшедших после падения Великой Моравии, а также позднейших миграционных процессов в Словакии и связанных с ними языковых контактов.

9. Проявлением дихотомической лексической дифференциации словацких диалектов является также существование двух различных равнозначных лексических элементов, распространенных на двух неравновеликих диалектных территориях, причем один лексический элемент представлен в одной части трихотомически расчлененных словацких диалектов, а другой элемент — в двух остальных диалектных областях.

Эти случаи заслуживают внимания в первую очередь потому, что они свидетельствуют об общем развитии двух словацких диалектных областей, объединявшихся в разные периоды по-разному. Так, в древнейший период развития словацких диалектов шло совместное развитие западнословацких диалектов, в более поздний период развития осуществлялось интеграционное воздействие среднесловацких диалектов, проявлявшееся, с одной стороны, в совместном развитии среднесловацких и западнословацких диалектов в противопоставлении восточнословацким, и с другой стороны — в совместном развитии среднесловацких и восточнословацких диалектов в противопоставлении западнословацким. Этой взаимосвязи в развитии словацких диалектов, особенно при изложении их фонетических и морфологических особенностей, до сих пор не уделялось должного внимания, освещалась лишь связь западнословацких и восточнословацких диалектов. Наоборот, принято подчеркивать явные черты различия между тремя основными группами словацких диалектов.

10. Совместное развитие западнословацких и восточнословацких диалектов иллюстрирует группа слов, преимущественно праславянского происхождения, дифференцированных по отношению к среднесловацким диалектам. Первую группу составляют слова, общие для западнословацких и восточнословацких диалектов, вторую группу — равнозначные им слова среднесловацкой группы: запслвц. и востслвц. *kameň* — срслвц. *skala*, запслвц. и востслвц. *tieň* — срслвц. *ťoňa*, запслвц. и востслвц. *tlší* (*tlusí, tustí*) — срслвц. *tuční*; запслвц. и востслвц. *dedo* (*dzedo*) — срслвц. *starí otec*. Сюда же относятся некоторые слова позднего происхождения, заимствованные из других языков, например, запслвц. и востслвц. *kolíška* — срслвц. *belčov* (из венг. *bölcső*), запслвц. и востслвц. *plajbas/klajbas* (из нем. *Bleiweiss*) — срслвц. *céruza* (из лат. *cērusa*) и т.д.

Параллели между западнословацкими и восточнословацкими диалектами, иллюстрирующие общность их развития в области фонетики и морфологии, хорошо известны в диалектологической литературе. Сюда, в первую очередь, относятся признаки, на основании которых В. Важны в свое время

выделил среднесловацкие диалекты [14, с. 261]. Можно упомянуть хотя бы группы *rot-*, *lot-*, возникшие из праслав. *ǫrt-*, *ǫlt-* в восточнословацких и западнословацких диалектах (напр. *rokita*, *rožeň*, *loket'*) в отличие от среднесловацких групп *rat-*, *lat* (*rakita*, *ražeň*, *laket'*). Кроме того, особенностями фонетики западнословацких и восточнословацких диалектов являются: группы *-dl-*, *-tl-*, в противопоставлении среднесловацкому I из *-dl-*, *tl-* (*sadlo*, *saló*; *ometlo*, *omelo*); произношение группы *-šč-* в словах *ešce*, *ščasní* в противопоставлении среднесловацкому *-št-* (*ešte*, *št'asní*); форма 3 л. множ. числа глагола *byť* *oňi sú/su* в противопоставлении среднесловацкому *oňi sa*; форма род. падежа ед. числа существительных типа *gazda* — *od gazdi* (срслвц. *od gazdu*); форма твор. падежа ед. числа женск. рода типа *s tú dobrú ženu* (срслвц. *s tou dobrou ženou*) и т. д. Известно, что некоторые из этих явлений в среднесловацких диалектах принято рассматривать как так называемые южнославянизмы.

На общности многих фонетических и морфологических особенностей западнословацких и восточнословацких диалектов основывались мнения авторов, считавших, что большая часть словацких диалектов имеет чешское происхождение. Эта теория вновь возродилась в последнее десятилетие [15, с. 134]. В словацком языкознании в ее адрес были высказаны критические замечания [16, с. 131—134; 17, с. 17—18].

Мы полагаем, что соответствие между западнословацкими и восточнословацкими диалектами, иллюстрировавшееся до недавнего времени только фонетическими и морфологическими примерами и лишь в последнее время получившее наглядное картографическое и лексическое подтверждение, следует рассматривать как характерную, но не как самую существенную черту развития словацкой лексики. Изучение словацких диалектов при помощи лингвогеографических методов показало, что на территории Словакии существуют изоглоссы более древние, чем те, которые отделяют среднесловацкие диалекты от западнословацких и восточнословацких. Таковы, например, изолексы, отграничивающие юго-западную часть Словакии от северо-восточной (см. пункт 7). Мы обосновываем это утверждение в заключении статьи, опираясь на сопоставление некоторых языковых данных с результатами исследований наших историков.

11. На общность развития среднесловацких и западнословацких диалектов в области лексики указывает многочисленная группа слов, распространенных на территории этих диалектов и отличающихся от равнозначных слов, употребляемых в восточнословацких диалектах. Это такие слова, как срслвц. и запслвц. *svedomie*, востслвц. *sumeňe*; срслвц. и запслвц. *aspoň*, востслвц. *chol'em*; срслвц. и запслвц. *rekni*, востслвц. *šumni*; срслвц. и запслвц. *pitvor*, востслвц. *prikl'et* и т. д. Среди слов, распространенных только в восточной Словакии, довольно часто встречаются заимствования, напр., востслвц. *lepča/l'anča* (из венг. *lepse*) — срслвц. и запслвц. *šošovica*, востслвц. *valal* (заимствование из венгерского; [18] срслвц. и запслвц. *dedina* (*dzedzina*)).

Общие черты в развитии среднесловацких и западнословацких диалектов можно проиллюстрировать также языковым материалом из области фонетики и морфологии. Если для средней и западной Словакии характерны свистящих согласных только *s*, *z* (даже в таких случаях, как *sestra*, *zima*) и наличие слогового *r* (т. е. *vrch*, *vrba*), то в восточнословацких диалектах, кроме свистящих *s*, *z*, есть также свистящие *š*, *ž*, (т. е. *seštra*, *žima*) и отсутствует *r* слоговое (востслвц. *verch*, *virch*, *verba*, *vierba*, *virba*, [1, карта № 270, 271; 204, 207]).

В области морфологии для восточнословацких диалектов характерен падежный синкретизм, так, например, род. и местн. падежи множ. числа имеют во всех родах окончание *-och* (т. е. формы типа *bratoch*, *ženoch*,

mestoch); дат. падеж множ. числа во всех родах оканчивается на -om (т. е. bratom, ženom, defčetom).

Для среднесловацких и западнословацких диалектов такой падежный синкретизм не характерен.

Упомянутый пучок изоглосс на границах центральной и восточной Словакии возник как результат позднейших языковых процессов. Так, утрата слогаобразующего *y* в восточнословацких диалектах произошла лишь после XIII в.

12. На общность развития среднесловацких и восточнословацких диалектов в области лексики указывает несколько меньшая группа слов, распространенных на этой территории и отличных от аналогичных слов западнословацкой диалектной области. Причем, зачастую в западнословацких диалектах представлено заимствование, тогда как в среднесловацких и восточнословацких диалектах исконно словацкое слово. Это такие различия, как: срслвц. и востслвц. *mačka* — запслвц. *kočka*; срслвц. и востслвц. *brechat'*, запслвц. *ščekat/c* (в Загорье *blafkat*), срслвц. и востслвц. *oblok* (в восточнословацких диалектах в форме *oblak*) — запслвц. *okno*; срслвц. и востслвц. *chorí* — запслвц. *nemocní*; срслвц. *záušnice*, востслвц. *záušnicki* — запслвц. *oringle* (из нем. *Ohr* — *ringe*); срслвц. и востслвц. *lievik* — запслвц. *trachter, trachtár* (из нем. *Trichter*).

Общность развития среднесловацких и восточнословацких диалектов можно подтвердить также примерами из области фонетики и морфологии. В эволюцию рефлексов редуцированных наблюдается более близкая связь между среднесловацкими и восточнословацкими диалектами, нежели между среднесловацкими и западнословацкими (это особенно наглядно при $\bar{v} > o$, $\bar{b} > e$, а также при таких рефлексах, как *a*, *uo*, *i*). В среднесловацких и восточнословацких диалектах представлен гласный *o* (в таких словах, как *von*, *voš* или *fša*), а также *o*, *a* или *i*, например, срслвц. *cesnak*, *cesnok*, *česnok*, востслвц. *cesnok*, *cesnik*; срслвц. *dážd'* (*d̥ožd'*), востслвц. *dīždž* [1, карты 24, 25, 32, 48]. В западнословацких диалектах в этих случаях последовательно представлены только *e*, *é* (*ven*, *cesnek*, *déžd*).

Однако звуки, развившиеся из бывших редуцированных \bar{v} , \bar{b} — сравнительно новое явление в словацких диалектах, возникшее в результате языковых процессов, происходивших после падения Великой Моравии. Эти процессы осуществлялись в X—XI веках [3, с. 77].

В эволюции рефлексов праслав. *ę* также наблюдается сближение между среднесловацкими и восточнословацкими диалектами, где представлены звуки *a*, *e* (центральная Словакия) и *e* (восточная Словакия), в то время как в западнословацких диалектах везде только *a*: срслвц. *mäso/meso*, востслвц. *meso*, запслвц. *maso* [1, карта 84].

Наличие противопоставления *l* — *l'* отличает большую часть среднесловацких диалектов и все восточнословацкие диалекты от диалектов западной Словакии, где существует только *l* твердое, герср. $\imath < l$ [1, карты 225, 226].

Однако даже учитывая многочисленные совпадения между среднесловацкими и восточнословацкими диалектами, следует отметить более тесную связь между среднесловацкими и западнословацкими, нежели между среднесловацкими и восточнословацкими диалектами в области лексики. Иначе на границе центральной и восточной Словакии лексические изоглоссы образуют более мощный пучок, чем на месте встречи западнословацких и среднесловацких диалектов. Меньшая связь среднесловацкого и восточнословацкого диалектов подтверждается также отсутствием в них параллельного развития в области морфологии и словообразования.

13. Кроме указанного дихотомического членения словацких диалектов (известного до сих пор в словацкой лингвистической литературе лишь

как противопоставление среднесловацких диалектов западнословацким и восточнословацким), существует также трихотомическое членение на западнословацкую, среднесловацкую и восточнословацкую группы.

Можно привести целый ряд лексических примеров этой трихотомии: срслвц. *zákruta*, запслвц. *zatáčka*, востслвц. *ker, kĕra*; срслвц. *bochňík*, запслвц. *rešej*, востслвц. *chleb (cali, (okruhli))*; срслвц. *klinček (Diant-hus)*, запслвц. *hrebíček*, востслвц. *hvozdik* (в Спише также *nagl'ik* из нем. *Nagel*); срслвц. *ústa*, запслвц. *huba*, востслвц. *gamba/gemba*; срслвц. *črieda*, запслвц. *stádo*, востслвц. *gul'a, fal'ka, šarak*.

В области фонетики на это трехчленное деление словацких диалектов указывает развитие категории долготы — краткости гласных: в то время как для среднесловацких диалектов характерен так называемый ритмический закон, не допускающий следования друг за другом в одном слове двух длинных слогов, в западнословацких диалектах, на которые этот закон не распространяется, долгие гласные встречаются гораздо чаще и в большем количестве разных позиций, чем в среднесловацких диалектах. В восточнословацких диалектах, в отличие от двух других диалектных областей, произошло полное исчезновение долгих гласных.

Раньше при выделении более дробных диалектных областей в словацкой диалектологии принято было исходить в основном из фонетических и морфологических особенностей диалектов. Теперь, после обработки лексического материала для 4-го тома Атласа словацкого языка, такое членение словацких диалектов можно документировать также примерами из лексики.

Лексико-семантический анализ словацких диалектов методом лингвистической географии показал, что для словарного состава характерно не только то членение, которое было выявлено по данным фонетики и морфологии, но и иное. Особенно важным нам представляется тот вывод, что древний пласт слов часто является общим для всех диалектов, что у слов этого древнего пласта отмечается минимальное географическое диалектное членение. Для лексических фактов с минимальным членением характерно то, что отдельные изоглоссы, ограничивающие какое-либо явление, распространенное на территории Словакии, как правило, переходят в область другого славянского языка. Сведения о дифференциации этих явлений особенно важны потому, что они являются наглядной иллюстрацией отношений словацкого языка к другим славянским [19, с. 142]. В то же время они помогают пролить свет на многие вопросы, касающиеся происхождения словацких диалектов и их развития со времен расселения славян на нашей территории. Результаты картографирования лексики привели нас к мысли о том, что в древний период (т. е. до X века) существовало какое-то иное диалектное разделение Словакии, чем известное нам трихотомическое членение (т. е. деление на западнословацкую, среднесловацкую и восточнословацкую диалектную области). Исследования показали, что изолексы, разделяющие Словакию на две части (т. е. на юго-западнословацкую и северо-восточнословацкую области — так называемое дихотомическое членение), возможно, отражают более древнее состояние словацкого языка, чем выделение трех основных микроареалов, т. е. разделение на западнословацкую, среднесловацкую и восточнословацкую области. Это трихотомическое членение представляется нам более поздним, чем упомянутое дихотомическое деление на две области, оно связано с приходом предков нынешних словаков на территорию Словакии.

14. Упомянутая дифференциация словацких диалектов, опирающаяся на результаты лингвогеографических исследований для Атласа словацкого языка, особенно для его лексической части, была обусловлена многими как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Вообще до сих пор при истолковании диалектной дифференциации особое внимание

уделялось в первую очередь процессу древнейшего заселения территории Словакии [19, с. 100—102; 3, с. 17—20]. Р. Крайчович указал на четыре фактора, которые следует учитывать при исследовании происхождения словацкого языка: 1. географический (или так называемый геоморфологический) фактор; 2. ход заселения территории Словакии в древнейший период; 3. хозяйственно-политическое развитие древних славянских поселений на словацкой территории; 4. характер древнейшего этнического развития в карпатско-дунайской области [17, с. 35].

Однако важнейшим фактором для решения вопроса о происхождении словацкого языка представляется ход заселения карпатско-дунайской области славянскими племенами.

Характеризуя это заселение, историки и лингвисты сходятся в том, что славяне продвигались к своим нынешним местам жительства двумя потоками. Один из них направлялся через Молдавию по восточной стороне Карпат к нижнему течению Дуная, и уже в первой половине VI века достиг области Мурзийского озера. Из этого основного потока выделились побочные, направившиеся в Трансильванию и, по мнению Й. Декана [20, с. 33], вероятно, в восточную Словакию. Юго-восточный поток экспансии славян направился на Балканский полуостров, в то время как другой важнейший поток славян в центральную Европу шел с северо-востока через Закарпатье к Эльбе и Сале, причем боковые потоки заняли Чехию, Моравию и западную Словакию. Э. Паулини предполагает, что часть славян пришла на нашу территорию через Моравские ворота и вместе с моравскими славянами осела в западной Словакии [3, с. 17].

Исторические и особенно археологические данные свидетельствуют о том, что наиболее многолюдные поселения славян были в плодородных низинах западной и восточной Словакии. В западной Словакии это была низменная область при Дунае в низовьях Вага, Нитры, Житавы и Грона, в восточной Словакии — вся Восточнословацкая низменность над верхним изгибом реки Тиссы [17, с. 29]. Третьим ареалом заселения была область в южной части нынешней средней Словакии, далее на юг область у озера Балатон и территория между Дунаем и Тиссой. Позднее колонизационные потоки из этих низинных областей стали проникать вверх по течению рек в более возвышенные области. Очень важен был вывод о том, что заселение трех больших географических областей закончилось еще до аварского нашествия. Датировка прихода славян в эти области первой половиной VI века согласуется с историческими данными о движении славян на нижний Дунай, а также с уходом лангобардов из Моравии и Нижней Австрии в Паннонию приблизительно в 526—527 гг. [20, с. 33].

В исторических источниках есть лишь спорадические данные о жизни предков нынешних словаков в карпатско-дунайском бассейне в довеликоморавский период. Но археологические находки убедительно доказывают, что на этой территории уже существовало развитое земледелие и животноводство. Древние славяне разводили пшеницу, рожь, ячмень, овес, из других растений — горох, просо, коноплю, лен, виноград, а также многие сорта плодовых деревьев. Были развиты также некоторые виды народных ремесел (например, ткачество, колесное и кузнечное дело). Об этих особенностях общественно-экономической жизни свидетельствуют как археологические находки, так и древнейший пласт общеславянской лексики, который словацкий язык сохранил с наибольшей полнотой сравнительно с другими славянскими языками. На эту особенность словацкого языка указывал и Ф. Копечны в своих исследованиях общеславянской лексики. По его мнению, архаичность лексики словацкого языка, вероятно, связана с его центральным расположением в семье славянских языков [13, с. 6].

Такой вывод заставляет нас предположить, что предки словаков жили компактно уже на прародине, причем не на окраине этой территории, а, вероятно, в глубине ее. Это наглядно подтверждается единством основного, древнего пласта лексики. Свое современное положение, с географической точки зрения скорее окраинное, чем «центральное», словацкий язык занял уже после того, как предки нынешних словаков пришли на ту территорию, на которой и осели окончательно.

15. Как известно, праславянский язык не представлял собой единого целого даже тогда, когда древние славяне жили на прародине, и лексика его в чем-то различалась в отдельных диалектах уже в этот древнейший период. И эту дифференциацию носители праславянского языка несли дальше, на свои новые места обитания, что отразилось, в частности, в словацких диалектах. По нашему мнению, дихотомическое членение словацких диалектов на юго-западнословацкий и северо-восточнословацкий ареалы связано с передвижением славян двумя потоками, с северо-востока и с юго-востока, а также с заселением ими западнословацкой и восточнословацкой низменности уже в V—VI вв. Эти ареалы выделяются не только лексическими парами *raž/žito*, *kura/sliepka*, *prst/palec*, но также многочисленными фонетическими и морфологическими явлениями.

В архаичности этого дихотомического членения словацких диалектов нас убеждают также археологические находки на территории Словакии и той части Моравии, которая непосредственно граничит с территорией Словакии. Большая часть археологических находок славянского происхождения обнаружена на территории Великой Моравии и относится к периоду, предшествовавшему ее государственному конституированию. Кроме того, некоторые находки относятся к юго-западной части Словакии [20, с. 128—129, карта], т. е. к области, выделяемой также пучком изоглосс (resp. изолекс и изосем), связанных с дифференциацией внутри древнейшего пласта лексики. Сравнение с ситуацией в других славянских языках и диалектах показало, что дифференциация лексики и некоторых фонетических и морфологических элементов на территории Словакии находится в несомненной связи с дифференциацией в других славянских диалектах.

Дихотомическое членение словацких диалектов на юго-западнословацкий и северо-восточнословацкий микроареалы (см. пункт 7) отражает, таким образом, древние различия между двумя потоками колонизации древних славян, предков сегодняшних словаков.

Разделение словацких диалектов на две другие группы, проявляющееся в общих особенностях западнословацких и восточнословацких диалектов, с одной стороны, и среднесловацких — с другой (см. пункт 17), также можно рассматривать как результат постепенного расселения словаков в карпатско-дунайской области. По Э. Паулини, предки современных жителей Средней Словакии (так называемые «прасреднесловаки») первыми двинулись с территории прародины. Однако на теперешнюю территорию Средней Словакии они пришли не сразу, а поселились сначала южнее современной территории Словакии [3, с. 18]. Таким образом, они находились в контакте с предками современных южных славян, что дает возможность объяснить происхождение так называемых южнославянизмов в среднесловацком диалекте. С южным ареалом поселения предков современных жителей Средней Словакии связан также контакт между предками современных западных и восточных словаков, подтверждаемый общими чертами западнословацких и восточнословацких диалектов (см. пункт 9).

16. Членение словацких диалектов на два и на три географических ареала также следует связывать с древнейшим периодом развития словацкого языка, причем как с двумя основными потоками продвижения славян в карпатско-дунайскую котловину, так и с последующим движе-

нием предков жителей Средней Словакии с юга на север и дальнейшими миграциями населения. Диалектный и исторический материал указывают на то, что диалектные изоглоссы на рубеже нынешних западнословацких, среднесловацких и восточнословацких диалектов складывались постепенно, в основном как результат неравномерного передвижения среднесловацкого населения из низинных районов Задунайской области и областей, расположенных между Дунаем и Тиссой, в более возвышенные районы Средней Словакии. Проникновение славянского населения с юга на север, на территорию Средней Словакии, наглядно осветил и показал на картах Э. Паулини [3, с. 18, карта № 5].

Причиной этого передвижения явились, вероятнее всего, аварцы, с которыми наши предки находились в непосредственном контакте. Но их взаимоотношения не были равноправными. Славяне, жившие в этой области, находились в постоянной зависимости от аварцев, поэтому постепенное удаление от них в менее заселенные районы Средней Словакии было вполне закономерным явлением. И наконец, это передвижение населения в гористые районы Средней Словакии было довершено венграми, что было вторичным фактором, которые в X в. заселяли пространства Дунайской котловины.

Проникновение среднесловацкого населения в менее заселенные районы средней и в особенности северной части средней Словакии наглядно иллюстрируют многочисленные изоглоссы, которые сходятся на границах трех современных диалектных ареалов. По сравнению с дихотомическим членением диалектов на два приблизительно равные микроареала, эти изоглоссы отражают распространение более поздних явлений. Об этом свидетельствуют примеры не только их лексики (распространение слов позднего происхождения и заимствований), но также данные фонетики и морфологии.

С приходом в Среднюю Словакию населения из южных областей на этой территории укоренился не статичный, а наоборот, очень прогрессивный и динамичный элемент, способный вступать в интеграционную связь с соседними западнословацкими и восточнословацкими диалектами. Р. Крайчович отмечает, что развитие западнословацких диалектов стало тяготеть к среднесловацким диалектам еще до X в. [17, с. 370].

На взаимосвязь среднесловацких и восточнословацких диалектов указывают также пучки изоглосс, изоморф и изолекс, которые выделяют в одних случаях особенности, характерные для среднесловацко-западнословацкой области в отличие от восточнословацкой (см. пункт 11), в других случаях — выделяют среднесловацко-восточнословацкую область в противопоставлении западнословацкой диалектной области. Эти пучки изоглосс свидетельствуют об интегрирующей силе среднесловацкого диалекта и общности его развития с диалектами соседних областей. Конечно, приведенные здесь диалектные особенности, документирующие совместное развитие среднесловацкого диалекта и соседних с ним, имеют, как мы уже упоминали, более позднее происхождение (например, гласные звуки, развившиеся из редуцированных, исчезновение и т. д.).

Наслоение изолекс (а также изосем и многих изоглосс) на рубеже трех основных диалектных групп не завершилось миграциями жителей из густо населенных областей в реде заселенные горные области. Этот процесс, начавшийся после падения Великой Моравии, продолжался столетия и практически не закончен еще и сейчас. Однако принято считать, что формирование основных черт словацких диалектов завершилось в XV в. [3, с. 286; 17, с. 370]. В каких-то частных моментах процесс внутренней дифференциации протекал и позднее, не прекратился он и в новейшее время. Однако основной пласт словацкой лексики удержался, не подвергшись

этому напору дифференциации, и именно поэтому в современных диалектах больше слов общих для всех диалектов, чем тех, которые разделяют их на мелкие группы. Единая лексика словацкого языка, для которой характерны некоторые отличия от других славянских языков, свидетельствует о своеобразии ее развития. В то же время многочисленные лексические элементы объединяют словацкий язык со славянскими языками, составляющими западнославянский языковой ареал, — чешским, польским и серболужицкими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Atlas slovenského jazyka. Sprac. J. Stolc, I, č. II. Bratislava, 1968.
2. *Lipták S.* O pomenovaní mravca v slovenských nárečiach. In: Jazykovedné štúdie. 10. Stolcov zborník. Bratislava, 1969, s. 212—219.
3. *Pauliny E.* Fonologický vývin slovenčiny, I. Bratislava, 1963.
4. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. 1. Praha, 1957.
5. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. I, 1964, т. I, 1967, т. III, 1971.
6. Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования, 1971. М., 1974.
7. *Kopečný F.* Etymologický slovník slovanských jazyku. Slova gramatická a zájmena. Svazek I. Praha, 1973, s. 100.
8. *Ondruš S.* Tri slovanské kompendiá.— *Slavia*, 1976, roč. 45, s. 300.
9. *Majtán M.* Tvary na *-ence* v slovenských nárečiach.— *Jazykovedný časopis*, 1962, roč. 13.
10. *Buffa F.* Formy plurálu typu *húsenec/húsatá* v slovenčine.— *Slovenská reč*, 1973, roč. 38.
11. *Machek V.* Origine des thèmes nominaux en *-el-* du slave.— *Lingua Posnaniensis*, 1949, № 1, s. 87—98.
12. *Buffa F.* Častice *nie-, vola-, da -si* v slovenských nárečiach.— *Slovenská reč*, 1966, roč. 31, s. 135.
13. Základní všeslovanská slovní zásoba. Red. F. Kopečný. Ústav jazyku a literatur CSAV. Etymologické pracoviště v Brne. 1963.
14. *Vážný V.* Nářečí slovenská. Československá vlastiveda 3. Jazyk. Praha, 1934.
15. *Horálek K.* Filosofie jazyka. Praha, 1967.
16. *Ružička J.* Spisovný jazyk a jazyková kultura v škole.— *Slovenská reč*, 1968, № 33, s. 131—134.
17. *Krajčovič R.* Slovenčina a slovanské jazyky I. Praslovanská genéza slovenčiny. Bratislava, 1974.
18. *Sima F.* Východoslovenské *valal*. In: Jazykovedné štúdie X. Stolcov zborník. Bratislava, 1969, s. 36.
19. *Stanislav J.* Dejiny slovenského jazyka, I. Bratislava, 1956.
20. *Dekan J.* Velká Morava. Doba a umenie. Bratislava, 1976.

Проблемы советской болгаристики

МАРКОВ Д. Ф.

БОЛГАРИСТИКА КАК КОМПЛЕКС НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН¹

Наша конференция проходит на Украине, которая связана многочисленными нитями с Болгарией. Если говорить об историческом прошлом, вспомним, например, что в Одессе учились и работали выдающиеся общественные и культурные деятели Болгарии: Христо Ботев, Иван Вазов и др. С Болгарией был связан древний Киев, которому в 1982 г. исполняется 1500 лет.

Во Львове, где мы находимся, в Институте общественных наук, в университете ведутся работы по славистике, в том числе по болгаристике, издается журнал «Проблемы слов'язнознaвствa», близкий нам по профилю.

Широки и многообразны связи Украины, как и всего Советского Союза, с современной социалистической Болгарией.

Наша конференция — всесоюзная. Она носит *историографический характер*, как это видно и по ее названию. Мы будем говорить об итогах и перспективах наших исследований. И надо сказать, что сделали мы немало. Об этом свидетельствуют три тома библиографии работ советских болгаристов за период после второй мировой войны. Если к этому прибавить библиографию по советской болгаристике, которую сделали и привезли с собой наши болгарские друзья, то общая картина выглядит весьма внушительно.

Об итогах и перспективах наших исследований в различных областях болгаристики — истории, литературоведения, языкознания и т. д., — будет сказано в докладах на пленарном заседании и в секциях. Я остановлюсь на некоторых общих вопросах.

Один из этих вопросов — это большой методологический вопрос — о понятии болгаристики, об ее предмете и развитии. Когда речь идет о болгаристике, все справедливо говорят о ее комплексности. К сказанному до сих пор я хотел бы внести некоторые дополнения и уточнения.

Дело в том, что комплексность в различные исторические периоды выступает по-разному и в соответствии с этим меняется содержание понятия болгаристики. В прошлом болгаристика была комплексной дисциплиной. В работах многих русских ученых она предстает как часть славистики. Ряд этих ученых — Венелин, Григорович — проявляли сравнительно

¹ Выступление на Всесоюзной научной конференции «Советская болгаристика. Итоги и перспективы» 27 января 1981 г. во Львове (см. Советское славяноведение, 1981, № 3, с. 115—118).

широкий интерес к истории, быту, культуре, языку болгарского народа. В XIX в. мы наблюдаем дифференциацию наук. Процесс этой дифференциации углубился особенно в XX в.

Современный этап болгаристики характеризуется, с одной стороны, глубокой дифференциацией и вместе с тем интеграцией научных дисциплин. Болгаристику на современном этапе мы определяем как *комплекс ряда наук*. Подчеркиваю, это не комплексная наука, а комплекс наук. Отсюда вытекают и новые задачи болгаристики. Задача сводится к тому, чтобы идти к объединению различных наук. Само это объединение происходит при их глубокой дифференциации, при сохранении специфики каждой науки.

Такое объединение диктуется внутренним развитием самой науки. Оно диктуется также сложной многосоставностью исследуемых явлений. Мы исходим из системности исторических реалий, и вопрос состоит в том, чтобы исследовать различные компоненты систем в их единстве.

Назову в качестве примера несколько проблем. Проблема этногенеза болгарского народа неизбежно требует объединения работы представителей разных специальностей: историков, лингвистов, этногеографов, археологов. Притом это не механическая сумма наук, а их органический союз, направленный на исследование разных компонентов единого явления.

Другая проблема — болгарское национальное Возрождение, которое складывается прежде всего из трех основных компонентов. Это процесс формирования нации и национального самосознания. Второй основной компонент — это процесс формирования национальной культуры. Третий компонент — формирование национального литературного языка.

Наличие таких компонентов требует участия в их изучении представителей разных наук. В результате происходит интеграция исследований в области истории, культуры, языка, т. е. разные специалисты изучают феномен национального Возрождения в целом с разных сторон.

Мы рассматриваем социализм как систему, состоящую из ряда компонентов, ибо социализм — это не только экономика, но и культура и, следовательно, изучение строительства социализма также должно вестись объединенными усилиями представителей разных наук. К сожалению, таких работ ни в Болгарии, ни в Советском Союзе еще нет. Этим, собственно, и определяется задача будущих исследований.

Таким образом, болгаристика имеет интердисциплинарный характер, и из этого мы должны исходить в организации нашей работы.

Далее я хотел бы подчеркнуть некоторые важные, на мой взгляд, особенности наших исследований. Отмечу два их аспекта.

Первый из них — изучение внутренних закономерностей исторического и культурного процесса Болгарии. Работ такого плана у нас создано уже немало. Они различного уровня, но лучшие из этих работ вносят новое, вносят свой вклад в науку наряду с работами болгарских ученых. Осуществляется важный процесс взаимодополнения.

Второй аспект наших исследований — это изучение болгарской истории и культуры в контексте мирового историко-культурного процесса. Это важнейший аспект, и я думаю, что наш вклад здесь особенно значителен.

Приведу два примера. В наших исследованиях, в особенности в работах акад. Д. С. Лихачева, древняя болгарская литература широко и убедительно рассматривается в общеславянском и общеевропейском контексте. Работы такого рода представляют собой несомненный вклад в болгаристику.

Второй пример. В исследованиях советских болгаристов социалистическая литература Болгарии изучается в контексте мировой революционной литературы. Значение такого рода исследований велико: определя-

ется место Болгарии среди других стран мира, ее вклад в мировую культуру.

Наши историки проводят сравнительно-типологические исследования, главная задача которых состоит в установлении общих закономерностей историко-культурного процесса с учетом специфики каждой страны. В этих исследованиях большое место занимает обобщение опыта Болгарии.

Важный аспект нашей работы — это функция популяризации болгарской истории, литературы, культуры в целом, болгарского языка. Это очень полезная работа. Мы пишем для советского читателя, и этой нашей работой способствуем популяризации болгарской культуры в мире, что весьма существенно.

Другой линией наших исследований является изучение связей болгарского народа с русским, украинским и другими народами нашей страны — связей исторических, культурных, языковых. И мы знаем, что связи эти отличаются большой разветвленностью. Особенно расширились наши связи после 9 сентября 1944 г., в период, когда Болгария стала одной из стран социалистического содружества. Изучение этих связей — наш долг. Собственно, к области связей относятся и наши научные контакты, которые все больше укрепляются. Мы ведем взаимные консультации, выполняем совместные работы, являющиеся высшей формой научного сотрудничества.

В заключение я хотел подчеркнуть, что мы выполняем двуединую задачу: собственно научное сочетается с общественно-политическим. Наши исследования способствуют дальнейшему расширению и укреплению дружбы советского народа с близкой нам братской Болгарией, идущей по пути строительства социализма и коммунизма.

ВАЛЕВ Л. В.

ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСОВ ИСТОРИИ БОЛГАРИИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ¹

Вплоть до начала второй мировой войны изучение истории Болгарии в Советском Союзе развивалось крайне медленно и не давало оснований выделять его в качестве особой отрасли советской исторической науки. Несмотря на основополагающие высказывания В. И. Ленина по ряду узловых вопросов новой и новейшей истории Болгарии, начиная с периода османского ига и вплоть до революционного кризиса в конце 1918 — начале 1919 г., эти вопросы лишь затрагивались в немногих работах советских историков. Исключение составляли, пожалуй, только публикации болгарских коммунистов-политэмигрантов 20—30-х годов, которые внесли существенный вклад в формирование марксистско-ленинской концепции новейшей истории Болгарии.

Единственным крупным советским историком-болгаристом в период до второй мировой войны, если не считать еще, пожалуй, Е. З. Волкова, являлся академик Н. С. Державин (1877—1953), который возглавил созданный в Ленинграде в конце 1931 г. Институт славяноведения, просуществовавший менее трех лет. Этот институт, имевший около десяти сотрудников и занимавшийся славистикой в самом широком смысле, был вскоре объединен с Фундаментальной библиотекой Академии наук, поскольку условия для его развития в то время еще не созрели.

Академик Державин обладал большой эрудицией и широким диапазоном научных интересов, внес важный вклад в изучение истории Болгарии, прежде всего вопросов зарождения капиталистических отношений в стране и национально-освободительной борьбы болгарского народа и др. Это нашло отражение, главным образом, в его четырехтомной «Истории Болгарии», имеющей очерковый характер и охватывающей период до освобождения страны от османского ига. Этот труд Н. С. Державина вышел в свет отдельным изданием в 1945—1948 гг. [1]. Необходимо сказать, что некоторые из выдвинутых им положений, касающихся, например, происхождения болгарского народа, роли иноземного ига в его истории, в дальнейшем были критически пересмотрены марксистско-ленинской исторической наукой. Речь идет об элементах вульгарного социологизма, восхваления справедливо развенчанной позже «яфетической» теории Н. Я. Марра и т. п.

Научно-организационные основы изучения истории Болгарии, как и истории других зарубежных славянских народов, были заложены в са-

¹ Доклад, прочитанный на Всесоюзной научной конференции «Советская болгаристика. Итоги и перспективы» 27 января 1981 г. во Львове.

мый канун второй мировой войны, когда на историческом факультете Московского университета была создана кафедра истории южных и западных славян, а в Институте истории АН СССР — сектор славяноведения, преобразованный в начале 1947 г. в самостоятельный и комплексный Институт славяноведения. Важным стимулом для активизации разработки вопросов истории Болгарии явился возросший за время войны и в послевоенный период интерес советской общественности к братскому болгарскому народу, самоотверженно боровшемуся против фашистского ига, а затем вступившему на путь строительства социализма.

Вместе с общим развитием советской исторической науки, ростом кадров ученых-историков, с повышением их теоретического уровня и профессионального мастерства происходило и развитие советской болгаристики. Уже в первые послевоенные годы стали появляться труды по истории Болгарии, приобретшие широкую известность. Они публиковались сначала в журнале «Вопросы истории», затем — в «Ученых записках» и «Кратких сообщениях» Института славяноведения и других изданиях [2]. Появились и первые тематические сборники статей, посвященные отдельным проблемам истории Болгарии, а также первые диссертационные работы, монографические исследования [3].

Сейчас уже трудно не заметить серьезных слабостей во многих трудах советских болгаристов, создававшихся в то время: недостаточно глубокий анализ исторических фактов и событий, слабая разработка теоретических вопросов в конкретно-исторических исследованиях, элементы схематизма и догматизма. Некоторые из этих работ, посвященные исследованию проблем революционных и социалистических преобразований в Болгарии и создававшиеся буквально по следам событий, хотя и обладали преимуществом свежих впечатлений и зачастую ярко передавали пафос эпохи, страдали односторонним освещением событий и процессов, фрагментарностью, слабостью источниковедческой базы.

Следует, однако, сказать, что, несмотря на указанные недостатки, эти работы были написаны с позиций материалистического понимания исторического процесса и вносили немало нового в изучение истории Болгарии, расширяли проблематику исследований, вводили в научный оборот новые материалы.

Первый крупный обобщающий труд — двухтомная «История Болгарии», изданная Институтом в 1954—1955 гг. [4], дал целостную картину исторического развития болгарского народа с древнейших времен до современности, явился серьезной проверкой сил советских специалистов. Хотя в нем не удалось равномерно осветить все вопросы и все периоды истории Болгарии, избежать элементов схематичности и ошибок, он отразил главные результаты научно-исследовательской работы советских болгаристов того времени, выявил ее слабые стороны, спорные и нерешенные вопросы. Тем самым были намечены первоочередные проблемы, на решение которых надлежало направить творческие усилия при дальнейшей разработке истории страны. Важной заслугой авторов этого труда явилось обоснование научной периодизации исторического процесса на основе марксистско-ленинской методологии. Вследствие ограниченности и скудости источниковедческой базы, почти полного отсутствия монографических исследований многие вопросы истории Болгарии разработаны в двухтомнике впервые. К созданию его были привлечены почти все советские специалисты того времени — и такие маститые ученые как С. А. Никитин и П. Н. Третьяков, и представители тогдашнего молодого поколения болгаристов — Н. В. Зуева, М. А. Бирман и др. Кроме историков в его составлении приняли участие и литературоведы, подготовившие разделы по культуре.

Создание «Истории Болгарии» явилось серьезным стимулом и в налаживании непосредственных контактов и сотрудничества советских и болгарских историков. Одним из проявлений товарищеской взаимопомощи было обсуждение в октябре 1954 г. в Софии советского издания, а в Москве — аналогичного коллективного труда, созданного болгарскими учеными.

Важный этап развертывания творческой активности историков-болгаристов и преодоления догматического подхода к изучению исторических явлений начинается с середины 50-х годов. Благодаря постепенному расширению источниковедческой базы были сделаны исправления и уточнения по ряду важных вопросов. Совершенствовались приемы и методы исследовательской работы, расширился фронт исследований. Наряду с улучшением качества создаваемых трудов наблюдался и значительный рост их количества. В исследовательскую работу включались новые отряды хорошо подготовленных молодых болгаристов. При этом заметно усилился интерес к периоду революционных преобразований послевоенных лет и к социалистическому строительству в Народной Республике Болгарии.

Постепенно сформировался целый ряд устойчивых центров советской болгаристики, причем их географический диапазон весьма широк — от Москвы, Киева, Харькова, Минска и Львова на западе до Свердловска, Краснодара, Орджоникидзе и Одессы — на востоке и юге страны. Имеются кадры историков-болгаристов в Ленинграде, Ужгороде, Кишиневе, Черновцах, Донецке, Ивано-Франковске, Каменец-Подольске, Ровно, Калишине, Саранске, Воронеже, Куйбышеве, Ереване, Тбилиси, Душанбе, Ташкенте, в прибалтийских республиках и в ряде других городов и районов. Уже несколько поколений историков-болгаристов высшей квалификации — десятки докторов наук и сотни кандидатов — поднимают эту отрасль науки на новую высоту, совершенствуют ее.

Болгаристы неизменно широко представлены на всех периодически созываемых конференциях историков-славистов СССР. По всем данным, они составят внушительный отряд и на очередной IX всесоюзной конференции.

Все меньше неосвещенных проблем остается на карте советской исторической болгаристики. Назову лишь основные направления, по которым проведена или проводится работа советских историков-болгаристов.

Проблемы этногенеза болгарского народа, развития первобытнообщинного и феодального строя на территории Болгарии, первых антифеодальных сельских движений нашли своих исследователей в лице Л. В. Гориной, Б. Т. Горянова, П. О. Карышковского, Г. Г. Литаврина, С. А. Никитина и ряда других советских ученых [5].

Значительное место в советской историографии занимают вопросы болгарского Возрождения, социального содержания, движущих сил и гегемона Апрельского восстания 1876 г., освобождения Болгарии от пятивекового османского ига, истории русско-болгарских революционных связей 60-х и 70-х годов XIX в., исследования деятельности и творчества Г. С. Раковского, В. Левского, Хр. Ботева, Л. Каравелова и других видных деятелей болгарского национально-освободительного движения. Этому кругу вопросов посвящены исследования свыше двадцати советских ученых. Назову лишь несколько имен: В. И. Адо, Л. В. Воробьев, И. В. Козьменко, В. Д. Конобеев, С. А. Никитин, К. А. Поглубко, С. И. Сидельников, А. А. Улунян, В. П. Чорний и др. [6].

Еще большее число ученых разрабатывало вопросы истории формирования рабочего класса, развития рабочего и революционного движения первой трети XX в., крестьянского движения, влияния Великого Октября на развертывание классовой борьбы в Болгарии, Сентябрьского

восстания 1923 г. и антифашистского движения в межвоенный период. Вот лишь несколько из них: М. А. Бирман, Р. П. Грипина, М. Д. Дыхан, В. И. Жебокрицкий, А. К. Мартыненко, Д. Б. Мельцер, И. Н. Частухин, Г. И. Чернявский, А. М. Шнитман [7]. К ним можно было бы добавить еще добрых два десятка фамилий.

Другим важным направлением исследовательской работы советских историков-болгаристов по новейшему периоду явилось изучение проблем освободительного движения болгарского народа в годы второй мировой войны. Историки-болгаристы знакомили советскую общественность с политическим и экономическим положением в Болгарии накануне и в период войны, рассказывали о ее порабощении гитлеровскими империалистами и об антинациональной политике правящей монархо-фашистской клики. Они исследовали внутренние и внешние предпосылки народно-демократической революции, стратегию и тактику БКП, процесс объединения демократических сил под знаменем Отечественного фронта и рост партизанского движения, историческую закономерность победы народного восстания 9 сентября 1944 г. Важное место в этих работах занимает и внешнеполитическая проблематика. Среди авторов работ на эти темы следует назвать Р. Т. Аблову, Л. Б. Валева, В. Д. Вознесенского, И. В. Ганевича, В. И. Клокова, Н. И. Туривненко, И. Н. Чемпалова и др. [8].

Большое внимание в советской болгаристике уделяется проблемам становления и развития нового строя, социалистической индустриализации и преобразований в сельском хозяйстве, культурной революции, внешней политики НРБ и советско-болгарского сотрудничества. Эти вопросы исследуются в трудах А. И. Доронченкова, Ф. Т. Константинова, В. Д. Мозерова, Д. Г. Песчаного, М. Е. Позолотина, Г. Н. Попова, П. С. Соханя, В. Н. Стародубровской, В. П. Тихомирова, А. И. Черния и многих других советских историков [9].

Следует упомянуть также о работах советских ученых, посвященных жизни и деятельности Димитра Благоева, Георгия Димитрова, Васила Коларова и других видных деятелей болгарского коммунистического, рабочего и крестьянского движения. Это — труды Н. Ф. Гусева, А. М. Коренькова, А. И. Соболева, П. С. Соханя, К. К. Ширини и др. [10]. Изданы также специальные сборники, посвященные жизни и деятельности Г. Димитрова [11].

В последнее время советские болгаристы обратились к разработке историографических проблем по наиболее изученной тематике. Здесь следует упомянуть труды А. С. Бейлиса, исследовавшего становление марксистской историографии в Болгарии с конца XIX в. до социалистической революции 1944 г.; А. В. Манько, занявшегося критикой современной буржуазной исторической болгаристики, в частности извращения ею истории революционного движения в Болгарии в 1917—1924 гг.; О. Н. Решетниковой, изучившей развитие исторической мысли по проблеме создания и развития Отечественного фронта Болгарии; Ш. Е. Шоймера, рассмотревшего вопросы становления и основные этапы развития историографии движения Сопротивления в Болгарии в годы второй мировой войны и др. [12].

Все более возрастает и значение библиографических работ и научной информации в области исторической болгаристики. Они уже в состоянии оказывать эффективную помощь научно-исследовательской работе наших коллег. Большие заслуги в этой области имеет коллектив Института научной информации по общественным наукам АН СССР [13].

Касаясь изучения истории Болгарии в Советском Союзе, нельзя не сказать о развитии еще двух форм этой работы: об издании тематических

сборников, посвященных отдельным проблемам этой истории, и об участии советских болгаристов в создании обобщающих сравнительно-исторических исследований. Среди первой группы следует упомянуть сборники: «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (1953), «Болгарский народ в борьбе за социализм» (1954), «Из истории русско-болгарских отношений» (1958); ряд изданий, посвященных жизни и деятельности Георгия Димитрова, наконец, подготавливаемый в настоящее время Институтом славяноведения и балканистики сборник статей, посвященный 1300-летию создания болгарского государства и др.

Что же касается сравнительно-исторических обобщающих трудов, то их число особенно возросло в последние годы [14]. В этих работах, рассматривающих общие, типичные для всех стран региона черты в сочетании с особенностями, свойственными каждой из них в отдельности, есть материал о болгарском опыте. Разумеется, большое внимание уделено Болгарии в вузовских учебниках и учебных пособиях по истории южных и западных славян, и в таких многотомных изданиях, как «Всемирная история», «История дипломатии», «История второй мировой войны», «Историческая энциклопедия» и др.

Заканчивая краткий обзор данных об изучении советскими исследователями истории Болгарии, нельзя не сказать о сотрудничестве советских и болгарских ученых. Широко применяется и приобретает все большие размеры такая его форма, как издание совместных исследований и документальных сборников при участии научных сотрудников обеих стран. Уже в 50-е годы началась совместная работа советских и болгарских ученых по подготовке трехтомной публикации документов об освобождении Болгарии от османского ига, вышедшей в 1961—1967 гг. [15]. В 1969 г. началась подготовка совместной академической публикации документов и материалов «Советско-болгарские отношения и связи». Том I этого издания, охватывающий период 1917—1944 гг., вышел в свет в Москве в 1976 г. и в Софии в 1977 г. В этом году выходит II том, в котором публикуются документы за 1944—1958 гг. Ведется работа над томом III. Следует подчеркнуть, что это — первая попытка комплексного документального освещения истории отношений между СССР и Болгарией на протяжении всей новейшей истории этих стран, начиная с Великой Октябрьской социалистической революции и до наших дней. Именно разносторонность и хронологическая протяженность отличают это издание от других публикаций документов, подготовленных министерствами иностранных дел СССР и НРБ в последние годы. Ведется также работа над совместным изданием документов «Россия и болгарское национально-освободительное движение 1856—1876 гг.».

Расширение фронта этих работ стимулирует совместные исследования по актуальным проблемам советско-болгарских связей и отношений. Достаточно назвать подготавливаемый в настоящее время совместный труд «Интернациональное сотрудничество КПСС и БКП — история и современность», а также новый советско-болгарский труд «Биография дружбы», выход которого в Москве и Софии приурочивается к 1300-летию болгарского государства и 100-летию со дня рождения Димитрова.

В последнее время все более активизируется сотрудничество советских и болгарских историков на многосторонней основе, т. е. в содружестве с учеными других европейских социалистических стран, а также в международном масштабе. В этом отношении большое значение имеет советско-болгарское сотрудничество на международных конгрессах историков, славистов, балканистов и т. д.

Во всей этой многогранной работе значительную помощь оказывает созданная еще в 1968 г. по решению академий наук СССР и НРБ совмест-

ная комиссия историков, в которую входят виднейшие представители советской и болгарской исторической науки, специалисты в области археологии, истории культуры, этнографии, военной истории, истории международного рабочего движения и др. Свою главную задачу Комиссия видит в том, чтобы всемерно укреплять сотрудничество советских и болгарских историков для развития исторической науки в обеих странах на принципах марксистско-ленинской методологии, вести борьбу против идеологии антикоммунизма, против фальсификации истории. Развитие научных связей способствует объединению усилий ученых НРБ и СССР вокруг важных в научном и политическом отношении проблем, росту научных кадров, увеличению научного потенциала. В общем плане это отвечает тенденции социалистической интеграции, представляющей одну из главных закономерностей развития социалистического сотрудничества на современном этапе.

Обогащение форм и методов творческого сотрудничества советских историков-болгаристов и болгарских ученых имеет глубокий смысл и содержание. Оно помогает им идти вперед в научно-теоретическом осмыслении фактического материала, проведении четкого классового подхода к явлениям общественного развития, вести наступательную борьбу против буржуазной идеологии. Кооперирование этих усилий и переход к комплексным исследованиям повышает эффективность научной работы, увеличивает ее вклад в формирование коммунистического мировоззрения у широких народных масс, укрепляет в них дух социалистического патриотизма и интернационализма, братскую дружбу народов наших стран.

Какие выводы следует сделать из всего сказанного выше?

Прежде всего, можно сказать, что за рассматриваемый период советская историческая болгаристика достигла существенных успехов. Наряду с количественным ростом значительно повысился научно-теоретический уровень исследований, расширилась их источниковедческая база. Укрепли и расширились контакты и сотрудничество с историками НРБ. Усилилась борьба с антинаучными, буржуазными и ревизионистскими фальсификациями истории болгарского народа и его отношений с советским народом, довольно широко распространенными в западной историографии.

Вместе с тем следует учесть, что в нашей науке имеется достаточное количество все еще не решенных до конца вопросов. Самое пристальное внимание надо обратить на координацию деятельности историков-болгаристов СССР. Со времени первого координационного совещания по актуальным вопросам славяноведения, на котором говорилось и о работе историков-болгаристов, прошло ровно двадцать лет. И только в 1977 г. было созвано новое совещание по комплексным проблемам истории и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Координационная работа проводилась sporadически, время от времени. Между тем, необходимость в ней не только не отпала, но наоборот, постоянно возрастает. Надо надеяться, что настоящая конференция явится серьезным стимулом в этом направлении. Может быть, стоит подумать и об усилении регулярной работы в этом отношении также и со стороны советской части Комиссии историков СССР и НРБ.

Задачей первостепенного значения остается овладение и успешное использование марксистско-ленинской методологии, принципов классово-партийного и конкретно-исторического подхода к анализу общественных явлений. Теоретический уровень и актуальность наших исследований иногда снижаются и от того, что авторы не учитывают достижений смежных общественных наук. Крайне необходимо добиться решительного перелома в преодолении этого недостатка, усилить комплексную разработку исторических явлений.

По-прежнему надлежит направлять усилия на дальнейшее укрепление сотрудничества с болгарскими учеными в общей борьбе за развитие марксистско-ленинской исторической науки, на совместное развертывание борьбы с буржуазной идеологией, на углубление совместных исследований по наиболее актуальным и важным проблемам, в особенности по изучению отношений и связей Советского Союза и НРБ, вопросов сотрудничества между братскими коммунистическими партиями в ходе строительства социализма и коммунизма, развития интернационалистских отношений между нашими народами и др.

Судя по всему, следовало бы продолжить работу по созданию новых коллективных обобщающих трудов по истории Болгарии с учетом последних достижений в развитии нашей науки. Определенным шагом в этом направлении явится подготовка Институтом славяноведения и балканистики АН СССР однотомника по истории Болгарии с древнейших времен до наших дней, который должен выйти в свет к 40-летию социалистической революции 9 сентября 1944 г.

Наконец, широкое поле деятельности для советских историков-болгаристов открывается при сопоставлении и обобщении опыта исторического развития Болгарии и других стран, в особенности тех государств, которые идут по пути социалистического строительства.

Таковы основные итоги и перспективы изучения вопросов истории Болгарии в Советском Союзе, изучения, которому, надо полагать, конференция историков-болгаристов даст новый стимул и размах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Державин Н. С.* История Болгарии. М.— Л., т. I, 1945; т. II, 1946; т. III, 1947; т. IV, 1948.
2. *Бернштейн С. Б.* Страницы из истории болгарской иммиграции в Россию во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг.— Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. I, 1949; *Бирман М. А.* Нарастание революционной ситуации в Болгарии в 1917—1918 гг. и Владайское восстание.— Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. V, 1952; *Валев Л. Б.* Народное-демократическая Болгария с 9 сентября 1944 г. до конца второй мировой войны.— Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. III, 1951; *Валев Л. Б.* Болгария в период борьбы за укрепление народно-демократического строя и восстановление народного хозяйства.— Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. IV, 1951; *Гринберг С. С.* Первая мировая война и болгарский народ.— Исторические записки, 1947, № 21; *Киршевская А. Н.* Реформы правительства Земледельческого союза в Болгарии и их крах.— Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. X, 1954; *Козьменко И. В.* Русское общество и Апрельское болгарское восстание 1876 г.— Вопросы истории, 1947, № 5; *Копобеев В. Д.* Борьба болгарского народа за независимость в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. против решений Берлинского конгресса.— Сб. Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1953; *Кореньков А. М.* Интернационалистская позиция болгарских тесных социалистов в период мировой империалистической войны 1914—1918 гг.— Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. X, 1954; *Левинтов Н. Г.* Аграрный переворот в Болгарии в 1877—1879 гг.— Вопросы истории, 1951, № 12; *Мещеряк И. И.* Болгарские и гагаузские поселения в Бессарабии в 20-х годах XIX столетия.— Уч. зап. Юшиневского гос. ун-та, т. 2. Кишинев, 1950; *Никитин С. А.* Образование болгарского народа и возникновение Болгарского государства.— Вестник Московского ун-та, 1952, № 1; *Струкова К. Л.* Воссоединение южной и северной Болгарии в 1885 г.— Краткие сообщения Ин-та славяноведения, 1953, № 11 и др.
3. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Сб. статей. М., 1953; Болгарский народ в борьбе за социализм. Сб. статей. М., 1954; *Валев Л. Б.* Из истории Отечественного фронта Болгарии (июль 1942 — сентябрь 1944 г.). М.— Л., 1950; *Державин Н. С.* Христо Ботев, поэт-революционер. 1847—1876. М.— Л., 1948; *Жебокицкий В. А.* Историческая роль русского народа в освобождении Болгарии от турецкого ига. Киев, 1953; *Копобеев В. Д.* Русско-болгарское боевое сотрудничество в русско-турецкой войне 1877—1878. М., 1953. *Константинов Ф. Т.* Болгария на пути к социализму. М., 1949; *Позолотин М. Е.* Борьба болгарского народа за свободу и независимость в период второй мировой войны. М., 1954;

- Фортунатов П. К.* Война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950.
4. История Болгарии. Т. I. Под ред. П. Н. Третьякова, С. А. Никитина, Л. Б. Валева. М., 1954; т. II, 1955.
 5. *Горина Л. В.* Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве. М., 1972; *Горянов Б. Т.* Болгария. Исторический очерк.— В кн.: Балканские страны. М., 1946; *Горянов Б. Т.* Византия и южные славяне.— Преподавание истории в школе, 1950, № 4; *Карышковский П. О.* Восстание Ивайла (Крестыянская война в средневековой Болгарии в 1277—1280 гг.).— Византийский временник. М., 1958, т. 13; *Литаеврин Г. Г.* Крестьянство Западной и Юго-Западной Болгарии в XI—XII вв.— Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. XIV, 1956; *Литаеврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960; *Никитин С. А.* Образование болгарского народа и возникновение Болгарского государства.— Вестник Московского ун-та, 1952, № 1 и др.
 6. *Адо В. И.* Берлинский конгресс 1878 г. и помещичье-буржуазное общественное мнение России.— Исторические записки. М., 1961, т. 69; *Воробьев Л. В.* Любен Каравелов. Мировоззрение и творчество. М., 1963; *Козьменко И. В.* Россия и освобождение Болгарии.— В кн.: Балканские исследования. М., 1978, вып. 4; *Коновеев В. Д.* Образование вооруженных сил Болгарии в период ее освобождения от турецкого ига. 1876—1879 гг.— Кр. сообщ. Ин-та славяноведения, 1951, вып. 2; *Коновеев В. Д.* Социально-экономическое положение «свободного» крестьянства в Болгарии в 60—70-х годах XIX в.— Советское славяноведение, 1969, № 2; *Никитин С. А.* Россия и освобождение Болгарии.— Вопросы истории, 1978, № 7; *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг. М., 1960; *Поглубко К. А.* Очерки истории болгаро-российских революционных связей (60—70-е годы XIX в.). Кишинев, Штиница, 1972; *Сидельников С. И.* Болгарский революционный Центральный Комитет (1868—1872). Харьков, 1970; *Улунян А. А.* Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и Россия. Очерки. М., 1978; *Улунян А. А.* Болгарский народ и русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1971; *Чорный В. П.* Героическая эпопея болгарского народа (Апрельское восстание 1876 г.) Львов, 1976.
 7. *Бирман М. А.* Революционная ситуация в Болгарии в 1918—1919 гг. М., 1957; *Бирман М. А.* Формирование и развитие болгарского пролетариата. 1878—1923 гг. М., 1980; *Гришина Р. П.* Возникновение фашизма в Болгарии. 1919—1925. София, 1974; *Диган М. Д.* Болгари-політемігранти у соціалістичному будівництві на Україні в 1924—1929 рр. Київ, 1973; *Жебокрицкий В. А.* Болгария накануне Балканских войн 1912—1913 гг. Киев, 1960; *Жебокрицкий В. А.* Болгария во время Балканских войн 1912—1913 гг. Киев, 1962; *Мартыненко А. К.* Провозглашение независимости Болгарии в 1908 г. Киев, 1957; *Мартыненко А. К.* Русско-болгарские отношения в 1894—1902 гг. Киев, 1967; *Мартыненко А. К.* Русско-болгарские отношения накануне и в период революции 1905—1907 гг. Киев, 1974; *Мельцер Д. Б.* Советско-болгарские отношения (1917—1935). Минск, 1975; *Частухин И. Н.* Крестьянское движение в Болгарии в 1899—1900 гг. и возникновение Болгарского земледельческого народного союза.— Вопросы истории, 1956, № 9; *Чернявский Г. И.* Рабочее движение в Болгарии в период частичной стабилизации капитализма (1925—1929). Харьков, 1969; *Шнитман А. М.* Из истории интернациональных связей В. И. Ленина с революционным рабочим движением в Болгарии (1896—1923). Мурманск, 1967.
 8. *Аблова Р. Т.* Сотрудничество советского и болгарского народов в борьбе против фашизма (1941—1945). М., 1973; *Валева Л. Б.* Болгарский народ в борьбе против фашизма (Накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964; *Вознесенский В. Д.* Царь Борис, Гитлер и легионеры.— Новая и новейшая история, 1971, № 1, 2; *Ганевич И. В.* Борьба болгарского народа под руководством Коммунистической партии за национальное и социальное освобождение (1941—1944). Киев, 1959; *Клоков В. И.* Борьба славянских народов против фашистских поработителей. 1939—1945. Киев, 1961; *Турионенко Н. И.* Освободительная миссия Советской Армии в Болгарии (Сент. 1944 г.). Учебн. пособие. Донецк, 1974; *Чемпалов И. Н.* Присоединение Болгарии к Тройственному пакту и позиция великих держав.— Уч. зап. Уральского гос. ун-та. Свердловск, 1968, № 74, сер. ист., вып. 5.
 9. *Доропченков А. И.* К истории болгарского рабочего класса и его интернациональных связей с трудящимися СССР (1947—1952).— Сб. Славянские исследования. Л., 1966; *Константинов Ф. Т.* Болгария на пути к социализму. М., 1953; *Мозеров В. Д.* Экономическая политика Болгарской коммунистической партии в промышленности. Восстановительный период (1944—1948) Саранск, 1973; *Мозеров В. Д.* Совершенствование управления промышленностью в Болгарии (1944—1968). Саранск, 1975; *Песчаный Д. Г.* Сотрудничество между СССР и Болгарией в области сельского хозяйства (1948—1958). Ростов-на-Дону, 1975; *Позолотин М. Е.* Внешняя политика Болгарии 1961—1975. М., 1975; *Попов Г. Н.* Бол-

- гарские коммунисты в борьбе за осуществление культурной революции (1944—1948). Харьков, 1966; *Сохань П. С.* Социалистический интернационализм в действии (Украинская ССР в советско-болгарском экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве 1945—1965). Киев, 1969; *Сохань П. С.* Очерки истории украинско-болгарских связей. Киев, 1976; *Стародубровская В. Н.* Строительство экономического фундамента социализма в Народной Республике Болгарии. М., 1953; *Тихомиров В. П.* Социалистическое переустройство сельского хозяйства Болгарии. М., 1951; *Черный А. И.* Болгарская коммунистическая партия в борьбе за социалистическую индустриализацию страны (1948—1958). Киев, 1976; *Черный А. И.* Болгарская коммунистическая партия — организатор социалистического соревнования в промышленности (1948—1958). Львов, 1979.
10. *Гусев Н. Ф.* Васил Коларов. 1877—1950. М., 1963; *Кореньков А. М.* Георгий Димитров (1882—1949). М., 1962; *Соболев А. И.* Г. М. Димитров — выдающийся деятель и теоретик коммунистического движения. — Новая и новейшая история, 1972, № 2; *Сохань П. С.* Пламенный революционер. Жизнь и революционная деятельность Г. Димитрова. 2-е изд. испр. и доп. Киев, 1969; *Ширина К. К.* Георгий Димитров — выдающийся борец за мир. — Рабочий класс и современный мир, 1972, № 3.
 11. Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения. М., 1972; Георгий Димитров — выдающийся революционер-ленинец. Материалы научной конференции Ин-та марксизма-ленинизма, Акад. обществ. наук, Высш. парт. школы при ЦК КПСС и Ин-та славяноведения и балканистики АН СССР, посвященной 90-летию со дня рождения Г. Димитрова. Москва, 7—8 июня 1972 г. М., 1974.
 12. *Бейлис А. С.* Становление марксистской историографии в Болгарии (С конца XIX в. до социалистической революции 1944 г.). Проблемы болгарского Возрождения. Львов, 1970; *Манько А. В.* Фальсификаторы на историята. Критика на съвременната буржоазна историография на революционното движение в България (1917—1924). София, 1980; *Решетникова О. Н.* Фальсификация истории Отечественного фронта Болгарии 1942—1944 гг. в буржуазной английской и американской историографии. — Советское славяноведение, 1977, № 4; *Шоймер Г. Е.* Болгарская рабочая партия во главе вооруженной борьбы болгарского народа в годы второй мировой войны (Очерк советской историографии). — Уч. зап. Петрозаводского гос. ун-та, 1970, т. 16, вып. 7.
 13. Советская болгаристика. Указатель литературы 1945—1980. В 3-х частях. М., 1981.
 14. Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Опыт сравнительного изучения социально-экономических преобразований в революционном процессе. М., 1977; VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977; Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977; Рабочий класс и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977; Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость 1941—1945 гг. М., 1978.
 15. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы. Т. I. Освободительная борьба южных славян и Россия. М., 1961; Т. 2. Борьба за национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны 1877—1878. М., 1964; Т. 3. Борьба России и болгарского народа за создание Болгарского государства. 1878—1879. М., 1967.

ЗЛЫДНЕВ В. И.

ИЗУЧЕНИЕ БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Изучение болгарской литературы в Советском Союзе — важная и самостоятельная часть советской болгаристики, имеющая свою историю, внутренние этапы развития и определенные научные достижения, без исследования которых невозможно в полном объеме представить ни советскую болгаристику, ни советское славяноведение в целом.

Со времени Октябрьской социалистической революции, когда в СССР было положено начало новому подходу к изучению болгарской литературы, и до настоящего времени можно выделить, по крайней мере, три исторических этапа ее изучения: первый хронологически определяется такими важными историческими событиями в жизни нашей страны, как Октябрьская социалистическая революция и вторая мировая война; второй охватывает период от окончания второй мировой войны до конца 50-х годов и третий берет свое начало в конце 50-х годов и продолжается до наших дней.

На первом этапе изучение болгарской литературы занимало скромное место в системе гуманитарных и филологических дисциплин. Основными центрами, где работали слависты (в том числе литературоведы-болгаристы) были Москва и Ленинград. В университетах и академических институтах этих городов, в научных комиссиях продолжали свою деятельность филологи-слависты предшествующего периода. Среди них в первую очередь следует назвать академиком П. А. Лаврова (1856—1929) и М. Н. Сперанского (1863—1938). Слависты широкого профиля, они проявляли традиционный интерес к древнеболгарской литературе (письменности) и к русско-болгарским литературным взаимоотношениям в древний период. К числу наиболее значительных работ П. А. Лаврова следует отнести его обобщающие исследования о славянских просветителях Кирилле и Мефодии [1, 2]. М. Н. Сперанский в 20-е и 30-е годы часто обращался к рассмотрению русско-славянских связей в период с XI по XVII вв., широко используя архивы и рукописное наследие. Этим вопросам посвящен ряд его исследовательских статей [3—5].

Из русских славистов, которые начинали свою деятельность до Октябрьской революции, но создали наиболее значительные труды уже в советский период, следует прежде всего назвать акад. Н. С. Державина (1877—1953), явившегося основоположником советской болгаристики. Его труды по истории, фольклору, языку и литературе болгарского народа — весомый вклад в советское славяноведение, в понимание многих

¹ Доклад, прочитанный на Всесоюзной научной конференции «Советская болгаристика. Итоги и перспективы» 27 января 1981 г. во Львове.

принципов историко-культурного развития болгарского народа, особенно периода XVIII—XIX вв. Из литературоведческих работ межвоенного периода следует назвать монографию об А. Константинове и филологический сборник с обстоятельной характеристикой Паисия Хилендарского и Софрония Врачанского и др. [6—8]. В духе культурно-исторической школы изучал болгарскую литературу во Львове проф. И. С. Свенцицкий (1876—1956), результатом чего явились его очерки по истории болгарской литературы, вышедшие уже после его смерти [9]. В книгу вошли статьи по древней болгарской литературе и по литературе эпохи национального возрождения.

Особенность развития литературной болгаристики в межвоенный период состоит в постепенном переключении внимания исследователей с эпохи древности и средневековья на время национального возрождения, а также на конец XIX — начало XX в. Это было не механическое переключение на наиболее крупные литературные явления нового и новейшего времени, но и процесс складывания, выработки новой марксистской методологии в литературоведении, когда литературные факты осмыслились в связи с крупнейшими историческими и социальными процессами в Болгарии. На этом пути были свои трудности, связанные и с проявлением вульгарного социологизма, кстати сказать, присущего в то время всем нашим гуманитарным дисциплинам, и с недооценкой демократического наследия прошлого. Однако общая тенденция развития литературоведения, при всех имевших место недостатках, шла по восходящей линии и была отмечена важными достижениями. В наибольшей степени это проявилось в изучении наследия Христо Ботева [10], писателей реалистического направления — А. Константинова, И. Вазова, С. Михайловского [11], современных революционных поэтов и прозаиков Болгарии [12—15]. Им принадлежат статьи, посвященные творчеству Х. Смирненского, Г. Милева, Л. Стоянова, а также болгаро-советским отношениям. Достижения советских болгаристов в изучении болгарской литературы в 20—30-е годы были весьма скромными: число ученых, обратившихся к болгарской литературе, было ограничено, специальных изданий по существу не было, работ исследовательского характера насчитывалось единицы.

В годы второй мировой войны проблема отношения к судьбам славянских народов и их культурному наследию претерпела большие изменения. Славянская проблематика (а вместе с ней и болгаристика) выдвигается в силу ряда условий социального, политического и революционного характера в самих странах на одно из первых мест в гуманитарных науках. Внимание к болгарской литературе проявили многие видные советские писатели и критики. Со статьями о Болгарии и болгарской литературе выступили Н. Тихонов и Д. Заславский, П. Тычина и А. Сурков, И. Анисимов и Т. Мотылева, Е. Книпович, Б. Рюриков и др. Однако основную роль в изучении болгарской литературы в Советском Союзе и в ее популяризации выполняли литературоведы, специально ею занимавшиеся. Среди них были ученые с опытом литературной работы и совсем молодые специалисты. Самым крупным центром славистики и болгаристики в Советском Союзе стал Институт славяноведения АН СССР (с 1968 г. — Институт славяноведения и балканистики АН СССР). В первые послевоенные годы оживляется деятельность кафедр славянской филологии в Московском, Ленинградском, Киевском и других университетах страны. К середине 50-х годов складываются творческие группы и сектора по изучению славянских литератур (в том числе и болгарской) в научно-исследовательских институтах: в Москве — в Институте мировой литературы АН СССР им. М. Горького, в Ленинграде — в Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), в Киеве — в Институте литературы

АН УССР им. Т. Шевченко и др. В каждом из этих институтов, равно как и в университетах, стали готовить специалистов и по болгарской литературе.

На втором этапе стала более ощутимой творческая отдача тех специалистов, которые формировались в межвоенный период. Кроме того, активно проявили себя молодые слависты послевоенного поколения. Появились серьезные статьи, книги, коллективные труды, ставящие и решающие важные проблемы истории болгарской литературы и ее современного состояния. Произошел определенный сдвиг в интересах к болгарской литературе. В центре внимания оказались проблемы ее развития в XIX и XX вв., когда в литературе выдвинулись крупные творческие личности, а в литературном процессе происходили важные явления, имеющие принципиальное значение. На этом этапе стали складываться научные связи советских славистов с болгарскими учеными. Пока это были контакты, выливавшиеся лишь во взаимные консультации, обмен информацией, совместные обсуждения подготовляемых трудов, первые творческие встречи.

Поступательное развитие советской болгаристики в области литературоведения складывалось из общих усилий многих литературоведов, а также из научных достижений ведущих ученых. В первые послевоенные годы крупным и наиболее авторитетным специалистом по болгарской литературе, несомненно, был акад. Н. С. Державин. В его трудах по болгарской литературе можно выделить две группы вопросов, более всего интересовавших ученого: первая связана с выяснением национальных богатств или, точнее, идейно-художественных достижений в творчестве крупнейших болгарских писателей. Наиболее полное выражение эта проблематика получила в последних монографиях Н. С. Державина [16, 17]. Обе эти книги были положительно встречены советской и болгарской научной общественностью. Другая группа вопросов была связана с изучением русско-болгарских литературных и культурных связей [18, 19]. Ученый стремился показать значение русской культуры для духовной и литературной жизни Болгарии.

Начало серьезного интереса к болгарской литературе и культуре К. Н. Державина (1903—1956) — видного специалиста по испанской литературе, французскому и русскому театру — относится к 1945 г., когда в течение года он жил и работал в Софии. «Пребывание это, — писал впоследствии К. Н. Державин, — прошедшее в постоянном общении с широкими, в частности, научными, литературными и театральными кругами передовой болгарской общественности, заставило меня проникнуться искренней любовью к строящему свою новую жизнь болгарскому народу» [20, с. 6]. Позже появились его статьи: «Новая болгарская литература» (1946), «Людмил Стоянов» (1949), «Райко Жинзифов и его перевод „Слова о полку Игореве“» (1951) и др. Однако основные усилия исследователя были сосредоточены на подготовке синтетического труда о болгарском театре (1950) — первой работой такого характера (с охватом драматического и музыкального театра) в научной литературе [20]. Позже К. Н. Державин издал книги о И. Вазове и Х. Ботева [21, 22].

Проф. К. А. Копержинский (1894—1953) также пришел в болгаристику уже сложившимся ученым. В послевоенный период им опубликованы построенные на солидной источниковедческой базе статьи о литературной деятельности в России Л. Каравелова, а также о влиянии А. Пушкина и Н. Гоголя на болгарскую литературу. Кроме того, им написаны предисловия к русским изданиям произведений Г. Белева и П. Вежинова [23]. Все это были слависты старшего поколения, которые болгарской литературе посвятили свои последние работы.

С конца 40-х — начала 50-х годов ряды советских славистов, занимающихся болгарской литературой, пополняются. В литературоведение активно включаются Д. Ф. Марков, Н. И. Кравцов, В. И. Злыднев, И. М. Шептунов, Л. С. Ерихонов, А. Л. Григорьев, Л. В. Воробьев и др. Расширяется круг тем и проблем, подлежащих специальному изучению. Кроме работ о творчестве писателей революционно-демократического направления, появляются исследования о пролетарской и антифашистской поэзии, о марксистской критике, о творчестве И. Вазова, П. Р. Славейкова, Х. Смирненского, Л. Стоянова, а также первые обзоры современной болгарской литературы.

Говоря о поступательном развитии литературоведческой болгаристики в конце 40-х и первой половине 50-х годов, нельзя не отметить и некоторые слабые стороны, присущие работам тех лет. Как правило, вопросы художественного своеобразия, метода и стиля писателей в лучшем случае отходили на второй план, а то и просто опускались. Не случайно многие противоречивые явления болгарской литературы рубежа XIX—XX вв. выпадали из поля зрения литературоведов или трактовались упрощенно. Сравнительно невелика была источниковедческая база исследований. К концу 50-х годов общая картина в болгаристике стала изменяться в сторону более углубленного анализа и общих процессов, и наиболее крупных явлений в литературе. Примером этого может служить обобщающий труд «Очерки истории болгарской литературы XIX—XX вв.» (1959), подготовленный болгаристами послевоенного периода. Идея его создания принадлежала Н. С. Державину, а практически осуществили ее болгаристы Института славяноведения АН СССР. Основную работу в подготовке и написании этого труда выполнили Д. Ф. Марков, Н. И. Кравцов, В. И. Злыднев и И. М. Шептунов. Книга давала характеристику литературного процесса на протяжении более века и монографически представляла наиболее значительные творческие индивидуальности в болгарской литературе с середины прошлого столетия до второй половины 50-х годов нынешнего. Тип такого издания впоследствии лег в основу ряда коллективных трудов по истории других славянских литератур, также подготовленных в Институте славяноведения. Этим трудом подводились итоги работы советских болгаристов на втором этапе и им же открывался третий этап в изучении болгарской литературы — период наибольшей научной и методологической зрелости.

Новый этап ознаменован дальнейшим расширением фронта исследований: а) хронологическим — за счет повышения внимания к древнеболгарской литературе и начальному периоду национального возрождения; б) территориальным, когда изучением болгарской литературы начинают более углубленно заниматься в национальных республиках — на Украине [24], в Белоруссии, Грузии и Армении, Молдавии и Прибалтике, а также в городах — Тамбове, Воронеже, Одессе, Новосибирске и др. Этот этап советской болгаристики ознаменован ростом теоретической и методологической мысли советских ученых, что выразилось в создании ряда концептуальных коллективных исследований. К ним следует отнести: «Формирование социалистического реализма в литературах западных и южных славян» (1963), «Развитие зарубежных славянских литератур в XX в.» (1964), «Художественный опыт литературы социалистических стран» (1967), «Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX в.» (1976), «Новые явления в литературе европейских социалистических стран» (1976). В этой серии работ с постановкой актуальных теоретических и историко-литературных проблем представлена и болгарская литература в своих характерных явлениях и тенденциях. Здесь болгарская литература, творчество крупнейших ее писателей является и объек-

том [пристального изучения, и показателем ведущих тенденций славянских литератур в период подъема революционного движения и социалистических революций.

Развитие советской болгаристики в эти годы было ознаменовано появлением ряда серьезных литературоведческих работ. Среди них прежде всего следует назвать труды Д. Ф. Маркова. В настоящей статье нет возможности говорить о них в развернутом плане, хотя они вполне этого заслуживают. Поэтому ограничимся в данном случае лишь общими выводами. Книги Д. Ф. Маркова «Болгарская поэзия первой четверти XX в.» (1959), «Генезис социалистического реализма. Из опыта южнославянских и западнославянских литератур» (1970), «Болгарская литература наших дней» (1969), «Из истории болгарской литературы» (1973), а также два издания книги «Проблемы теории социалистического реализма» (1975, 1978) — крупный вклад в изучение болгарской литературы XIX—XX вв. и в изучение литературного процесса XX в., имеющего принципиальное значение и для славистики и для современного марксистского литературоведения. Работы Д. Ф. Маркова насыщены богатым фактическим материалом, они отличаются широтой постановки важных теоретических и методологических проблем. Поэтому не случайно к ним обращаются не только болгаристы, но и литературоведы, занимающиеся и советской литературой, и литературой других европейских социалистических стран. Труды Д. Ф. Маркова получили высокую оценку и у нас в стране, и в Болгарии, и в ряде социалистических стран.

На новом этапе расширился круг литературоведов-болгаристов. Появились новые исследования, обогатившие советское славноведение — это монографии и проблемные статьи Г. Д. Гачева, В. Д. Андреева, Е. В. Шпилевой, Б. А. Шайкевича, Н. Н. Пономаревой, К. А. Поглубко, Н. С. Гилевича, М. Я. Гольберга, Э. И. Карцевой, В. А. Захаржевской и др.

С конца 50-х годов и хронологически расширился круг литературоведческих исследований, охватывающих более ранние историко-литературные пласты. Н. К. Гудзий на V съезде славистов выступил со сравнительно-типологическим докладом «Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы» (1958). Крупнейший ученый, много лет посвятивший изучению древнерусской литературы и русской культуры, акад. Д. С. Лихачев обратился к исследованию русско-болгарских литературных отношений в период средневековья. Широкий интерес вызвали его проблемные доклады на съездах славистов — «Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России» (1958), «Древнейшие славянские литературы как система» (1968) и «Монументально-исторический стиль древних славянских литератур» (1978). В последние годы внимание ученого привлечено к исследованию древнеболгарской литературы, к литературным памятникам, в которых ощутимо взаимодействие письменности двух народов, а это обогащает наше представление о болгарской литературе в системе древних славянских литератур.

Получили положительную оценку у нас и в Болгарии работы ленинградского слависта Ю. К. Бегунова и в особенности его монография «Козьма Пресвитер в славянских литературах» (София, 1973). Определенный вклад в изучение раннего этапа болгарского национального возрождения внесли исследования А. Н. Робинсона [25, 26]. Они дают возможность научной общественности полнее представить деятельность крупных болгарских будителей, а с другой стороны — впервые их памятники письменности даны в контексте славянской историографии тех лет.

Несомненны достижения нашей болгаристики и в исследовании болгарской литературы XIX столетия. У нас и в Болгарии по праву привле-

кла внимание многих литературоведов монография Г. Д. Гачева [27, 28]. Новую трактовку наследия Л. Каравелова в философском и литературном аспектах предложил Л. В. Воробьев [29, 30]. Совсем недавно вышло новое расширенное издание его труда, в котором рассматриваются вопросы мировоззрения и творчества этого выдающегося деятеля национально-освободительной борьбы болгарского народа [31]. Творчеству болгарских писателей XIX в. — от Г. Раковского и Петко Славейкова до И. Вазова и А. Константинова — были посвящены статьи исследовательского характера Н. И. Кравцова, И. М. Шептунова, Г. Я. Ильиной и других болгаристов.

В 60—70-е годы наши слависты уделили большое внимание изучению болгарского литературного процесса XX столетия и наиболее крупным его представителям. Здесь следует назвать монографию В. Д. Андреева «Проблема реализма в болгарской литературе XX в.» (1977) и его критико-биографический очерк «Георгий Караславов» (1972), книгу Н. Н. Пономаревой «Современная болгарская драматургия» (1974), очерк С. Савова «Героико-революционная драма в Болгарии» (1964), статьи о болгарской марксистской критике, литературе Сопротивления, о болгарском романе 60-х годов, о болгарской прозе 70-х годов.

На этом историческом этапе усиливается внимание к проблематике литературных связей наших народов. Если раньше ими занимались, как правило, на материале прошлого столетия (этот период богат фактами и до сих пор не исчерпан материал наших архивов и периодической печати), то теперь, наряду с исследованием процессов XIX в. (книга Л. С. Ерихонина «Русское общество и болгарская литература», 1967; К. А. Поглубко «Христо Ботев и Россия», 1976), возрос интерес к русско-болгарским связям XX в., в особенности к советско-болгарским литературным и культурным отношениям. По этим вопросам имеются как отдельные статьи, так и монографические исследования [32]. Говоря о проблематике литературных отношений, хотелось бы специально выделить ценный по охвату материала и обстоятельный по разработке отдельных вопросов коллективный труд в двух томах «Русско-болгарские фольклорные и литературные связи» (Л., 1976—1977). Этот труд подготовлен советскими и болгарскими литературоведами в результате плодотворного сотрудничества Института русской литературы АН СССР в Ленинграде и Института литературы АН Болгарии в Софии. Несколько позже в Ленинграде вышел еще один труд — «Русско-болгарские театральные связи» (1979), подготовленный Ленинградским Институтом театра, музыки и кинематографии совместно с софийским Высшим институтом театрального искусства им. К. Сарафова. Книга представляет собой издание, специально посвященное театральным русско-болгарским и советско-болгарским контактам, на новом материале показывающее благотворность этих связей с конца прошлого столетия до наших дней.

На новом этапе развития советской болгаристики совместные исследования, подготовка и проведение совместных симпозиумов, издания коллективных трудов все больше внедряются в практику нашей работы и становятся нормой деловых отношений, что благотворно сказывается на работе обеих сторон — советской и болгарской. К числу таких положительных результатов следует отнести вышедшие в Болгарии совместно подготовленные сборники: «Октябрь и развитие болгарской литературы» (1967) и «Формирование и развитие социалистической культуры в Болгарии» (1971).

Чтобы полнее представить общую картину деятельности советской болгаристики в области литературы, надо сказать, что в последние два десятилетия увеличилось число библиографических работ, являющихся

базой для любого научного исследования. Это издания Института научной информации по общественным наукам АН СССР, в которых активное участие принимает И. А. Калоева; библиографические указатели Библиотеки Иностранной литературы в Москве, посвященные Х. Ботеву, И. Вазову, Елин Пелину, Л. Стоянову (все подготовлены Л. П. Лихачевой). В последнее десятилетие по болгарской литературе в СССР защищен ряд кандидатских и растет число готовящихся докторских диссертаций. Появилась новая учебная литература для университетов и педагогических институтов, в которых разделы по болгарской литературе занимают достойное место; издан и специальный учебник по болгарской литературе, подготовленный В. Д. Андреевым [33]. Словом, и в этой сфере есть свои, хотя и скромные, но весьма конкретные достижения. В завершение хотелось бы отметить, что болгарская литература сейчас широко представлена в различных советских энциклопедиях: БСЭ, МСЭ, Краткой литературной энциклопедии, в Детской энциклопедии, а также в энциклопедиях республиканских.

В настоящей статье нет возможности полно охарактеризовать достижения советской болгаристики в изучении болгарской литературы, а также назвать всех болгаристов — это дело специальных работ. Но даже по необходимости краткий обзор наиболее характерных тенденций в развитии советской болгаристики позволяет говорить, что в последние три десятилетия у нас сделано многое. Можно сказать, что в истории отечественного славяноведения не было еще такого плодотворного периода, каким явились годы после второй мировой войны. Не было такого периода по числу созданных работ по болгарской литературе, по обстоятельности рассмотрения научных проблем, по охвату различных историко-литературных периодов. Это общее и, безусловно, крупное завоевание советских болгаристов, которым по праву мы можем гордиться. Вместе с тем перед нами стоят еще большие и ответственные задачи.

В конце 50-х годов изданы академические «Очерки по истории болгарской литературы XIX—XX вв.». В свое время они сыграли свою положительную роль, а теперь настало время на новой основе дать более развернутый обобщающий труд и проследить развитие болгарской литературы от древности до наших дней. У нас немало занимались русско-болгарскими литературными отношениями и в конкретно-историческом плане, и в плане теории и методологии. Теперь представляется заманчивым и перспективным издание широкой панорамы литературных и культурных отношений от первых славянских просветителей до наших дней. И такой труд было бы желательно осуществить совместными усилиями советских и болгарских литературоведов.

Разные исторические периоды развития болгарской литературы получили освещение и в коллективных трудах и в монографических исследованиях, но сделано это с разной степенью глубины и обстоятельности. В этом плане работа должна быть продолжена и особенно в области литературы XX в., развития социалистического реализма, развития разных жанров и стилей современной литературы. Нужны работы и концептуальные и научно-популярные, призванные удовлетворить возросшие запросы широких кругов советских читателей.

Так представляются в самом сжатом виде пути развития литературоведческой части советской болгаристики и те важнейшие задачи, которые надлежит нам решать в ближайшей перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лавров П. А.* Кирило та Методїї в давньослав'янським писменстві. Київ, 1928.
2. *Лавров П. А.* Матеріали по історії виникнення древньої слов'янської письменності (Труди слов'янської комісії, т. 1). Л., 1930.
3. *Сперанський М. Н.* К історії взаємостосунків російської і югослов'янської літератур.— В кн.: Сперанський М. Н. Из історії русско-слов'янських літературних зв'язей. М., 1960.
4. *Сперанський М. Н.* Откуда идут старейшие памятники русской письменности и литературы.— В кн.: Сперанський М. Н. Из історії русско-слов'янських літературних зв'язей. М., 1960.
5. *Сперанський М. Н.* Русские памятники письменности в югослов'янських літературах XIV—XVI вв.— В кн.: Сперанський М. Н. Из історії русско-слов'янських літературних зв'язей. М., 1960.
6. *Державин Н. С.* Історія болгарської літератури. Т. 3. Епоха промислового капіталізму. Вып. 2. А. Константинов. 1863—1897. М.— Л., 1935.
7. *Державин Н. С.* Соціологія літературно-художественного образу «Бай Ганю» А. Константинова.— Известия АН СССР, № 6. Л.— М., 1934.
8. *Державин Н. С.* Сборник статей и исследований в области славянской филологии. Л., 1941.
9. *Свенціцький І. С.* Нариси з історії болгарської літератури IX—XX ст. Львів, 1957.
10. *Волков Е. З.* Христо Ботев (На заре балканського революційного комунізму). М., 1923.
11. *Державин Н. С.* Стоян Михайловський як сатирик (1856—1927).— Тр. Ін-та славянознавства. Т. 1. Л., 1932.
12. *Пушкарєвич К. А.* Современная болгарская и сербо-хорватская литература. Л., 1929.
13. *Величков А. С.* Христо Смирненський. Жизнь и творчество. Киев, 1939.
14. *Х. Смирненський.* Да будет день! М., 1935 (Предисловие Д. И.).
15. *Гачев Д. И.* Л. Стоянов.— Литературная газета, 1936, 15 XII.
16. *Державин Н. С.* Христо Ботев — поэт-революционер. 1847—1876. М.— Л., 1948.
17. *Державин Н. С.* Иван Вазов. Жизнь и творчество. М.— Л., 1948.
18. *Державин Н. С.* Племенные и культурные связи болгарского и русского народов. М.— Л., 1944.
19. *Державин Н. С.* И. Вазов, Россия и русская литература.— Кр. сообщ. Ін-та славянознавства, вып. 3. М., 1951.
20. *Державин К. Н.* Болгарский театр. Очерк истории. М.— Л., 1950.
21. *Державин К. Н.* Иван Вазов. 1850—1921. Очерк жизни и творчества. М.— Л., 1951.
22. *Державин К. Н.* Христо Ботев. М., 1962.
23. *Сафронов Г. И.* К. А. Копержинский (К десятилетию со дня смерти). В кн.: Славянская филология. Л., 1964, с. 130—135.
24. *Загаржевская В. А.* Взаимосвязи украинской и болгарской литературы и литературоведения.— Сб. Художественная литература Болгарии в современных исследованиях болгарских и советских ученых. М., 1977, с. 253—262.
25. *Робинсон А. Н.* Историография славянского возрождения и Паисий Хилендарский. V Международный съезд славистов. М., 1963.
26. Софроний Врачанский. Жизнеописание. Издание подготовили Н. М. Дылевский, А. Н. Робинсон. Л., 1976.
27. *Гачев Г. Д.* Ускоренное развитие литературы. На материале болгарской литературы XIX в. М., 1964.
28. *Гачев Г.* Ускоренного развитие на културата. София, 1979.
29. *Воробьев Л. В.* Философские и социологические воззрения Л. Каравелова. М., 1963.
30. *Воробьев Л. В.* Любен Каравелов. Мировоззрение и творчество. М., 1963.
31. *Воробьев Л. В.* Любен Каравелов. Жизнь и деятельность. М., 1980.
32. *Злыднев В. И.* Русско-болгарские литературные связи XX в. М., 1964.
33. *Андреев В. Д.* История болгарской литературы. М., 1978.

ДЕМИНА Е. И

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗЫСКАНИЙ В ОБЛАСТИ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ В ТРУДАХ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ¹

Цель настоящего сообщения — осмыслить и обобщить итоги пути, пройденного советской филологической и лингвистической болгаристикой в послевоенный период, попытаться показать динамику этого научного процесса, определить основные направления разысканий в области болгарского языка и письменности, которые проводятся в настоящее время советскими учеными, а также наметить некоторые дальнейшие задачи и возможные перспективы исследований в указанной области.

Изучение болгарского языка и письменности в отечественной филологии имеет давние традиции, восходящие к самым истокам научного славяноведения в России. XIX век оставил нам прежде всего блестящие традиции выявления, археографического, палеографического и текстологического изучения, языковой характеристики и издания памятников древнеболгарской, среднеболгарской и новоболгарской письменности в связи с общим исследованием истории языка и культуры славянских народов и задачами сравнительной грамматики славянских языков. Традиции эти зарождались и развивались в трудах выдающихся русских ученых XIX — начала XX в. — А. Х. Востокова (1781—1864), К. Ф. Калайдовича (1792—1832), М. Т. Каченовского (1775—1842), Ю. И. Венелина (1802—1839), И. И. Срезневского (1812—1880), В. И. Григоровича (1815—1876), П. С. Билярского (1817—1867), П. А. Бессонова (1828—1898), В. И. Ламанского (1833—1914), А. Л. Дювернуа (1839—1886), В. В. Качановского (1853—1901), П. А. Лаврова (1856—1929), В. Н. Щепкина (1863—1920), а в послеоктябрьский период — в трудах Г. А. Ильинского (1876—1937), С. М. Кульбакина (1873—1941), Л. А. Булаховского (1888—1961), Н. С. Державина (1877—1953) и А. М. Селищева (1886—1942), который с 1922 г. после смерти Щепкина возглавил работу по славянской филологии в Московском университете и внес неоценимый вклад в славянское и — специально — болгарское языкознание. Развитие лингвистической болгаристики в послевоенные годы связано прежде всего с именем ученика Селищева проф. С. Б. Бернштейна, под руководством которого начиная с 1946 г. проводились основные исследования в области болгарского языка и письменности. Центрами болгаристики наряду с Московским университетом становятся Институт славяноведения АН СССР, Ленинградский

¹ Доклад, прочитанный на Всесоюзной научной конференции «Советская болгаристика. Итоги и перспективы» 27 января 1981 г. во Львове.

университет, где особую роль сыграла научная деятельность проф. Ю. С. Маслова, научные учреждения Украины, Белоруссии. География мест, где ведутся исследования по болгарской филологии, кроме того охватывает Алма-Ату, Ереван, Тарту, Самарканд, Саратов, Казань и другие города.

Богатые традиции отечественной болгаристики, во многом забытые в период господства так называемого «нового учения о языке», постепенно были восстановлены, и, более того, значительно расширены и обогащены. Проблематика исследований, осуществленных за послевоенное время относительно небольшим кругом советских болгаристов — филологов и лингвистов, естественно, с различной и далеко не исчерпывающей полнотой — охватывает все те основные направления, по которым обычно в наши дни осуществляется исследование какого-либо конкретного языка и памятников его письменности.

Это, прежде всего, описательная грамматика и лексикология, направленные на синхронное изучение какого-либо конкретного идиома болгарского языка как определенной системы, и выявление особенностей его функционирования. В зависимости от того, какую форму существования болгарского языка — говор, литературный язык — представляет изучаемый идиом и к какому хронологическому срезу он принадлежит, здесь могут быть выделены, с одной стороны, исследования современного болгарского литературного языка, а также исследования строя болгарского литературного языка на различных исторических этапах его существования, с другой стороны — исследования отдельных говоров болгарского языка как современных, так и отраженных в памятниках письменности.

Во-вторых, диалектология болгарского языка, в том числе историческая диалектология, призванная соотнести материал изучения конкретных говоров и представить общую модель болгарского языка в территориальном варьировании его структуры на данном синхронном срезе и в диахронии.

В-третьих, лингвистическая география, имеющая целью установить современную территориальную конфигурацию важнейших диалектных различий, и тем самым стать источником языкового материала как для построения диалектологии современного языка, так и для гипотез и обобщений исторического характера.

В-четвертых, история болгарского языка, призванная свести воедино данные изучения отдельных частных систем и особенностей их функционирования на различных синхронных срезах, представить их на «оси последовательности» и построить диахроническую картину развития системы болгарского языка во времени.

Наконец, это сопоставительные исследования: сравнительно-исторические, типологические, ареальные, конфронтативные, имеющие целью представить болгарский язык в контексте других языков, в частности, славянских и балканских, а также воспользоваться его материалом для актуальных в рамках каждого из этих направлений специфических выводов и гипотез.

К особому направлению относится изучение истории болгарского литературного языка. Изучение памятников письменности специальными методами с целью последующего исследования их языка в разных целях и аспектах входит в задачи таких филологических дисциплин, как археография, палеография, текстология, издание древних текстов.

Подобным образом организованный перечень сам по себе позволяет увидеть взаимную обусловленность и преемственную взаимосвязь направлений, по которым в послевоенный период в советской науке ведется исследование болгарского языка и памятников его письменности, обнару-

жить определенную логику развития исследовательской мысли в работах, на первый взгляд разрозненных и не связанных между собой. Это впечатление усилится, если иметь в виду, что советская лингвистическая болгаристика развивалась в общем русле с исследованиями болгарского языка и письменности в самой Болгарии и в ряде славянских и неславянских стран, а также учитывать интеграционные процессы, происходящие в наши дни в науке социалистических стран, в частности, такой важнейший фактор, как международное сотрудничество при решении актуальных научных проблем.

Не все из названных направлений разработаны с одинаковой полнотой. Больше сделано, пожалуй, в области описательной грамматики современного болгарского литературного языка, а также в области диалектологии и истории болгарского языка: эти направления начали активно разрабатываться уже в первые послевоенные годы. Вместе с тем, нельзя не отметить интенсивное развитие в наши дни исследований по истории болгарского литературного языка, возрождение интереса к такой важнейшей стороне славянской и болгарской филологии, как комплексное изучение и издание памятников болгарской письменности. Все чаще данные болгарского языка используются в сравнительно-типологических, сопоставительных и ареальных исследованиях. Можно смело сказать, что труды советских болгаристов внесли серьезный вклад в изучение болгарского языка и памятников его письменности.

Уже в первое послевоенное десятилетие начинается напряженная работа по изучению грамматического строя современного болгарского литературного языка. Это было новое для отечественной болгаристики направление исследований. При его разработке использовались новейшие теории, для которых прежде всего характерен системный подход к языку. В только что организованном Институте славяноведения АН СССР создается коллектив болгароведов, перед которым ставится задача углубленного исследования центральных проблем болгарской грамматики. В 1959 г. под редакцией С. Б. Бернштейна выходит в свет коллективный труд «Основные вопросы грамматики болгарского языка», в который вошло пять монографических исследований: Е. В. Чешко — по падежам и предлогам, Е. В. Захаревич — по словообразованию, Ю. С. Маслова — по глагольному виду, Е. И. Деминой — по проблеме пересказывания, М. Г. Рожновской — по безличным предложениям в современном болгарском литературном языке. Фундаментальность разработки поставленных проблем в этих исследованиях, основанных на анализе большого фактического материала, обусловила то обстоятельство, что этот труд оказал серьезное влияние на развитие лингвистической болгаристики в СССР и за рубежом. Первой систематической научной грамматикой болгарского языка, опубликованной в нашей стране, становится подготовленный в эти же годы Ю. С. Масловым «Очерк болгарской грамматики» (1956). Статьи и монографии по проблемам грамматики современного болгарского литературного языка продолжают появляться и сейчас. Наибольшие результаты достигнуты при этом в разработке проблем глагольного вида, времени, специфической для болгарского языка категории пересказывания, своеобразной системы обозначения синтаксических связей имени в болгарском языке, в исследовании синтаксиса простого предложения, в области глагольной морфонологии, словообразования.

Фундаментальным вкладом в общее и славянское языкознание являются труды Ю. С. Маслова по теории и морфологии вида, основанные на материале болгарского языка, в частности, его книга «Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке» (1963). Предложение Ю. С. Маслова рассматривать вид как чисто грамматиче-

скую категорию словоизменительного типа, а также введенное им понятие видовой основы как материального носителя видового значения совершенности/несовершенности прочно вошли в теоретический фонд современного языкознания и имеют большое значение для типологии славянского глагольного вида. Типам видовых корреляций глаголов в болгарском языке посвящен ряд работ Г. К. Венедиктова. Разграничение видовых оппозиций «аорист/имперфект» и «совершенный/несовершенный вид» в болгарском языке, из которых лишь первая, как оппозиция временная, отражает противопоставление шифтерных категорий, предложено Е. И. Деминой.

Все больше сторонников среди болгарских ученых и ученых других стран находит впервые предложенное и обоснованное Е. И. Деминой теоретическое положение о том, что пересказывание не является наклонением болгарского глагола, а представляет собой особую глагольную категорию, противопоставляющую вторичные наклонения глагола первичным.

Важное теоретическое значение имеют исследования Е. В. Чешко, посвященные дискуссионному вопросу о том, можно ли, относя к категории падежа аналитические формы, говорить о склонении в болгарском языке. Установленная в ее исследованиях эквивалентность ряда падежных форм и аналитических конструкций является основой дальнейшего изучения данной проблемы.

Существенным вкладом в изучение болгарской синтаксической системы являются монографические исследования М. Г. Рожновской: «Синтаксис прилагательного в болгарском литературном языке» (1970), «Очерки по синтаксису болгарского литературного языка. Предложения с предикативным определением» (1979). В монографии Б. Ю. Нормана «Переходность, залог, возвратность» (1972) рассматриваются живые продуктивные процессы в болгарском синтаксисе, в частности, процесс вытеснения морфологических показателей синтаксическими, что свидетельствует о все возрастающей роли аналитических тенденций в структуре болгарского языка. Важные наблюдения над синтаксисом болгарского предложения содержатся также в работах В. А. Карпова, Г. В. Крыловой, Е. А. Захаревич, Т. В. Цивьян, Т. Н. Молошной, Г. В. Ермоленко, Л. П. Ивановской.

Теоретическую базу славянской морфонологии значительно обогащает монография Т. В. Поповой «Глагольное словоизменение в болгарском языке» (1975), где разработана и применена на практике процедура анализа морфонологических средств болгарского глагола. Серьезные наблюдения над болгарским словообразованием содержатся в работах Е. А. Захаревич.

В первые послевоенные десятилетия под руководством проф. Бернштейна развернулась коллективная работа по изучению болгарских говоров на территории СССР, которые, с одной стороны, исследовались и описывались как самостоятельные языковые системы, с другой стороны, изучались методами лингвистической географии, в разработку которых С. Б. Бернштейн внес существенный вклад. Среди этих работ выделяется монографическое исследование языка ольшанских болгар И. К. Буниной (1953), описание говора с. Кричиное, выполненное В. К. Журавлевым (1953—1958), исследования отдельных фонетических, грамматических и лексических явлений, принадлежащие Н. В. Котовой, Э. И. Зелениной, Е. В. Чешко. Большое значение имела вышедшая в 1950—1962 гг. под редакцией С. Б. Бернштейна серия «Статьи и материалы по болгарской диалектологии». Фундаментальным итогом работы по изучению и картографированию языковых особенностей указанных говоров является

изданный в 1958 г. «Атлас болгарских говоров СССР» (авторский коллектив — С. Б. Бернштейн, Е. В. Чешко, Э. И. Зеленина), имеющий важнейшее значение для болгарского языкознания, диалектологии, этнографии и истории. Следует специально отметить, что это принципиально новое для отечественной болгаристики направление исследований в немалой степени способствовало появлению и развитию лингвогеографических исследований в самой Болгарии. Не случайно первым в истории советской лингвистической болгаристики начинанием международного характера, выполненным в рамках сотрудничества между Институтом славяноведения АН СССР и Институтом болгарского языка БАН, стало создание первого тома «Болгарского диалектологического атласа», посвященного юго-восточной Болгарии (1964). Материал для него был собран в ходе совместных болгаро-советских диалектологических экспедиций под руководством проф. Бернштейна и проф. Ст. Стойкова. Как известно, ныне этот фундаментальный четырехтомный труд общенационального значения завершен болгарскими диалектологами. На основании собранных для Атласа материалов С. Б. Бернштейн и Е. В. Чешко предложили классификацию юго-восточных болгарских говоров. Важное значение для болгарской диалектологии имели статьи советских исследователей С. Б. Бернштейна, Г. К. Венедиктова, Э. И. Зелениной, Г. П. Клепиковой, Т. В. Поповой, Н. И. Толстого по отдельным вопросам фонетики, морфологии, лексики различных говоров на территории Болгарии. Среди этих работ выделяются исследования Н. В. Котовой, посвященные говору района Горно Поле.

В меньшей степени в послевоенной советской болгаристике разрабатывались проблемы исторической диалектологии, однако имеющиеся исследования в этой области представляют собой крупный вклад в историю болгарского языка. Так, традиции отечественной филологии нашли свое дальнейшее развитие в фундаментальном исследовании С. Б. Бернштейна «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. Т. I. Язык валашских грамот», опубликованном в 1948 г. В этом труде на основании анализа данных письменности, изучения проблемы этнических, языковых и культурных отношений на территории Дакии был рассмотрен вопрос о природе славянского языка в Валахии и аргументирована мысль о генетической связи живых славянских говоров Валахии с собственно болгарскими говорами. Полученные в исследовании данные служат важным источником для установления хронологии основных процессов в развитии народного болгарского языка по пути становления в нем аналитического грамматического строя. Изучение акцентуированных болгарских текстов XIII—XV вв. позволило В. А. Дыбо дать классификацию среднеболгарских акцентных систем, описать акцентную систему имени в восточноболгарских текстах XIII—XIV вв. в ее отношении к праславянской акцентной системе. Важное значение имеют акцентологические работы акад. Л. А. Булаховского. В подготовленном к печати исследовании Е. И. Деминой дана характеристика диалектных черт одного из идиомов народного болгарского языка XVII в., отраженного в языке Тихонравовского дамаскина. В работе предлагается и применяется на практике новый метод определения диалектной основы нелокализованных рукописных текстов с помощью использования данных «Болгарского диалектологического атласа», что позволило соотнести идиом, легший в основу книжного языка XVII в., с районом центральных балканских говоров у границы по ф.

При описании грамматического и лексического строя болгарского литературного языка на тех или иных исторических этапах его развития основное внимание советских исследователей по традиции привлекал синхронный срез, отраженный в памятниках древнеболгарской письменности, что вполне естественно, если учитывать общеславянистическую значи-

мость этой проблемы, статус старославянского языка как профилирующей славяноведческой дисциплины. Значительным вкладом в изучение древнеболгарской падежной системы являются работы К. И. Ходовой, в частности, ее книги «Система падежей старославянского языка» (1963), в которой дано описание синтаксического функционирования беспредложных падежей с учетом материала всех древнеболгарских памятников, и «Падежи с предлогами в старославянском языке. Опыт семантической системы» (1971), где исследовано приглагольное употребление предложно-падежных форм. Система падежей древнеболгарского языка в парадигматическом аспекте изучена в ряде работ Е. В. Чешко. В работах Е. В. Чешко и К. И. Ходовой представлены разные теоретические позиции в подходе к одному и тому же объекту-структуре отношений, выражаемых формами склонения, что, безусловно, способствует развитию общей теории падежей. Значительный вклад в разработку видо-временной проблематики вносят работы В. В. Бородич и И. К. Буниной. В. В. Бородич обосновала мнение об отношениях определенности/неопределенности как этапе, предшествующем славянской корреляции совершенного/несовершенного видов, исходя при этом из представлений о зависимости между развитием видовой и временной системы глагола. И. К. Бунина в своей книге «Система времен старославянского глагола» (1959), вслед за Б. Гавранком, считает эти два процесса независимыми и строит систему времен на основе принятия категории «зависимых» и «независимых» действий и, соответственно, времен, определяемых по абсолютной и относительной грамматическим системам отсчета времени. Важным шагом в изучении синтаксиса древнеболгарского языка является монография К. И. Ходовой «Простое предложение в старославянском языке» (1980), где на основании исследования простых глагольных предложений продемонстрировано наличие зависимости между лексическим значением подлежащего и грамматической структурой предложения. Серия статей по синтаксису сложного предложения опубликована в изданиях Тартуского университета Е. И. Гурьевой. Фундаментальным вкладом в изучение 17 древнеболгарских рукописей являются исследования Р. М. Цейтлин, обобщенные в ее книге «Лексика старославянского языка» (1977), где словарный состав этих памятников представлен как лексическая система определенной эпохи. В стадии завершения находится подготовленный Р. М. Цейтлин в сотрудничестве со Славистическим институтом Чехословацкой академии наук «Словарь старославянского языка» — первый в отечественной славистике опыт переводного словаря древнеболгарских рукописей X—XI вв.

Новоболгарский синхронный срез XVII—XVIII вв. послужил объектом для исследования системы глагольных времен (Е. И. Демина), бесприставочных глаголов движения (Г. К. Венедиктов), форм будущего времени (Э. М. Дурыгина). Одной из важных проблем исторического синтаксиса — сложным предложениям с относительной придаточной частью — посвящена работа Е. И. Деминой (1975).

Диахроническое исследование важнейших процессов в истории болгарского языка находим в монографиях Е. В. Чешко «История болгарского склонения» (1970), охватывающей период XI—XIV вв., когда в языке болгарской письменности еще функционировала древнеболгарская падежная система, И. К. Буниной «История глагольных времен в болгарском языке» (1970), в работах Е. И. Деминой, посвященных генезису модальных категорий болгарского индикатива, Т. В. Поповой, исследовавшей историю корреляции твердых и мягких согласных фонем в болгарском языке. Проблема периодизации истории болгарского языка поставлена в работах С. Б. Бернштейна (1950) и Ю. С. Маслова (1953), истории болгарского литературного языка — в работах Е. И. Деминой. Необхо-

димо подчеркнуть, что, обращаясь к традиционной для отечественной болгаристики области истории языка, советские ученые применяют новые теоретические принципы и методы анализа, позволяющие достичь качественно новых результатов.

Данные болгарского языка всегда находили и находят широкое отражение в работах русских ученых по сравнительной грамматике славянских языков. В послевоенное время особенно много в этом плане сделано в работах С. Б. Бернштейна, В. М. Иллича-Свитыча, В. А. Дыбо, Л. А. Булаховского, Л. Э. Калнынь, В. В. Мартынова.

Начиная с прекрасных работ А. М. Селищева, многие исследования рассматривают материал болгарского языка также в рамках проблематики балканского языкового союза, интерес к которой усилился в последние десятилетия во всем мире. Это нашло свое отражение в тематике конгрессов по балканистике и в докладах, с которыми выступали на них советские болгаристы. Большой вклад в исследование болгарского языка в балканистическом аспекте внесла Т. В. Цивьян, в монографиях которой — «Имя существительное в балканских языках» (1965) и «Синтаксическая структура балканского языкового союза» (1980) — грамматические и синтаксические категории болгарского языка получают единообразное с категориями других балканских языков описание, что позволяет автору выявить фрагменты системы балканского языкового союза. Общебалканская модель синтаксиса местоименных клитик в южнославянских языках исследована Г. А. Цыхуном (1968), механизм местоименной репризы описан в монографии Ю. А. Лопашева (1979). Проблемы болгарского языка рассматривались в докладах А. П. Сытова, Е. И. Деминой, Т. Н. Молошной, Т. Б. Менской, И. И. Ревзина, Н. И. Толстого, К. И. Логачева, И. А. Калужской на проходившем в 1974 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР Симпозиуме по грамматической типологии современных балканских языков.

В последнее время во всех странах, в частности, в Советском Союзе, как одно из актуальных направлений развивается сопоставительное исследование языков с целью последующих типологических, ареальных и иных выводов. Опубликовано уже немало работ, в том числе монографических, в которых к сопоставлению в том или ином аспекте привлекаются данные болгарского языка. Как важное начинание наряду с уже упомянутым Симпозиумом по грамматической типологии современных балканских языков отмечу проведение в 1976 г. в Минске симпозиума «Белорусско-болгарские типологические и генетические языковые связи» и болгарско-белорусской конференции в Софии в 1979 г. С докладами по теории сопоставительного изучения языков, опирающимися на болгарский материал, на трех конференциях по сопоставительной лингвистике, организованных Лейпцигским университетом (1974, 1977, 1979), выступила Е. И. Демина. Типологии членных форм и, шире, категории определенности, типологии склонения, глагольного вида, фразовой интонации в славянских и балканских языках посвящены работы Ю. С. Маслова, Н. И. Толстого, И. И. Ревзина, В. К. Журавлева, Т. М. Николаевой. Значение болгарских диалектов показано Т. В. Поповой. Теорией сравнительно-типологического изучения славянских литературных языков, а также типологической характеристике раннего этапа формирования балканских литературных языков посвящены доклады Е. И. Деминой на Загребском съезде славистов (1978) и Бухарестском конгрессе балканистов (1974).

Значительное место в советской филологической болгаристике в последнее время занимает проблематика истории литературного языка, в разработку которой существенный вклад внес Г. К. Венедиктов. В его

работах подробно исследованы проблема нормализации орфографии и устной речи на начальном этапе формирования современного болгарского литературного языка, вопрос о выборе диалектной основы, о роли родного языка в движении болгар за национальную культуру. Наряду с С. Б. Бернштейном и Е. И. Деминой он принял участие в развернувшейся в Болгарии дискуссии по вопросу о «начале» современного литературного языка. Проблематика предистории современного литературного языка, его развитие в период болгарского Предвозрождения разрабатывается в работах Е. И. Деминой, посвященных изучению статуса, нормы и диалектной базы книжного болгарского языка XVII в. на народной основе, отраженного в письменности новоболгарских дамаскинов.

О возрождении интереса к такой традиционной для отечественного славяноведения области филологии, как изучение и издание памятников болгарской письменности, свидетельствует тот факт, что, начиная с 60-х годов, эта проблематика включена в многолетний план международного сотрудничества между Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и Институтом болгарского языка Болгарской академии наук. Значительным результатом этого сотрудничества можно считать издание Болгарской академией наук под редакцией чл.-корр. БАН проф. К. Мирчева двухтомной монографии «Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Исследование и текст» (1968, 1971), содержащей выполненное Е. И. Деминой текстологическое исследование всего круга болгарских дамаскинов как на традиционном литературном языке, так и на языке, народном в своей основе, палеографическое описание и текст Тихонравовского дамаскина из рукописного собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Третий том монографии Е. И. Деминой — «Тихонравовский дамаскин как памятник книжного болгарского языка XVII в. на народной основе» — также будет опубликован в Болгарии. В план сотрудничества на следующее пятилетие включен четвертый том этого труда — Словарь-индекс, над которым будет совместно работать коллектив болгарских и советских авторов. Группой сотрудников Института славяноведения и балканистики АН СССР под руководством Е. В. Чешко подготовлен к печати важный памятник болгарского языка начала XIV в. — «Норовская псалтырь». Издательство «Наука» готовит к печати коллективный труд советских и болгарских ученых — сборник «Язык и письменность среднеболгарского периода», выполненный по плану международного сотрудничества под редакцией Е. И. Деминой, Е. В. Чешко, Д. Ивановой-Мирчевой, А. Минчевой.

Пытаясь определить перспективы дальнейшего развития советской лингвистической и филологической болгаристики, хочется прежде всего выразить надежду, что это будет путь дальнейшей интеграции научных усилий советских и болгарских ученых, а также ученых других социалистических стран по комплексному решению фундаментальных проблем. Сюда не в последнюю очередь относится задача выявления и всестороннего исследования огромного рукописного наследия памятников болгарской письменности, хранящихся в собраниях библиотек и музеев Советского Союза, что даст неоценимый материал для дальнейшего развития различных направлений болгаристики, для изучения истории, литературы, языка, истории культурных связей болгарского и русского народов. Опыт, накопленный советскими и болгарскими учеными и учеными других стран в изучении истории болгарского литературного языка, позволяет предложить в качестве одной из ближайших задач создание совместного труда по истории болгарского литературного языка в преднациональный период. Есть смысл продолжить плодотворное сотрудничество советских и болгарских диалектологов по изучению болгарских говоров на терри-

тории СССР и Болгарии. К актуальным направлениям, в которых могли бы объединиться усилия советских и болгарских лингвистов, можно отнести сопоставительные и типологические исследования, анализ актуальных проблем функционирования языка в современном обществе, разработку проблем языкового строительства на основе углубленного изучения грамматического и лексического строя современного болгарского литературного языка, а также социолингвистических исследований.

Советская лингвистическая и филологическая болгаристика, расширяя фронт исследований, находится на новом этапе своего развития.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

St. Sl. NICEJA. Julian Leszczyński-Leński. Biografia. Warszawa, 1979,

Ст. Сл. НИЧЕЯ. Юлиан Лещиньский-Леньский. Биография

В последнее время польская историография обогатилась монографией Станислава Славомира Ничея о видном деятеле КПП Юлиане Лещиньском-Леньском¹. Автором тщательно изучены работы, посвященные истории польского рабочего движения, и прежде всего большая статья Ф. Калицкой [1], явившаяся первой попыткой написания биографии этого революционера. Ст. Ничея подробно исследовал доселе неизвестные архивные документы и материалы, а также хранящиеся в архивах и почти неизвестные воспоминания ближайших соратников Лещиньского-Леньского, что позволило проследить весь жизненный путь этого пламенного борца и талантливого публициста.

Следует заметить, что для советского читателя биография Лещиньского-Леньского представляет особый интерес, так как его деятельность в отдельные периоды проходила на территории нашей страны и была тесно связана с историей революционного движения в России.

Приобщение Лещиньского к революционной борьбе происходило в годы, когда только что отгремела буря русской революции 1905—1907 гг., в ходе которой укрепилось братство российских и польских пролетариев в борьбе против общего врага — русского царизма. В условиях жестокой реакции, обрушившейся и на рабочий класс Королевства Польского, польские революционеры во главе со своим авангардом — Социал-демократией Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) — союзницей партии Ле-

нина — готовили силы для новых схваток с царизмом. В революционную борьбу втягивалась польская учащая молодежь, точнее, та ее часть, которая по своему происхождению стояла близко к пролетариату. Одним из представителей этого слоя и был Юлиан Лещиньский, сын рабочего-сплавщика, благодаря своим выдающимся способностям поступивший в Краковский университет.

Еще будучи учеником Плоцкой гимназии, Юлиан принимал активное участие в забастовках протеста против русификаторской политики царизма, за что был исключен из гимназии. Став студентом, он сразу же включился в нелегальную деятельность прогрессивных студенческих обществ и кружков. Здесь Лещиньский познакомился с руководителями СДКПиЛ Ф. Дзержинским и Я. Ганецким и это определило его дальнейший путь — путь революционера.

Автор биографического очерка, строго придерживаясь хронологического принципа, шаг за шагом прослеживает процесс формирования Лещиньского как революционного марксиста-ленинца, внесшего существенный вклад в идейное развитие польского рабочего движения.

Став членом СДКПиЛ, Лещиньский выполнял ряд ответственных поручений партии, начиная с создания больничных касс, которые являлись одной из легальных форм работы партии среди рабочего класса. Следующим этапом явилась его работа в Варшавском комитете СДКПиЛ. К этому времени относится и формирование Лещиньского как страстного революционного публициста, статьи которого стали появляться в краковских

¹ Леньский — псевдоним.

легальных и полуполигальных периодических изданиях, а также в органе большевиков-ленинцев — газете «Правда».

Автор биографии отмечает и такой важный эпизод в жизни Лещиньского, как его участие в Поронинском совещании ЦК РСДРП с партийными работниками, состоявшемся в октябре 1913 г., где Лещиньский неоднократно слушал выступления В. И. Ленина.

К этому времени относится первый арест Лещиньского (23 октября 1913 г.). Выпущенный на свободу за недостаточностью улик, он в январе 1914 г. подвергся новому аресту и заключению в варшавскую тюрьму для политических — Цитадель, где в это время находились Ф. Дзержинский, Ю. Уншлихт и ряд других руководителей СДКПиЛ.

Ст. Ничей на основании изученных им новых архивных материалов и воспоминаний современников приводит ряд деталей, относящихся к пребыванию Лещиньского, Дзержинского и других польских революционеров в Орловском центральном, куда были переведены заключенные Цитадели в августе 1914 г. Выпущенный через некоторое время под залог в результате стараний товарищей по партии, Лещиньский прожил попеременно в Москве и Петрограде, где занимался публицистической деятельностью, печатаясь в большевистских изданиях, и вел революционную пропаганду среди поляков-беженцев. После Февральской революции он — один из организаторов групп СДКПиЛ в России. Одновременно Лещиньский редактирует орган польских революционных марксистов — «Трибуну». В этот период в «Трибуне» печатаются его многочисленные статьи, в которых проводится основная идея — о необходимости тесного сотрудничества польских революционных социал-демократов с партией Ленина, с большевиками. Лещиньский выступает в печати как страстный агитатор за сплочение поляков-пролетариев, оказавшихся в связи с войной на территории России, за их участие в борьбе за власть Советов.

Большой симпатией к польским революционерам, в том числе к герою своего повествования, проникнуто освещение автором участия Лещиньского в подго-

товке и проведении вооруженного восстания в Петрограде. В эти героические дни Лещиньский был в первых рядах борцов за власть Советов наряду с Дзержинским, Бобинским, Долецким, Уншлихтом, Весоловским, Пестковским и другими руководителями польской революционной социал-демократии, которые вместе с большевиками вступили в решающую победоносную схватку с буржуазией. Лещиньский, в частности, был одним из руководителей операции по захвату Главного телеграфа, участвовал в штурме оплота Временного правительства — Зимнего дворца.

Лещиньский — один из 673 делегатов II съезда Советов, съезд избирает его кандидатом в члены ВЦИК (7 декабря 1917 г. он был кооптирован в члены ВЦИК). Много нового узнаем мы и о деятельности Лещиньского на посту комиссара по польским делам при Комиссариате по делам национальностей РСФСР, на который он был назначен в ноябре 1917 г.

В книге освещается кипучая и многогранная деятельность Лещиньского по укомплектованию и налаживанию работы аппарата Польского комиссариата, состоявшего из 16 отделов. Кроме заботы о польских беженцах и военнопленных, на Польский комиссариат было возложено Советским правительством выявление, собирание и хранение культурных ценностей, принадлежащих польскому народу, которые были вывезены в Россию во время разделов Речи Посполитой или же эвакуированы в глубь России в связи с военными действиями, развернувшимися на польской земле в 1914—1915 гг. Несомненной заслугой Лещиньского и аппарата Польского комиссариата является то, что большая часть этих ценностей — музейных экспонатов, книжных коллекций и т. п. — была выявлена, сохранена и впоследствии, после заключения Рижского мирного договора, передана правительству Польши. Здесь было бы уместным сказать, и это ни в какой мере не умаляет заслуг Лещиньского, о том, что Польскому комиссариату оказывалась большая помощь со стороны органов Советской власти, без чего невозможно было бы успешно провести работу по спасению польских куль-

турных ценностей. К сожалению, в рецензируемой книге это не показано.

Перед читателем раскрывается многогранная деятельность Лещиньского в этот период. Будучи комиссаром по польским делам, он одновременно являлся главным редактором «Трибуны», автором многих ее статей, призывавших поляков в России встать с оружием на защиту революционных завоеваний Октября. Он по-прежнему принимает активное участие в работе комитета групп СДКПиЛ в России. Лещиньский многократно выступал перед возвращавшимися на родину польскими беженцами, призывая их и на родине бороться за социально-политические преобразования.

Воспроизводя облик Лещиньского — пламенного революционного борца, автор биографии не умалчивает о присутствии Лещиньскому, как и некоторым другим польским революционерам, ошибках, явившихся результатом недостаточного овладения творческим марксизмом-ленинизмом. Увлеченный победами пролетариата России и развитием революционного движения в Центральной и Юго-Западной Европе, Лещиньский иногда стремился опередить события. Автор приводит факты, когда, выступая перед польскими слушателями в Москве, он провозглашал утопический лозунг «Долой границы!». Лещиньский, активно участвовавший в создании III Коммунистического Интернационала, не совсем правильно понимал его задачи и роль. Ярким эпизодом в биографии Лещиньского является его деятельность в Белоруссии и Литве. Когда образовалась Литовско-Белорусская Советская Республика, он вошел в состав ее правительства как народный комиссар просвещения.

Во время польско-советской войны 1920 г. Лещиньский разоблачает захватнические планы буржуазной Польши на востоке, он — политработник на Юго-Западном фронте.

С самого начала мирных переговоров в Риге Лещиньский принимает в них участие в качестве эксперта по политическим вопросам, а также участвует в редактировании ряда статей мирного договора, в частности ст. XI — о реэвакуации культурных ценностей.

Заслуга Лещиньского в организации выявления культурных ценностей, принадлежащих польскому народу, — несомненна. Но нельзя согласиться с автором рецензируемой книги, когда он допускает совершенно неуместные преувеличения, невольно противопоставляя деятельность Лещиньского как эксперта советской мирной делегации деятельности всех остальных экспертов и членов делегации, выставляя Лещиньского чуть ли не единственным поборником реэвакуации культурных ценностей (с. 172), что, как известно, не соответствует действительности.

В биографии подробно освещается деятельность Лещиньского в последующие годы. Перед нами встает образ бесстрашного революционера-интернационалиста, много сделавшего для упрочения связи между РКП(б) и Компартией Польши, между советскими рабочими и пролетариями Польши. Являясь одним из руководителей Польского бюро пропаганды и агитации при ЦК РКП(б), Лещиньский старался привлечь коммунистов поляков, в том числе бывших деятелей СДКПиЛ, оставшихся в эмиграции в Советской стране, к делу быстрого восстановления народного хозяйства. Наряду с этим Лещиньский принимал живейшее участие в работе представительства КРПП при Исполкоме Коминтерна (хотя формально и не являлся членом этого представительства), а также в подготовке и проведении II съезда КРПП, явившегося важным этапом на пути превращения ее в партию ленинского типа.

Ст. Ничея не стремится идеализировать Лещиньского, а показывает его таким, каким он был в жизни. Известно, что Лещиньский допускал серьезные ошибки в национальном и аграрном вопросах, которые нашли отражение и в его выступлениях на II съезде КРПП. Впоследствии он признал свои ошибки. II съезд КРПП по упомянутым вопросам занял позицию в духе ленинизма, что способствовало укреплению рабоче-крестьянского союза, а также единства партии. После съезда, стремясь наиболее эффективно способствовать проведению в жизнь его решений, Лещиньский обратился в ЦК РКП(б) с просьбой о направлении его для работы в Польшу. В январе 1924 г. он уже в Вар-

шаве, но в мае того же года ЦК РКП(б) поручил ему представлять КРПП при ЦК Компартии Франции. Лещиньский принял активное участие в работе V конгресса Коминтерна, а после конгресса, в июле 1924 г. вернулся в Польшу.

Вскоре Лещиньский был арестован и год просидел в тюрьме. Удачно бежал во время очередного допроса. В ноябре 1925 г. Лещиньский прибыл в Москву, где участвовал в работе IV конференции КПП, по своему значению приравняваемой к съезду. Он выступил с основным докладом — о политическом положении в Польше и задачах партии. Содержание доклада свидетельствовало об отходе Лещиньского и многих членов руководства Компартии Польши от сектантских позиций.

Освещая деятельность Лещиньского в середине 20-х годов, Ст. Ничея подробно, с привлечением ранее мало известных источников, останавливается на внутрипартийной борьбе в КРПП — КПП. Однако в ряде случаев автор допускает несколько прямолинейные суждения при оценке деятельности отдельных руководителей КПП, а также положения в международном рабочем движении и в исполкоме Коминтерна.

Особенно важным этапом на жизненном пути Лещиньского, как отмечает автор его биографии, были годы 1929—1937. На VI пленуме ЦК КПП, состоявшемся в июле 1929 г., Лещиньский был избран в новый состав Политбюро ЦК (став первым секретарем ЦК), а на X пленуме Исполкома Коминтерна — членом Президиума ИККИ, приняв активное участие в его работе.

В 1930 г. Лещиньский возглавил делегацию КПП и выступал с речью на XVI съезде ВКП(б). Он — автор многих статей в советских центральных газетах «Правда» и «Известия», в журналах «Большевик» и «Коммунистический Интернационал» по вопросам международного коммунистического и рабочего движения, деятельности Компартии Польши. Как руководитель КПП он много внимания уделял созданию единого народного фронта борьбы против фашизма, ориентируя партию на использование всевозможных легальных средств, в особенности периодической печати. По его инициативе в на-

чале 30-х годов в Польше издавалось около 20 легальных газет для рабочих и крестьян. Как член ИККИ Лещиньский содействовал установлению контактов компартий европейских стран с социалистическими партиями для борьбы с фашизмом. Лещиньский тесно сотрудничает с Г. Димитровым, В. Пиком и другими деятелями ИККИ в подготовке VII конгресса Коминтерна. В своей речи на конгрессе он отстаивает тактику единого фронта, выдвинутого в докладе Г. Димитрова, подвергает критике собственные ошибки и прежнюю тактику КПП, в которой имели место сектантские установки.

Ст. Ничея особо подчеркивает, что Ю. Лещиньский являлся горячим и последовательным борцом за тесную дружбу народов СССР и Польши как самую надежную гарантию свободы и независимости польского народа. Он считал Советский Союз единственным последовательным поборником независимости Польши. Осуждая антисоветскую политику правящих кругов Польши, Лещиньский требовал коренного поворота в сторону сближения с СССР, указывая, что смертельным врагом независимости Польши является германский империализм.

В монографии отмечается, что идеи о едином фронте, содержащиеся в статьях и выступлениях Ю. Лещиньского, его страстная агитация за союз и дружбу с Советским Союзом, разоблачение им германского империализма как злейшего врага польского народа, сыграли огромную роль в создании единого антифашистского национального фронта в годы вооруженной борьбы против гитлеровских оккупантов.

Существенным дополнением к тексту книги, способствующим наиболее полному раскрытию образа Ю. Лещиньского, являются многочисленные фотографии, отображающие жизнь и деятельность Ю. Лещиньского, а также некоторых его ближайших соратников.

Рецензируемая работа Ст. Ничея, несомненно, будет интересна советским читателям, изучающим историю польского революционного движения, Компартии Польши.

Ольшанский П.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kalicka F.* Julian Leszczyński-Leński. — *Z pola walki*, 1958, № 4.

М. А. БИРМАН. Формирование и развитие болгарского пролетариата (1878—1923). М., 1980, 352 с.

Автор рецензируемой книги М. А. Бирман хорошо известен своими фундаментальными трудами по социально-политической истории Болгарии.

Поставленная в его новой книге проблема формирования и развития пролетариата как социально-политической силы общества является одной из магистральных в марксистской исторической науке, имеет важное научное и политико-идеологическое значение.

Впервые в историографии М. А. Бирман глубоко и всесторонне исследовал как закономерности, важнейшие показатели, так и специфику, особенности формирования и этапы развития болгарского пролетариата, раскрыл его возрастающую социально-политическую роль в обществе, решающий вклад тесняков — БКП в превращение рабочего класса в авангард трудового народа. В основе исследования — обширный источниковедческий материал. М. А. Бирман не только изучил и проанализировал всю болгарскую и советскую историческую литературу, в той или иной мере относящуюся к данной теме, но и привлек статистику, рабочую печать, издания как революционных, так и центристских, реформистских, крестьянских и буржуазных организаций (которые нередко выпадали из поля зрения исследователей), использовал огромную мемуарную литературу, материалы многих архивов и музеев НРБ, СССР, воспоминания ветеранов рабочего движения в Болгарии.

Автор убедительно обосновывает хронологические рамки и аргументирует свою периодизацию почти полувековой социальной истории рабочего класса Болгарии.

В первой главе он анализирует основные направления развития капитализма в Болгарии после освобождения страны от османского ига, особенности складывания основных отраслей промышленности (добывающей, текстильной, табачной, пищевой, строительной и др.), пишет о появлении первых монополистических объединений, особенностях развития городов, росте числа сельских хозяйств, применявших наемный труд. На этом

фоне детально и систематически прослеживаются пути и темпы формирования различных отрядов пролетариата в последние десятилетия XIX в., источники его пополнения. Автор убедительно оспаривает высказываемое в отдельных работах мнение о наличии сложившегося рабочего класса еще до освобождения страны. М. А. Бирман правильно, на наш взгляд, начинает историю рабочего класса Болгарии с конца 70-х годов XIX в. — времени перехода от феодальной к капиталистической общественно-экономической формации. Он обращает внимание на существенную особенность: пролетаризация ремесленников — важнейшего источника пополнения рабочего класса — в условиях Болгарии началась позже, чем в других малых странах Европы, а протекала более интенсивно, что явилось одной из причин формирования рабочего класса в более сжатые сроки.

Во второй главе автор, используя разработанные им методологические и методические коррективы анализа буржуазной статистики, существенно уточнил численность пролетариата, исключил ошибочно отнесенные к нему категории (низших слоев духовенства, армии, полиции, судов), более четко определил некоторые профессии рабочих. Совершенно оправданное выделение автором ремесленных рабочих в отдельную категорию позволило ему сделать вывод о решающем преобладании сельскохозяйственных и ремесленных рабочих в Болгарии на рубеже XIX—XX вв. и дать более полную социальную картину структуры класса.

Опираясь на свою методику, М. А. Бирман довольно четко определяет грани между пролетариями, полупролетариями, служащими и другими промежуточными слоями болгарского общества. Здесь нам кажется спорным безоговорочное включение всех учтенных в переписях лиц, не имеющих работы (возможно никогда еще не работавших по найму) в состав рабочего класса.

Систематизировав и обобщив важнейшие количественные показатели, М. А. Бирман сделал вывод об абсолютной численности (188 тыс. или около 10%

в 1900 г. и 332 тыс. или 15% самодеятельного населения в 1910 г.) рабочего класса и его преимущественном росте по сравнению с остальным активным населением страны.

Несомненным вкладом в разработку проблемы является анализ особенностей структуры болгарского пролетариата, отдельных его отрядов по имущественному положению, социальному происхождению, половозрастному и национальному составу, уровню грамотности рабочих.

Интересными являются определенная автором численность промышленных рабочих (5,7% из общего числа пролетариев в 1910 г.) и вывод о преимущественном росте указанной категории трудящихся в начале века.

Если в первых главах книги показаны главным образом количественные социально-экономические сдвиги в рабочем классе, то в третьей и четвертой главах сделан упор на качественные социально-политические аспекты развития пролетариата, рост его классового сознания и организованности, раскрытие внутренних процессов превращения рабочих Болгарии из «класса в себе» в «класс для себя». Автор впервые в исторической литературе систематически анализирует многогранную деятельность Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесняков), направленной на осознание рабочим классом своих интересов, на соединение освободительного движения пролетариата с революционной научной теорией, на поднятие общеобразовательного и культурного уровня пролетариев (издание и переводы марксистской литературы, руководство рабочей печатью, организация кружков, клубов, курсов, вечерних школ, культурно-просветительных комиссий и др.). В книге отмечается, что деятельность тесняков проходила в ожесточенной борьбе с различными немарксистскими течениями и группировками, с буржуазной идеологией. Большой удачей автора является выявление органической связи между особенностями структуры пролетариата (распыленность, высокий процент женщин в отдельных отраслях, преобладание сельскохозяйственных и ремесленных рабочих) и ростом его классового самосознания (прежде всего, его образовательного и культурного уровня),

появлением его авангарда — «рабочих-интеллигентов». Ценно, что в книге приводятся сведения о многих передовых рабочих-революционерах.

Хорошо показан переход от начальных форм классовой борьбы болгарских рабочих (уход с работы, петиции, разрушение машин, стихийные стачки) к организованным формам, рассмотрены деятельность тесняков по организации революционного профессионального движения рабочих, нарастание классовых боев, проявления интернациональной солидарности болгарских пролетариев. Интересны подсчеты автора о том, что 80% стачек 1908—1911 гг. проходили под руководством тесняков.

Особый интерес вызывает четвертая, заключительная глава — «Великий Октябрь и болгарский рабочий класс». Здесь автор, опираясь на свою методику, дает уточненную динамику численности и структуры рабочего класса (рост по сравнению с 1910 г. — на 19% в 1920 г. и на 42% — в 1926 г.), обращает внимание на преимущественный рост промышленных рабочих (соответственно 20 тыс., 50 тыс., 60 тыс.). Ценно, что автор прослеживает производственную и региональную концентрацию рабочих, называет, например, окрестности с наибольшим процентом (более 20%) сельскохозяйственных рабочих среди активного населения болгарской деревни.

Обобщая имеющуюся литературу, М. А. Бирман прослеживает влияние Великого Октября на болгарский пролетариат и его революционный авангард — Болгарскую рабочую социал-демократическую партию, преобразованную в 1919 г. в Болгарскую коммунистическую партию (БКП), анализирует ее многообразную пропагандистскую и организационную деятельность по воспитанию пролетариата, созданию новых профсоюзов, молодежных, женских и других организаций. Важно, что автор не оставляет в тени и слабые стороны, ошибки в деятельности БКП, революционных профсоюзов. Большой интерес представляют страницы о кризисе реформистских организаций, ослаблении их влияния среди рабочих.

М. А. Бирман делает вывод о том, что болгарский рабочий класс был первым среди пролетарских отрядов малых

стран Юго-Восточной Европы, кто встал под руководством БКП на борьбу против фашизма и капитализма, начал закладывать основы союза рабочих и крестьян. Он исследует причины превращения болгарского пролетариата к середине 20-х годов XX в. в авангардную силу, способную под руководством БКП возглавить борьбу трудящихся за социалистическое общество.

Следует особо сказать о таблицах, историко-географических сведениях, примечаниях, научном аппарате, сделанных на высоком профессиональном уровне.

В ценном исследовании М. А. Бирмана не обошлось без отдельных упущений, недостатков. В первых главах желательно

было бы указать промышленные предприятия, принадлежавшие иностранному капиталу; в третьей — больше осветить динамику рабочего класса, деятельность тесняков в годы Балканских и мировой войн. В книге нет единства в названиях газет и журналов (одни — даются в переводе на русский язык, другие — в болгарском звучании). Эти замечания ни в коей степени не снижают общей высокой оценки монографии.

Книга М. А. Бирмана является большим вкладом в историческую науку, в создание синтетической истории рабочего класса малых стран Юго-Восточной Европы.

Песчаный Д. Г.

ИССЛЕДОВАНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ОТОНУ ЖУПАНЧИЧУ

В 1978 г. в Югославии отмечалось столетие со дня рождения крупнейшего словенского поэта XX в. Отона Жупанчича. Этому событию был посвящен состоявшийся в Любляне международный научный симпозиум, организованный Словенской академией наук и искусств совместно с философским факультетом Люблянского университета. Доклады симпозиума, прекрасно изданные «Словенской Матицей» [1], занимают среди многочисленных юбилейных публикаций центральное место как коллективный научный труд, содержащий новые концепции, трактовки, разыскания и представляющий литературную деятельность Жупанчича очень широко и разносторонне.

Сборник открывается вступительным словом и юбилейной речью акад. Й. Видмара, далее следуют тексты сорока двух докладов, с которыми выступили участники симпозиума — крупнейшие словенские литературоведы, ученые из других республик Югославии и из-за рубежа (из Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Австрии, ФРГ); заключает книгу послесловие ее редактора Ф. Берника. Материал распределен по трем разделам, доклады в них публикуются в том порядке, в каком они зачитывались на симпозиуме (что иногда слегка нарушает общую логическую стройность композиции книги).

В первый раздел входят доклады, освещающие общие и частные проблемы творчества Жупанчича, как правило, вне его литературных связей или во всяком случае без их особой акцентации. В докладе М. Боршник — «Среди всего сущего» прослеживается эволюция некоторых важных компонентов мироощущения Жупанчича и соответственно — его творческого самосознания. Попытку по-новому интерпретировать личность поэта и отдельные элементы его стиля содержит доклад Б. Рудольфа «Проблема Отона Жупанчича», в котором наряду с меткими наблюдениями встречаются и спорные, несколько произвольные утверждения. Три следующие работы (А. Слодняк. «Новый взгляд на трагедию Жупанчича „Вероника Десеницкая“»; М. Бобровница. «К проблематике драматургической формы у Жупанчича»; Ф. Петре. «„Вероника Десеницкая“ — иллюзионистическая трагедия») посвящены драматургии Жупанчича, к которой докладчики подходят с разных методических позиций (так, второй доклад представляет собой удачный структурный анализ трагедии «Вероника Десеницкая»), но в едином стремлении показать не только своеобразие трагедии Жупанчича, но и ее художественное совершенство, которое иногда ставилось под сомнение. К этим исследованиям примыкает доклад о руководящей

деятельности Жупанчича в Люблянском театре (Д. Моравец. «Работа Отона Жупанчича в должности театрального драматурга»); где, в частности, на основании неопубликованных писем поэта выявлен интересный факт — внимание Жупанчича к русской драматургии, особенно к Чехову. На неизвестные ранее, чрезвычайно ценные рукописные материалы опирается и И. Махнич в докладе «Развитие любовных эмоций в лирике Жупанчича». Недоступные прежде стихи, обнаруженные в интимных письмах поэта, позволяют по-новому представить его общую творческую эволюцию. Новизной отличаются и многие трактовки в докладе Ф. Берника «Стилистический модернизм ранних стихотворений Жупанчича». Вопросы стиля и языка поэта рассматривают также З. Дараш («Проблема экспрессионизма в лирике Жупанчича»), И. Топоришич («Приметные слова» Жупанчича (в „Чаше упоения“)), Ф. Якопин («Жупанчич и лексикальные славизмы в словенском литературном языке»). Доклад Ф. Задравца «Словенский стих с 1895 по 1920 гг.» представляет собой обстоятельное стиховедческое исследование — в поле зрения автора оказывается поэзия не только Жупанчича, но и других представителей «словенского модерна» — И. Цанкара, Д. Кетте, И. Мурна. Философско-эстетические концепции Жупанчича анализируются в докладах И. Погачника — «Тема поэтического творчества и литературные воззрения Жупанчича» и Ш. Барбарича — «Основы литературной мысли Жупанчича». Заключают раздел сообщения более частного характера (авторы Ц. Злобец, Х. Бергнер).

Доклады, включенные во второй раздел, вводят Жупанчича в самый широкий литературно-эстетический контекст эпохи, представляют творчество поэта в сложных и разнообразных связях с национальным и мировым литературным процессом, причем большинство авторов пользуется здесь сравнительным методом. Несколько докладов посвящены вопросам внутрилитературной преемственности, в первую очередь, восприятию поэзии Жупанчича следующими литературными поколениями. Так, Б. Патерну («Жупанчич и послевоенная словенская поэзия») дал емкую характеристику твор-

чества Жупанчича с четким выявлением тех узловых моментов, которые определяют бесспорное влияние Жупанчича на словенскую поэзию в течение более полувекового ее развития, а затем (со второй половины 50-х — в 60-е годы) известное охлаждение к нему, порой переходящее в оппозицию, со стороны определенных группировок молодых литераторов (что в значительной мере обусловлено их отрицательным отношением к общественным функциям литературы). Более частные вопросы внутрилитературных связей разрабатываются в докладах Ф. Буттоло («Поэтический язык Жупанчича и ранний экспрессионизм Антона Водника»); Б. Хартмана («Отон Жупанчич и Янко Глазер»); Я. Ротара («Детские стихи Жупанчича и фольклорные традиции»). В докладе Д. Рупела — «Проблема патриотизма у Жупанчича» затрагиваются контакты поэта с американским писателем, словенцем по происхождению, Л. Адамичем.

Два доклада носят характер сравнительно-типологических исследований — «Отон Жупанчич — Владимир Назор» Ю. Мартиновича и «Социальные мотивы в произведениях Отона Жупанчича и Владимира Назора» Б. Джукича; оба автора в разных аспектах рассматривают творчество словенского и хорватского поэтов как синхронно развивающиеся, самостоятельные, но во многом сходные явления.

Непосредственно к общим задачам сравнительного изучения литератур в связи с творчеством Жупанчича обращается в своем докладе Я. Кос («Отон Жупанчич в свете сравнительного литературоведения»); автор подытоживает размышления своих предшественников и выдвигает вопросы, требующие дальнейшей разработки, попутно развивая и на примере Жупанчича аргументируя верную, на наш взгляд, мысль о неадекватности понятий «неоромантизм» и «словенский модерн» (такое отождествление, широко распространившееся в последнее время в трудах словенских ученых, нивелирует, как нам кажется, национальную, исторически обусловленную специфику «словенского модерна»). Соотнесенность поэзии Жупанчича с европейской литературой, ее определенными те-

чениями, прослеживается в докладах В. Кудельки — «Творчество Жупанчи́ча в межнациональных связях» и Р. Нойхойзера — «Несколько комментариев к эволюции юного Жупанчи́ча в 1895—1899 гг.». Для ученых нашей страны большой интерес представляет доклад А. Глазер — «Жупанчи́ч и украинская поэзия», где словенская исследовательница выявляет в творчестве поэта образно-стилистические компоненты, восходящие к украинской литературе, и прослеживает их долгую, сложную эволюцию. Вопрос о восприятии Жупанчи́чем украинской лирики затрагивается и в докладе М. Ласло-Кутюк — «К проблеме возникновения „Думы“ Жупанчи́ча», где автор пытается наметить косвенные связи Жупанчи́ча (через посредство украинской поэзии) с творчеством классика румынской литературы В. Александри. Во второй раздел вошли также доклады М. Беговича — «Несколько взглядов на Отона Жупанчи́ча у нас и во Франции» и В. Калени́ча — «Мотивы Жупанчи́ча в поэзии Драгутина Домья́нича».

Третий раздел по своей проблематике в определенной степени служит продолжением второго, здесь также находят отражение некоторые формы двусторонних литературных связей, при этом ведущее место занимают переводы. В сфере исследований входят как переводческая деятельность Жупанчи́ча, получившая в докладах высокую оценку (Я. Модер. «Живая словенизация (О жупанчи́чевском „Сираво“)»; М. Становник. «Жупанчи́ч и повествовательная проза (Перевод романа „Оливер Твист“)»; К. Д. Олоф. «К вопросу поэтической ценности переводной лирики — жупанчи́чевские переводы Гете»), так и переводы

произведений Жупанчи́ча на другие, преимущественно славянские языки (Десанка Максимович. «Затруднения при переводе Жупанчи́ча на сербохорватский язык»; М. Сибинович. «Поэзия Жупанчи́ча в переводах Десанки Максимович и Густава Крклеца»; В. Лубаш. «Литературные языковые пласты в польских переводах поэзии Жупанчи́ча»). Ряд докладчиков не ограничивает круг своих исследований только переводами, привлекая материалы и иного характера, что позволяет более широко представить рецепцию творчества Жупанчи́ча в других славянских литературах (С. Ж. Маркович. «Бытование и восприятие детских стихов Отона Жупанчи́ча на сербохорватском языке»; О. Беркопек. «Отон Жупанчи́ч и чехи»; В. Лесковец-Иорданова. «Семь десятилетий с Отонем Жупанчи́чем»; М. Митрович. «Отон Жупанчи́ч на территории распространения сербохорватского языка»; Ш. Юри́нич. «Отон Жупанчи́ч в хорватской литературной критике»).

Не все вошедшие в сборник доклады равноценны, но в целом книга, объединившая труды ученых ряда стран, имеет большое научное значение как важный, весомый вклад в исследование творчества Жупанчи́ча и его эпохи, а также представляет определенный литературно-теоретический интерес, поскольку в нем нередко противостоят друг другу разные методические подходы к одним и тем же явлениям.

Рыжова М. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. Oton Župančič. Simpozij 1978. Ljubljana, 1979, 568 s.

ТРИЛОГИЯ ОБ ИВАНЕ ФЕДОРОВЕ

В 1964 г., в 400-летнюю годовщину русского книгопечатания, вышел в свет фундаментальный труд Е. Л. Немировского о первых русских типографиях и о работе в Москве первопечатника Ивана Федорова [1]. По случаю юбилея украинской книги тот же автор издал монографию о последнем периоде жизни Фе-

дорова [2]. Недавно читатели получили еще одну книгу Е. Л. Немировского, заполнившую остававшийся пробел в освещении биографии «друкаря-москвитина» [3].

Все три книги, связанные темой исследования и написанные по единому плану, дают комплексное решение вопро-

са о путях становления книгопечатания и издательского дела восточнославянских народов. На широком историческом фоне исследуются предпосылки возникновения типографий, условия их деятельности, с исчерпывающей полнотой характеризуется книжная продукция. Параллельно с этим излагается биография Ивана Федорова, определяется место первопечатника в истории книжного дела России, Белоруссии, Украины, подробно рассматривается вопрос о его роли в укреплении культурных связей восточных славян с западными и южными.

Особенно глубоко проанализированы социально-политические и материально-технические предпосылки возникновения русского книгопечатания. Хотя первая монография рецензируемого цикла вышла к 400-летию федоровского Апостола — древнейшей русской точно датированной книги, автор справедливо посвятил значительную часть исследования вышедшим ранее первенцам восточнославянской и южнославянской печати — изданиям Фиоля, Макария, Скорины, Вуковичей, особенно обстоятельно рассмотрена история так называемой Анонимной типографии. Е. Л. Немировский не только подкрепил новыми соображениями доводы своих предшественников о существовании этой типографии в Москве до типографии Ивана Федорова и Петра Мстиславца, но и представил ряд новых аргументов. Последовательность выхода анонимных изданий и их датировка, предлагаемые Е. Л. Немировским, гипотетичны, однако его гипотезы убедительно обоснованы. То же можно сказать и о предположении, что первым руководителем Анонимной типографии был один из деятелей «Избранной рады» благовецкий священник Сильвестр. Однако вряд ли можно считать доказанным утверждение, что типография была частным или получастным предприятием Сильвестра, и что государственная монополия на печатание началась в России только после учреждения типографии, в которой работали Иван Федоров и Петр Мстиславец.

Е. Л. Немировский приводит интересные доводы в пользу того, что Иван Федоров изучил основы полиграфического производства в московской Анонимной

типографии. Окончательно развеяв миф об учебе Ивана Федорова у датского мастера Ганса Мессенгейма-Богбиндера, исследователь установил, что Федоров творчески использовал многие достижения зарубежной полиграфии, в первую очередь южнославянской и польской. Всесторонне показан новаторский характер деятельности Ивана Федорова и Петра Мстиславца, заложивших основы технологии, применявшейся на протяжении всего раннего периода истории русского книгопечатного производства. Важны наблюдения автора об истоках применяемой первопечатниками орнаментики (в частности о ее связи с школой Феодосия Изографа), об их вкладе в текстологическую подготовку печатавшихся произведений.

Без упрощений изображается обстановка, в которой пришлось работать московским первопечатникам, обстоятельства их переезда из России в Белоруссию. Исправлен ряд неточностей или недостаточно обоснованных утверждений, укоренившихся в научной литературе. В целом, книга не только дает решение основных проблем начальной истории русского книгопечатания, но и является ценным вкладом в исследование общественно-политической жизни и культуры России XVI в.

По сравнению с первой монографией цикла, вторая и третья — гораздо меньше по объему. Поэтому в них не столь подробно охарактеризованы социальные и материально-технические предпосылки возникновения книгопечатания. Правда, ситуация в городах, где пришлось работать Федорову, освещена обстоятельно. Но большего внимания, на наш взгляд, заслуживали общие для Белоруссии и Украины в целом процессы общественно-политического развития, обусловившие оживление культурной жизни во второй половине XVI в. Хорошо показано значение типографий, действовавших после Скорины, — Брестской, Несвижской, Василя Тяпинского. Исследователю удалось обнаружить в Архангельском краеведческом музее второй экземпляр Евангелия Тяпинского, который на долгое время выпал из поля зрения ученых. Подробно описаны сохранившиеся экземпляры заблудовских из-

даний и взяты на учет экземпляры, когда-либо упоминавшиеся в печати, проведена большая работа по сличению Евангелия учительного 1569 г. и Псалтири 1570 г. с одноименными рукописными книгами. Достигнутые результаты показывают, что совокупное изучение рукописных и старопечатных памятников — одно из наиболее перспективных направлений историко-книговедческой науки.

Для изучения московского и заблудовского периодов деятельности Федорова памятники книжного искусства были основным источником. Украинские годы жизни первопечатника нашли отражение также в разнообразных архивных документах. Комплексное исследование документов и старопечатных книг придает особую убедительность выводам автора. Кстати, важные акты о львовском периоде работы первопечатника были впервые введены в научный оборот именно Е. Л. Немировским [4, 5]. Еще в большей мере расширен исследователем круг старопечатных источников. Изучение имеющихся на неизвестных ранее экземплярах записей существенно обогатило наши представления о путях распространения книги Ивана Федорова, о их широком общественном резонансе. Для историков и филологов-славистов весьма важны и выводы автора о составе, происхождении текстов и значении изданных на Украине двух Букварей Ивана Федорова, «Хронологии» Андрея Рымши, предметного указателя Тимофея Михайловича к «Книге нового завета».

В целом автору удалось показать, что в период своей работы в Белоруссии и на Украине Иван Федоров развил лучшие традиции Скорины, обогатил их опытом московских мастеров. Благодаря этому столь существенным был его вклад в укрепление культурных связей восточнославянских народов между собой и с другими славянскими народами.

Когда писалась книга о пребывании Ивана Федорова на Украине, еще не были известны два недавно найденных документа — акт о сохранении Иваном Федоровым должности дерманского «справцы» после переезда в Острог [6] и договор первопечатника с вроцлавским мастером Б. Эбисшем об изготовлении

иллюстративных гравюр на меди для Библии [7]. Самим Е. Л. Немировским обнаружен в Сербии экземпляр Острожской Библии с припиской, сделанной каким-то служебником князя Острожского — возможно Иваном Федоровым [8]. Однако уточнения по частным вопросам не могут поколебать основных выводов Е. Л. Немировского. Что касается дискуссионных проблем, то их наличие объясняется состоянием источников и возможностью их различной интерпретации. Больше всего разногласий в прошлом вызывал вопрос о происхождении Ивана Федорова. В книге 1964 г. Е. Л. Немировский критиковал как необоснованные все выдвигавшиеся ранее гипотезы и делал вывод: «Мы не знаем где и когда родился мальчик, которому при крещении дали хорошее русское имя Иван». Позже, в 1969 г., Немировский выдвинул гипотезу о происхождении первопечатника из белорусского селения Петкевич и об учебе его в Краковском университете. Однако в последней монографии исследователь справедливо указывает на необходимость дополнительного изучения этого вопроса. На наш взгляд, при нынешнем состоянии изучения вопроса наиболее вероятным является мнение о происхождении Ивана Федорова из Москвы [9]. Сам он себя именовал москвитинном, а в греческом послесловии к Острожской Библии Иоанном из Великороссии («Μεγάλε Ροσσία») [10].

Весьма важно, что при освещении дискуссионных вопросов автор, как правило, излагает точки зрения всех основных участников спора, анализирует их аргументы. Это позволяет подвести итоги исследованному, наметить наиболее перспективные направления научного поиска.

Жизнь первопечатника давно интересовала и ученых и популяризаторов науки. Достаточно сказать, что в составленном Е. Л. Немировским библиографическом указателе [11] зарегистрировано 1754 книги и статьи, изданные по 1974 г. включительно. В рецензируемых книгах Е. Л. Немировский не только подводит итог сделанному раньше, но и дает обобщение всех доступных источников. Он рассматривает деятельность первопечатника в контексте анализа главных

общественно-политических и культурных течений его времени. Одним из главных недостатков старой литературы было изображение Федорова энтузиастом, чуть ли не единолично преодолевавшим сопротивление косной среды. В отличие от этого Е. Л. Немировский правильно подчеркивает, что и в России, и в Белоруссии, и на Украине возникновение и развитие книгопечатания было обусловлено всем ходом исторического развития. Тем самым деятельность первопечатника отвечала назревшим общественным потребностям. Установив тесную связь Ивана Федорова с окружением, с передовыми людьми своего времени, Е. Л. Немировский раскрыл непреходящее значение жизненного подвига «друкаря книг пред тьм невиданных», его вклад в сокровищницу культуры славянских народов.

Книги Е. Л. Немировского до предела насыщены фактами, снабжены указателями, библиографическими списками; научная глубина сочетается в них с доходчивостью и подлинной яркостью изложения. Хочется пожелать, чтобы исследователь на основании трех монографий подготовил обобщающую научную биографию первопечатника Ивана Федорова.

Исаевич Я. Д.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964, 404 с.
2. *Немировский Е. Л.* Начало книгопечатания на Украине. Иван Федоров. М., 1974, 224 с.
3. *Немировский Е. Л.* Иван Федоров в Белоруссии. М., 1979, 175 с.
4. *Немировский Е. Л.* Документальные материалы львовских архивов о последнем периоде жизни и деятельности Ивана Федорова.— Исторический архив, 1961, № 4, с. 229—235.
5. Новые документы о львовской типографии Ивана Федорова.— Полиграфия, 1964, № 3, с. 12—13.
6. *Мычко И. З.* Новые документы о пребывании Ивана Федорова на Волыни.— В кн.: Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве (Федоровские чтения 1977 года). М., 1979, с. 192—195.
7. *Исаевич Я. Д.* Новое об Иване Федорове.— Вопросы истории, 1979, № 9, с. 172—173.
8. *Немировский Е. Л.* В дар «обители близ Дунава». Находка в монастыре Врдник.— Книжное обозрение, 29 июня 1979, с. 16.
9. *Исаевич Я. Д.* Першодрукар Іван Федоров і виникнення друкарства на Україні. Львів, 1975, с. 36—37.
10. У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 251, рис. 26.
11. *Немировский Е. Л.* Начало книгопечатания в Москве и на Украине. Жизнь и деятельность первопечатника Ивана Федорова. М., 1975.

EVLIYA ĆELEBI. Kniha cest. Cesty po Slovensku. Bratislava, 1978, 328 s.

ЭВЛИЯ ЧЕЛЕБИ. Книга путешествий. Путешествия по Словакии

Знаменитый турецкий путешественник второй половины XVII в. Эвлия Челеби известен европейским ученым уже более полутора сотен лет. Ему и его времени посвящены десятки ученых трудов. Отрывки из его десятитомной «Книги путешествий» сотни раз переводились на многие европейские языки.

В Чехословакии в 1965 г. Г. Туркова издала на немецком языке отдельной книгой странствия Эвлии Челеби по Далмации и Боснии [1], а в 1978 г. свою книгу о путешествии Эвлии Челеби по Словакии издал на словацком языке

В. Копчан. Он перевел извлечения из «Книги путешествий» по турецкому изданию, сверил его с рукописью «Книги», хранящейся в музее дворца Топканы в Стамбуле, написал вступительное слово и пояснения, составил иллюстрированное приложение. Издание было осуществлено в Братиславе издательством «Татран» 36-м выпуском серии «Мемуары и документы» (ответственный редактор — Д. Легутова, художник М. Ципер).

Во вступительном слове «Эвлия Челеби и его „Книга путешествий“» (с. 9—28) — В. Копчан знакомит читателей

с биографией Челеби и маршрутами его многолетних путешествий по Европе, Азии и Африке, поднимает вопрос о времени и месте написания «Книги путешествий», приводит гипотезы о месте и времени смерти Челеби. Проследившая историографию изучения «Книги» в Европе, автор подчеркивает высокую степень ценности труда Челеби как исторического источника, касается вопроса о первоисточниках «Книги», исследует ее язык и комментирует выбор отрывков, включенных в данное исследование.

Словацкому переводу извлечений из «Книги» посвящены девять разделов (с. 31—314), сопровождаемых кратким введением и подробными примечаниями. Выясняется, что словацкие земли и сопредельные территории Челеби посетил несколько раз в период между 1661 и 1666 гг., отмеченный военными столкновениями между Османской и Габсбургской империями. На этом историческом фоне и разворачиваются картины жизни на словацких территориях, представленные пытливым и знающим турком, который многое видел, слышал и читал, но по-своему отобразил в своей «Книге».

Примечания, которыми снабжены все девять разделов словацкого перевода, несомненно являются новым вкладом в дело изучения «Книги путешествий» мировой наукой. Применительно к территории Словакии В. Копчан провел кропотливую работу по идентификации географических названий и личных имен.

При трактовке событий, терминов и многочисленных темных мест «Книги» В. Копчан показал превосходное знание работ своих иностранных коллег, зачастую находя свое решение проблемы.

К сожалению, в «Книге путешествий» сохранилось еще достаточно много не совсем понятных мест. Некоторые из них прояснены совсем недавно. Например, словацкий ученый перевел множество имен ногайских беков (с. 112), не смог их идентифицировать и предположил, что здесь просто собраны воедино все ногайские имена, которые Челеби когда-либо слышал (с. 137, прим. 48). На самом же деле турецкий автор привел действительные названия ногайских подразделений, объясненные в 1979 г., уже

после выхода в свет рецензируемой книги, во втором выпуске русского перевода извлечений из «Книги путешествий» [2, с. 220—222, прим. 40].

В словацком переводе встречается подробное перечисление молдавских и валахских терминов, обозначающих придворных сановников и других служащих государственного аппарата (с. 113—114). Все эти должности были уже перечислены турецким автором в т. 5 его «Книги», названы в вып. 1 русского перевода и прокомментированы там же на основании свидетельств молдавского летописца XVII в. Мирона Костина [3, с. 273, 274, 276, 277, 280, 282—284, 287, 288, 291, 294]. Странно, что В. Копчан не увидел в турецком написании «варник» молдавский термин «ворник», а в написании «зиеенкар» — «житничар».

В безупречном в целом словацком переводе турецкого текста «Книги» можно отметить лишь единичные отступления от первоисточника, связанные с толкованием некоторых идиоматических оборотов. Например, во фразе «Наконец настал ханефийский час и взошло солнце» (с. 65) — переводчик понимает выражение «ханефийский час», как «справый час» (с. 87, прим. 32). На самом деле, это просто обозначение времени начала первой молитвы, которую надлежало совершать всем туркам, ибо они придерживались ханефийского мазхаба в мусульманстве. В персидской фразе «Манам дигар нист», переводимой В. Копчаном «Я, а не другой» (с. 224, 242, прим. 23), недостает последнего слова «диг» — «вера». Вся фраза переводится: «У меня нет другой веры» (кроме ислама. — А. Г.), т. е. «Я — мусульманин!»

Есть в «Книге путешествий» отдельные слова и выражения, которые можно назвать ловушками для переводчика и комментатора. Например, для Эвлии Челеби Демавенд (высочайшая вершина гор Эльбурс на севере Ирана) — обычный эпитет чего-нибудь чрезвычайно большого и высокого. Именно так В. Копчан трактует сравнение горы мешков с землей с горою Демавенд и Эльбурс (с. 109, 155, прим. 41). Между тем, турецкий автор горой Эльбурс называет высочайшую вершину в Боковом хребте Большого Кавказа, т. е. гору Эльбрус, которую он подробно

описывает в т. 7 своей «Книги», считая именно ее мифической горой Каф.

Частое выражение «накшуванская сталь» (с. 287) В. Копчан без колебания производит от города Нахичевань (столица Нахичеванской АССР) (с. 295, прим. 47). Между тем, несколько населенных пунктов под названием Накшуван и по сей день существуют в Восточной Анатолии. И Челеби производит название стали от поселения Накшуван (Нахичевань), существовавшего некогда в Крыму у подножия горы Чатырдаг. Именно из Крымской Нахичевани по приглашению русского правительства выехали армянские купцы и ремесленники в 70-х годах XVIII в. Они стали жить в устье Дона, а поселение свое также назвали Нахичевань (ныне — район города Ростова-на-Дону).

Составная часть труда В. Копчана — терминологический словарь (с. 315—328), рассчитанный на самый широкий круг читателей. В целом словарь составлен хорошо и с точки зрения полноты, и трактовки терминов. Хочется сделать только два маленьких замечания.

Термин «эйялет» (с. 39) не является у Челеби синонимом термина «вилайет». Эйялет для него — наиболее крупная административная единица в Османской империи, вилайет — «страна, земля, область» (безотносительно к административному делению). Термин «тарих» (с. 327) у Челеби — не только и не столько хронограмма, а строительная надпись. Такими надписями, выполненными,

как правило, на мраморных плитах, снабжались все более или менее значительные архитектурные сооружения в странах мусульманского мира. Тарихи, почти всегда воспроизводившиеся турецким автором с фотографической точностью, могут служить ценными историко-культурными источниками изучаемого региона.

В целом рецензируемая книга — заметное явление в научной и культурной жизни социалистической Чехословакии, важный источник по истории Словакии.

Григорьев А. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. Die Reisen und Streifzüge Evlijā Celebī in Dalmatien und Bosnien in den Jahren 1659/61. Übersetzt und bearbeitet nach den Manuskripten Beşir Aga und Bağdad Köşkü von Helena Turková. Prag, 1965.
2. Челеби Эвлия. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии, вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Составитель и ответственный редактор А. Д. Желтяков. Предисловие А. П. Григорьева. Примечания и комментарии А. П. Григорьева и А. Д. Желтякова. М., 1979.
3. Челеби Эвлия. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии, вып. 1. Земли Молдавии и Украины. Составитель А. Д. Желтяков. Предисловия А. Д. Желтякова, А. С. Тверитиновой, В. В. Мавродина. Примечания и комментарии А. П. Григорьева и А. Д. Желтякова. М., 1961.

Historiografie v Československu. 1970—1980. Výchově bibliografie. Praha, 1980, t. XXXII, 387 s.

Историография в Чехословакии. 1970—1980. Избранная библиография

В последние годы во всем мире постоянно возрастает количество публикуемой исторической литературы. Исследователю становится труднее и труднее ориентироваться в обильном потоке монографий, сборников статей, коллективных трудов и т. д. Поэтому значение изданий библиографического характера как для профессиональных историков, так

и для преподавателей и студентов невозможно переоценить. В ряду подобных изданий особое место несомненно займет рецензируемый том, подготовленный коллективом сотрудников отделов научной информации Института чехословацкой и всемирной истории Чехословацкой академии наук и Института истории Словацкой академии наук. Эта

публикация была приурочена к XV международному конгрессу исторических наук в Бухаресте. В предисловии чл.-корр. ЧСАН Я. Пурша подчеркивается, что цель данного издания — показать итоги работы 70-х годов, когда «чехословацкая историография достигла значительных успехов, которые проявились как в росте уровня исторических исследований, так и в возрастающем числе публикаций».

Рецензируемое издание характерно широким охватом тематики исторических исследований: история Чехословакии и всемирная история с древнейших времен до современности, вопросы теории и методологии, техники исторической работы и ее организации. В библиографию составителями включено 6307 названий. Это число само по себе говорит о масштабе проделанной работы. Но хотелось бы особо отметить следующее. В данной книге приведены не только публикации, обычно включаемые в подобного рода издания — монографии, коллективные труды, сборники статей, издания документов, биографии, учебные пособия для студентов университетов. Не менее ценно и то, что здесь зарегистрированы очерки и статьи, появившиеся за минувшее десятилетие в научных журналах, сборниках трудов университетов и академических институтов, институтов марксизма-ленинизма при ЦК КПЧ и КПС, Национального музея и других музеев республики и т.д. Подобная регистрация существенно сократит время, затрачиваемое исследователями на поиски нужной литературы. И за это можно только поблагодарить коллектив, подготовивший данное издание. Вошли в библиографию опубликованные доклады чехословацких историков на конференциях и симпозиумах как отечественных, так и международных, а также работы историков ЧССР, опубликованные за рубежом, в частности, в СССР, Венгрии, ГДР, Австрии и ФРГ. Тематика работ, включенных в данное издание, очень разнообразна и касается проблем экономической, политической, социальной истории, истории культуры, истории права, науки и техники, исторической географии, вспомогательных исторических дисциплин. Прошлое десятилетие, как отмечается в предисловии Я.

Пурша, выявило сознательную концентрацию в исторических исследованиях на важнейших проблемах чешской и словацкой истории нового и новейшего времени, прежде всего, на вопросах национально-освободительной борьбы во время второй мировой войны и коренных проблемах строительства социализма.

Книга делится на три части: общий раздел (451 название), история Чехословакии (4867 названий) и всемирная история (989 названий). Общий раздел содержит работы теоретические и методологические, а также посвященные организационным основам исторических исследований, вспомогательным историческим дисциплинам. Основой классификации в разделе является предметный принцип. Вторая, и самая обширная, часть охватывает историю Чехословакии от начала славянской колонизации до современности, региональную историю и персоналии. Здесь основной классификации является хронологический принцип. Периоды выделены по новейшей периодизации согласно подготовляемым томам «Очерков истории Чехословакии». В третью часть включены работы по всемирной истории с древнейших времен до наших дней. Классификация в этой части разная: во вступительном разделе — по хронологическому принципу, в основном — по географическому. Для удобства пользования библиографией к изданию прилагаются указатели фамилий авторов и названий работ.

Рецензируемое издание является не только ценным библиографическим справочником, призванным оказать помощь в исследовательской работе научным сотрудникам, аспирантам и студентам. Оно наглядно демонстрирует широту и многосторонность исторических исследований в Чехословакии. Библиография доказывает, что чешские и словацкие историки серьезно и глубоко изучают практически все важнейшие проблемы теории и методологии чешской, словацкой и всемирной истории. В общем разделе привлекают внимание труды, посвященные анализу теоретических положений марксистско-ленинского учения о революции и государстве, связи теории с современными условиями в мире, проблемам интернационализма и решения национального вопро-

са. Интересно и глубоко изучаются чехословацкими историками сущность и основные черты развитого социализма, социалистического образа жизни, социалистической культуры. Работы видных чехословацких историков В. Крала и Ю. Кржижека о проблемах развития исторических исследований в ЧССР показывают, насколько серьезно в республике подходят к вопросам дальнейшего прогресса исторических наук. Историкомарксисты Чехословакии вместе с историками стран социалистического содружества ведут непримиримую борьбу с буржуазными и ревизионистскими теориями по важнейшим проблемам истории человеческого общества. Однако сравнительно небольшое количество трудов по этой тематике показывает, что в этом направлении предстоит еще многое сделать.

Исследования по истории Чехословакии естественно наиболее многочисленны. Их тематика многообразна и обширна. В разделе, посвященном средневековой истории, интерес читателя привлекают не только исследования, но и библиографические указатели, путеводители по архивным материалам, публикации документов. Можно отметить, что за прошедшее десятилетие чехословацкие историки значительное внимание уделили анализу новых источников и более всестороннему изучению уже известных науке материалов. Традиционно большое место занимают исследования гуситского революционного движения, проблем национального возрождения, идей великого гуманиста Яна Амоса Коменского. В разделе, посвященном изучению истории нового времени, много работ о политическом и социально-экономическом развитии Австро-Венгерской империи, национальных проблемах и причинах ее распада. История рабочего движения и различные аспекты революции 1848 года изучаются с привлечением новых архивных материалов. Заинтересуют специалистов и несколько работ, посвященных связям чехословацких политических и культурных деятелей с русскими славянофилами.

Самым большим по количеству названий является раздел, посвященный истории Чехословакии в новейшее время. В изучении этого периода имеется много неисследованного и спорного. Чехосло-

вацкие историки вносят свой вклад в изучение влияния Великой Октябрьской социалистической революции на политическое развитие в чешских землях и Словакии, на образование чехословацкой буржуазной республики. Такие темы, как история Словацкой Советской республики, история Коммунистической партии Чехословакии, Мюнхенский договор, оккупация нацистами Чехии и Моравии, национально-освободительное движение, Словацкое национальное восстание, Майское восстание в Праге, освобождение Чехословакии Советской Армией, по-прежнему продолжают вызывать значительный интерес историков Чехии и Словакии. Национально-демократическая революция в Чехословакии, февральские события 1948 года, социалистическая федерация, политическая и социальная структура ЧССР, деятельность КПЧ и КПС, характерные черты экономического развития республики, история промышленности и сельского хозяйства, социалистическая наука и культура — вот далеко неполный перечень тем, которые глубоко и критически исследуются чехословацкими историками, придающими большое значение всестороннему изучению истории социалистического строительства в Чехословакии.

Чехословацкие историки внесли заметный вклад в изучение всемирной истории. Они исследуют важнейшие поворотные события в истории всех стран и народов. Революции, международное рабочее движение, пролетарский интернационализм, мировые войны, фашизм и неофашизм, национально-освободительные движения — эти темы являются предметом исследования историков, с марксистских позиций ведущих аргументированный научный спор с буржуазными фальсификаторами мировой истории.

Итоги работы чехословацких историков в 1970—1980 гг., которые ярко и впечатляюще продемонстрированы в рецензируемом издании, свидетельствуют, на наш взгляд, что историческая наука в Чехословакии находится сейчас на подъеме и способна успешно решать важнейшие проблемы чехословацкой и всемирной истории.

В. М. МОКИЕНКО. Чешский язык. Учебное пособие по развитию разговорной речи. Л., Изд-во Ленинградского ун-та, 1978.

В 1978 г. в Советском Союзе впервые издан учебник чешского языка, направленный на развитие навыков разговорной речи. Он рассчитан на студентов и аспирантов, специализирующихся по истории, русистике и славистике в широком плане.

Цель учебного пособия, как подчеркивает автор, д-р филолог. наук В. М. Моквиенко, — «помочь формированию и закреплению навыков чешской разговорной речи». В связи с большим разнообразием в статусе и условиях занятий по чешскому языку в пединститутах и университетах страны автор пришел к мысли о комплексном построении учебника, дающем возможность использовать его в преподавании чешского языка как факультативного курса или спецпредмета, при разном количестве часов, в группах начинающих или продолжающих, на курсах повышения языковой квалификации самих преподавателей. Так, весь материал пособия делится на две части. Тематические тексты, приводимые в первой части, более удобны для начинающих овладевать разговорной речью. Тексты с той же тематикой из второй части имеют целью совершенствование уже приобретенных разговорных навыков и пригодны главным образом для групп, продолжающих изучение. Упражнения, включенные в первую часть, даются также дифференцированно, с постепенным усложнением внутри каждой темы, что позволяет преподавателю в каждом конкретном случае отбирать те из них, которые соответствуют уровню подготовленности учащихся. Рецензируемое пособие ориентируется на Учебник чешского языка для I и II курсов вузов [1]. Тексты, грамматические комментарии и упражнения даются в последовательности, удобно соотносящейся с расположением материала в данном учебнике.

В пособии по разговорному языку основное внимание должно быть уделено лексике, вводимой в разговорный обиход обучающихся. По каждой теме в первой части приводятся списки основных слов и оборотов, которые весьма значительно дополняются во второй части. Причем лексический материал распределен по тема-

тическим подгруппам, что облегчает учащимся подбор слов при написании сочинений. Например, в теме «Семья» перечисляются подгруппы слов: «Члены семьи», «Семейные торжества», «Возраст, пол», «Внешность» и т. д.

Построение учебника открывает широкие возможности как для активной аудиторной работы в непосредственном контакте с преподавателем, так и для плодотворной самостоятельной работы студента. В первом случае акцент делается на выполнении упражнений по автоматизации навыков разговорной речи, во втором — наиболее эффективно систематическое чтение текстов и заучивание лексики из второго раздела книги. Языковой материал дается автором с учетом как родственного сходства, так и специфических различий чешского и русского языков. Этому служат различные словарные упражнения (в частности, по чешской и русской синонимии), этимологическая интерпретация некоторых чешских лексем (например, названий месяцев и времен года — с. 166—168).

В первой части учебника — десять тематических разделов: «Аудитория», «Общежитие», «Квартира», «Семья», «Время», «Времена года и климат», «Университет», «Город и транспорт», «Болезнь», «Одежда». Изучение всех тем опирается на обиходно-разговорные ситуации. Тексты строятся как диалоги, которые желательно заучивать наизусть, чтобы ускорить выработку навыков автоматизма в разговорной речи. За перечнем слов и оборотов к диалогу следует ряд заданий, в которых удачно сочетаются упражнения по активизации разговорных навыков и по усвоению лексики. В их числе — задания на описание ситуаций, на составление вопросов, ответов и целых диалогов или рассказов, предложения с пропущенными словами, упражнения на антонимические и синонимические замены, двусторонние переводы. Отметим, что инструктивные указания к упражнениям даются по-чешски. Все это способствует прочному усвоению и закреплению разговорных моделей в той непринужденной обстановке, которая создается основным тематическим диалогом

и которая так важна для успеха обучения. Во второй части представлены довольно сложные тексты (но уже без упражнений и диалогов) и обширный дополнительный лексический материал по всем десяти темам первого раздела.

Диалоги, как правило, составлены самим автором и отредактированы его чешскими коллегами. При этом был использован материал более чем 20 разговорников, учебных пособий и справочников. Тексты брались из чешской художественной (главным образом, классической) литературы и периодики. Следует отметить удачный подбор текстов, которые не только связаны с темой раздела, но и интересны с познавательной точки зрения.

В учебном пособии В. М. Мокиенко собственно языковой материал органично переплетается со страноведческим. Учащиеся получают сведения об истории Чехословакии и сегодняшнем дне страны, о достопримечательностях Праги, о биографиях и творчестве крупнейших чешских писателей, знакомятся со стихотворениями Я. Неруды, К. Г. Махи, Я. Врхлицкого, Я. Сейферта, В. Незвала, К. Томана и других поэтов, тематически связанных с изучаемым материалом.

Весьма полезны и уместны в книге примеры чешских пословиц и поговорок,

юмористические диалоги и короткие рассказы, занимательная информация из различных сфер жизни, которую можно найти в конце каждого изучаемого тематического раздела.

Среди некоторых погрешностей в тексте следует отметить отсутствие диакритических знаков, перестановку слогов, неверные окончания (с. 19, 33, 37, 59, 103, 104, 209, 213, 214).

Учебное пособие В. М. Мокиенко базируется на материалах, прошедших десятилетний путь апробации в Ленинградском университете. Пособие позволяет комбинировать традиционные методы обучения иностранным языкам с современными, может быть использовано для работы в лингафонных кабинетах, для программированного обучения. Нами в Белорусском государственном университете оно было эффективно использовано для занятий по разговорному чешскому языку с группой подготовки гидов-переводчиков из числа студентов отделений русского и белорусского языков.

Зайцева Н. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. Широкова А. Г., Адамец П., Влачек Й., Грбачек Й., Роговская Е. Р. Учебник чешского языка. М., 1973.

ГОДОВЩИНА ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1830—1831 ГОДОВ

26 января 1981 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялась научная конференция, посвященная 150-летней годовщине польского восстания 1830—1831 гг.

Наряду с сотрудниками Института в конференции приняли участие историки-политологи высших учебных заведений Москвы, Ленинграда, Кирова, Дрогобыча, Петрозаводска, Иркутска, Читы.

С докладом на тему «Польское восстание 1830—1831 гг. и его историческое значение» выступила д-р ист. наук С. М. Фалькович. Она осветила вопрос о месте восстания 1830—1831 гг. в развитии освободительной борьбы польского народа в XIX в., о роли опыта восстания в становлении польской демократии и выработке социальных программ, а также в установлении боевого сотрудничества с революционерами других стран в процессе складывания польской интернационалистской традиции. Говоря о международном значении восстания, докладчик подчеркнула его роль в развитии революционного движения в других странах Европы.

Канд. ист. наук О. П. Морозова в докладе «К вопросу о специфике восстания 1830—1831 гг.» рассмотрела типологические черты восстания 1830—1831 гг. в сопоставлении с другими революционными выступлениями первой половины XIX в., его специфику как революции политической и национально-освободительной, нанесшей чувствительный удар по политическим позициям европейской реакции.

Предпосылки восстания 1830—1831 гг., социально-экономическое развитие польских земель в 20-е годы прошлого века проанализировала канд. ист. наук Л. А.

Обушенкова в докладе «Польша накануне восстания (социально-экономические аспекты)».

Д-р. ист. наук В. А. Дьяков в докладе «Опыт ноябрьского восстания и польская общественная мысль 30-40-х годов XIX в.» основное внимание уделил восприятию уроков восстания деятелями польского освободительного движения, выступавшими за продолжение революционной борьбы.

Проф. И. А. Воронков выступил с докладом «Традиции польско-русских революционных связей 20-х годов XIX в. и восстание 1830—1831 гг.». В центре внимания докладчика были проблемы, связанные с возникновением и утверждением в революционной практике боевого интернационалистского лозунга «За нашу и вашу свободу».

Проблемам международного резонанса восстания были посвящены выступления д-ра ист. наук Т. М. Исламова и канд. ист. наук К. П. Гогоиной, которые подробно проанализировали отклики на польское восстание 1830—1831 гг. в Австрийской империи (преимущественно на венгерском и чешском материале).

Значительное внимание на конференции было уделено вопросам, связанным с историографией восстания 1830—1831 гг., как прошлого века, так и нашего времени. Канд. ист. наук Б. С. Попков выступил на тему «Йоахим Лелевель и восстание 1830—1831 гг.». Об отражении восстания в русской исторической литературе прошлого века говорил канд. ист. наук Ю. И. Штакельберг в своем выступлении «Восстание 1830—1831 гг. на страницах русских исторических журналов („Русская старина“, „Русский

архив“, „Исторический вестник“). Канд. ист. наук Н. П. Митина рассмотрела исследования по проблематике ноябрьского восстания, появившиеся в течение последнего десятилетия.

Источниковедческая проблематика была затронута в выступлении А. И. Миллера, посвященном газете «Новая Польша» как источнику по истории восстания 1830—1831 гг.

Канд. филол. наук Д. Б. Кацнельсон рассказала об отражении событий восстания в польском народном творчестве и «потаенной литературе». В ее докладе были использованы рукописные материалы, хранящиеся в архивах СССР и Польши.

Интересный материал, связанный с отношением к восстанию польского духовенства, содержался в выступлении Л. С. Лыкошиной «Об участии католического и униатского духовенства в ноябрьском восстании».

Несколько выступлений были посвящены судьбам участников восстания 1830—1831 гг., их пребыванию в ссылке и связям с русской общественностью. При этом были широко привлечены не публиковавшиеся ранее материалы областных архивов. Канд. ист. наук В. М. Фоменкова осветила тему «Участники ноябрьского восстания в вятской ссылке»; С. В. Кодан — «Повстанцы 1830—1831 гг. на Нерчинской каторге и в Забайкалье»; «Участники польского восстания 1830—1831 гг. в ссылке в Восточной Сибири» — так назвал свое выступление канд. ист. наук Б. С. Шостакович.

Конференция показала, что проблемы восстания 1830—1831 гг. занимают существенное место в научных изысканиях советских историков-полонистов, изучающих развитие польского освободительного движения XIX в.

Морозова О.

СИМПОЗИУМ ПО АНТИЧНОЙ БАЛКАНИСТИКЕ

2—4 декабря в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялся очередной симпозиум «Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология». Симпозиум был подготовлен и проведен совместно с Институтом всеобщей истории АН СССР и Институтом археологии АН СССР. На 6 заседаниях было заслушано 44 доклада, краткое содержание которых отражено в сборнике предварительных материалов «Античная балканистика» (М., Наука, 1980).

Данный симпозиум стал качественно новым этапом интеграции усилий ученых различных специальностей: филологов (по преимуществу лингвистов), археологов и историков, исследующих проблемы балканского этногенеза. По замыслу организаторов, симпозиум был призван поднять представленные доклады, и особенно дискуссию, на сугубо высокий профессиональный уровень в отличие от предыдущих симпозиумов по античной балканистике,

где комплексный подход к проблемам этногенеза осуществлялся, в основном, силами ученых одной специальности, главным образом, лингвистами.

На симпозиуме, как и прежде, термин «этногенез» понимался достаточно широко, включая, прежде всего, проблему воссоздания этнической карты Балкан и сопредельных территорий по лингвистическим, археологическим и письменным источникам, реконструкцию древних реликтовых языков, материальной и духовной культуры народов указанного ареала, этнические и лингвистические контакты — т. е. все те факторы, которые в племенной и раннегосударственный период могли повлиять на образование отдельного этноса или этнических общностей. Такое понимание предмета обусловило пять основных тем программы: 1) этнические контакты по языковым и археологическим данным в исследуемом ареале; 2) проблема миграций в целом и индоарийских реликтов в Северном Причерноморье, в частности; 3) Реконструкция реликтовых языков

Балкан; 4) скифы: языковой и этнокультурный аспект; 5) этнические процессы раннеславянского периода в карпато-балканском пространстве.

В ходе симпозиума выявились некоторые важнейшие дискуссионные темы, доклады по которым вызвали живое и конструктивное обсуждение. Среди проблем этого рода следует назвать вопрос о направлениях миграций индоевропейцев и датировке их прихода на Балканы, поднятый в докладах Н. Я. Мерперта «Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века» и Е. Е. Кузьминой «О балканском или центральноазиатском пути миграции индоевропейских народов», где были приведены весомые аргументы в пользу традиционного мнения о Северном Причерноморье и Балканах как центрах иррадиации указанных миграций на различных хронологических этапах.

Другой дискуссионной проблемой стал вопрос о реликтах индоарийского происхождения на территории Северного Причерноморья. О. Н. Трубачев в докладе «Indoarica в Скифии и Дакии» продолжил серию своих исследований по выявлению лингвистических следов индоарийского субстрата в Северном Причерноморье. Та же тема была критически исследована в совместном докладе Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского «К вопросу об «индоарийском» этноязыковом элементе в Северном Причерноморье в античную эпоху».

Существенное внимание на симпозиуме было уделено скифской проблематике, что связано с важной ролью этого народа в истории и культуре балканских народов, особенно фракийцев. Доклад В. И. Абаева «О некоторых „варварских“ топонимических и антропонимических терминах у античных авторов» содержал новую интерпретацию Геродотового названия скифов $\gamma\epsilon\alpha\rho\tau\omicron\iota$ в качестве адаптации местного названия *gauvagā «почитающие скот». Н. Д. Членова посвятила свой доклад «О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье» сопоставлению ареала распространения носителей срубной культуры — физических предков скифов — с ареалом распространения иранских гидронимов на юге России.

Т. А. Гуриев в докладе «Осетинский эпический образ скифского возраста» соотносит образ нарта Ацамаза с исторической личностью скифского царя Атея (IV в. до н. э.). Вопрос о том, в каких памятниках запечатлена скифская мифология, был рассмотрен в докладе Д. С. Раевского «К проблеме системности скифской мифологии». Ф. Елоева в докладе «О западных связях скифов» привела несколько скифо-балканских лексических параллелей. Проблемы фрако-скифских связей специально коснулись в своих докладах А. И. Мелюкова («Археологические данные о фракийцах на западе и юго-западе СССР в I тыс. до н. э.»), Е. Н. Черных («Общность культур евразийских степей и Балкан в конце бронзового века. Проблемы валиковой керамики»).

Вопросам этнических контактов были посвящены доклады В. И. Козенковой «Контакты населения карпато-дунайского мира и Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы — раннего железа» и Э. А. Рикмана «О начале расселения и этнических контактах славян в карпато-дунайских землях». Этническая принадлежность и локализация агафирсов была рассмотрена в докладе Ю. К. Колосовской «К вопросу об агафирсах». Формы эксплуатации сельского населения Юго-Восточной Европы в античную эпоху исследовала в своем выступлении Е. С. Голубцова.

На симпозиуме были затронуты также весьма важные для античной балканистики проблемы критики и анализа текста. Представленные на эту тему доклады: Г. Г. Литаврина «Славяне Мисии и Малой Скифии до прихода протоболгар Аспаруха», Л. А. Гиндина «Членение скифских племен в свете семантической дистрибуции глаголов обитания в IV кн. Геродота», С. А. Иванова «Обозначение славян как этнической общности в „Истории войн“ Прокопия Кесарийского», В. И. Исаевой «Фракийские сюжеты у Исократы и Демосфена», А. В. Подосинова «К истории скифов в Добрудже. По сведениям Овидия», М. Н. Славянской «Этнонимы в поэтическом тексте», М. В. Бибикина «Византийская этнонимия: архивизация как система», Т. Н. Чернышовой «Античные элементы в Апокалипсисе» — содержали детальный анализ конкретных

письменных памятников. При их обсуждении были подняты некоторые теоретические вопросы анализа текста, контент-анализа, проблема аутентичности перевода.

Широко были представлены лингвистические доклады, посвященные реконструкции древних языков Балкан и сопредельных территорий. Вопросы их сравнительно-исторического изучения были затронуты в выступлениях В. Н. Топорова «Др.-греч. Σπάρτη и фрак. *Spart-», С. Я. Шарышкина «К формированию греческой падежной системы в свете крито-микенской письменности», В. Цымбурского «О связях древнемакедонского языка с балтославянскими», В. Э. Орла «Балканские этимологии I. Слав. *осьть», И. А. Калужской и В. Э. Орла «Индоевропейское *е в албанском». Доклады А. А. Белецкого «Названия рек Греции», Ю. В. Откупщикова «О фракийско-малоазийской ономастике Северного Причерноморья», В. П. Яйленко «Малоазийские имена в надписях Боспора» и С. Р. Тохтасьева «„Киммерийская“ топонимика Крыма» содержали анализ ономастического материала. Проблемам малоазийских языков в их связях с другими языками были посвящены доклады Вяч. Вс. Иванова «Новые данные о соотношении малоазийской ликийской, этрусской и римской письменных традиций. Обозначение чисел», Н. Н. Казанского «Об одном названии хлеба в языках Восточного Средиземноморья», Л. С. Баюн «Общелувийский тип спряжения: к проблеме реконструкции». В ряде докладов были рассмотрены проблемы истории армянского языка как наследника фригийского. Среди них: А. К. Гулякян «К вопросу об аргументе во фригийском, древнегреческом и

древнеармянском языках», Ц. Р. Арутюнян «К армяно-греческим соответствиям», Л. А. Сараджева «К этимологии арм. kałamaх „осина“». Некоторые проблемы дешифровки были затронуты в докладе А. А. Молчанова «Методика работы с минойскими текстами. Дешифровка и интерпретация». Современным языкам балканского ареала в историческом аспекте были посвящены доклады Г. П. Клепиковой «К проблеме стратификации романских заимствований в лексике языков балкано-карпатского ареала» и Т. Ф. Семеновой «К вопросу об изучении древних тюркских элементов в языках карпато-балканского ареала».

Вопросы реконструкции черт духовной культуры древних народов Балкан нашли отражение в докладах Т. Д. Златковской «Пути сохранения древнебалканской обрядовой традиции. Опыт систематизации», А. Н. Анфертьева «Проблема позднеантичного наследия в календарном фольклоре Балкан», О. П. Цыбенко «Ὀρμος Ἀρμονίας. К проблеме балкано-анатолийских этнокультурных связей».

Значительный интерес, проявленный к симпозиуму «Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология» специалистами различных отраслей знания, был вызван двумя причинами: его действительно интердисциплинарным характером и вынесением на обсуждение наиболее актуальных и дискуссионных проблем из области этногенеза, общих для ряда смежных гуманитарных дисциплин. Следует также отметить активное участие в симпозиуме молодых ученых как в качестве докладчиков (19 из 44), так и в проведении дискуссии.

Калужская И.

CONTENTS

<p><i>Krempa I.</i> (Czechoslovakia). B. Smeral — the revolutionary, patriot and internationalist. <i>Volkov V. K.</i>, <i>Guibianskii L. J.</i> The fundamental publication of the documents (To the publication of «The Soviet Union at the International Conferences during the Great Patriotic War 1941—1945», 6 Volumes). <i>Freidzon V. I.</i> To the theory of the Ethnical processes. In the connection with the publication of the book: Ju. V. Bromley. Contemporary Problems of Ethnography (Essays on Theory and History). <i>Britovšek M.</i> (Yugoslavia) The Academic Boris Zihlerl's views on the Slovenian historiography. <i>Bychkova M. E.</i> Polish traditions in the Russian genealogy of the XVIIth century. <i>Vereshchagin E. M.</i> Towards the Interpretation of an Obscure Place in the Translator Heritage of Ioann Exarch the Bulgarian. <i>Habovšt'ak A.</i> (Czechoslovakia). The origins of the Slovak language from the point of view of lexicology</p>	3
---	---

PROBLEMS OF THE BULGARIEN STUDIES IN THE USSR

<p><i>Markov D. Ph.</i> Bulgaristics as a complex of sciences. <i>Valev L. B.</i> Studies on the history of Bulgaria in the Soviet Union. <i>Zlydnev V. I.</i> Studies on the Bulgarian literature in the Soviet Union. Results and Perspectives. <i>Demi-na E. I.</i> The main research tendencies in the Bulgarian language in the Soviet scientists works.</p>	77
---	----

REVIEW — ARTICLES AND REVIEWS

<p><i>Olshanskii P.</i> St. Sl. Niceja. Julian Leszczyński-Leński. Biografia. <i>Peschany D. G. M. A.</i> Бирман. Формирование и развитие болгарского пролетариата (1878—1923). <i>Ryzhova M. I.</i> Researches on Oton Zhupanchič's creative works. <i>Isojevich Ja. D.</i> Trilogy about Ivan Phedorov. <i>Grigoriev A. P.</i> Evliya Celebi. Kniha ciest. Cesty po Slovensku. <i>Beltajeva V. I.</i> Historiografie v Československu. 1970—1980. Výběrová bibliografie.</p>	106
<p><i>Zajtseva N. I.</i> В. М. Мокяенко. Чешский язык. Учебное пособие по развитию разговорной речи</p>	122

SCIENTIFIC LIFE

<p><i>Morozova O.</i> Anniversary of the Polish uprising of 1830—1831. <i>Kaluzhskaya I.</i> Symposium on the Antique Balkan Studies.</p>	124
---	-----

Технический редактор *Е. В. Синицина*

Сдано в набор 11.06.81	Подписано к печати 13.08.81	Т-10265	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆
Высокая печать. Усл. печ. л. 11,2	Усл. кр.-отт. 14,4 тыс.		Уч.-изд. л. 11,8 Бум. л. 4,0
Тираж 1247 экз. Зак 537			

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.
Индекс 70891